

ДЖАК

роман о сводном брате рок-звезде

BOOKS FOR YOUNG

ВИВИЕН ЛАКС

Он ДЖАКС. Он рок-звезда. Он неудачник. Он разбил мне сердце. Он мой новый сводный брат. Джексон Блу — принц рока: сын одной из самых известных женщин на планете. Он был моим первым... всем. Затем он разбил мое сердце самым публичным возможным способом. Я больше никогда не хочу слышать о Джексе снова. Как жаль, что его музыка преследует меня везде, куда бы я ни пошла. Теперь, мой тяжело-живущий техник отец женится на звездной матери Джекса и четверо из нас должны сосуществовать в одном доме две недели. Джекс по-прежнему такой же сексуальный, высокомерный придурок, в которого я влюбилась, и я слишком слаба, чтобы долго сопротивляться ему. Так что я заключила сделку с собой. Это только до свадьбы. Это только на время. Это ничего не значит. Я не делаю ничего неправильного... так?

Пролог.

— Бит?

— М-м-м? — Я почти уснула. В крошечной темноте студии я могла бы подумать, что его голос был реальным.

Пока я не услышала, как он хохотнул

— Уже спишь, Бит? Я вымотал тебя так сильно?

Я простонала и перевернулась. Его обнаженное тело было прижато к моему. Теплое, тяжелое и твердое. Я была вялой и мягкой, как мокрая лапша, после того, что мы только что сделали, но я бы никогда не сказала ему это. Его это определенно не нуждалось в поддержке.

— Я не сплю. — Я тяжело вздохнула.

Он прижал свои губы к моему плечу.

— Хорошо, потому что мои руки полностью онемели. Могу ли я их забрать?

Бормоча, я плюхнулась на спину. Он выдернул свои руки из-под меня с облегченным вздохом. Ощущалось, словно он уходил. И я почти запаниковала.

До тех пор, пока он быстро не притянул меня ближе.

— Вот, — промурлыкал он около моего лба, — так лучше.

Я была прижата к нему на узкой помятой софе, что стоит в дальнем углу студии. Я не могла его разглядеть, потому что вокруг царил густая темнота, но перед моим мысленным взором я могла отчетливо представить его длинное тело и то, как я пробегала рукой вдоль его бока, спускаясь к бедрам.

— Это на самом деле произошло? — прошептала я.

Сейчас был его черед засыпать. Он вздохнул, потянулся, затем его рука лениво погладила мой живот, заключив в ладонь мою грудь.

— Да, Бит. — Он усмехнулся. — Это произошло. Это не одна из твоих историй. Это правда.

Чертовски верно. Это не была одна из моих историй. Это было лучше. Лучше, чем я когда-либо могла бы себе представить, серьезно. Я думала, мы будем обмениваться нежными объятиями. Но нет, это было намного больше, чем объятия. Грубо. Настойчиво. Даже примитивно. Вместо запоминающихся сладких слов у меня были отпечатки его пальцев на коже. И мне это нравилось.

Это делало все более реальным.

— Так то, что говоришь, это... — Я замолчала. Я нуждалась в том, чтобы он сказал еще

что-нибудь. О том, что это значит. Для него. Для меня. Для него и меня... вместе. Он, должно быть, услышал раздражение в моем голосе, потому что не попался на удочку. Вместо этого он прижал меня еще теснее.

— Да, у нас был секс, Лилиана, — сказал он, используя мое настоящее имя в этот раз. — Занимались любовью. Называй это так, как хочешь, но мы сделали это. Не надо раздражаться сейчас на меня.

Но я уже опередила его. Полностью проснувшись сейчас, я напряглась и отпрянула. Не раздражаться? Как я могла не выйти из себя? У меня только что был секс... нет, хуже: я только что потеряла девственность с...

Джаксом.

Джаксом!

Джаксом-мать-его-Блу!

— Лили, ш-ш-ш, я могу чувствовать, как ты нервничаешь. Остановись. — Джакс как-то отыскал мои губы в темноте, проведя своими губами напротив моих.

— Как, черт возьми, я должна остановиться? — спросила я его. Я честно хотела знать. — Я не могу поверить, что мы... что я отдала тебе... что ты лишил... — Я покраснела от воспоминаний.

Джакс погладил мои волосы в темноте. Я могла ощутить мозоли от гитары на его пальцах. Тех самых пальцев, которые я совсем недавно сосала и целовала, пока он вколачивался в меня.

— Почему ты не можешь поверить в это? — спросил он. — Я чертовски люблю тебя, Лили.

Мое сердце остановилось. Время замерло. Я утопала в темноте и тепле его рук. Я слушала, ожидая его смеха, что он возьмет слова назад, скажет, что он поимел меня, и это была лишь шутка.

Вместо этого я услышала его глубокое и тихое дыхание.

Святое дерьмо, он уснул. Сразу после того, как он скинул эту бомбу на меня.

Это был самый высокомерный и дерзкий поступок, который Джаксон Блу мог когда-либо сделать.

Я не смогла сдержать смех.

— Черт подери, Джакс. Я тоже люблю тебя, болван.

И затем я уснула в его объятиях.

Глава 1.

Лилиана.

С самых первых строчек мое сердце ушло в пятки.

Мне надо убраться отсюда. Быстро.

— Энджел? — судорожно крикнула я в сторону примерочной. — Я пойду в соседнее здание. Нуждаюсь в кофеине. Ты хочешь чего-нибудь?

— Карамельный латте? — Моя соседка по комнате отозвалась изнутри. Этот шопинг предполагался как сближение и возможность узнать друг друга, но похер. Я не могу оставаться в этом магазине и минутой дольше.

Бит был заразительным. Я могла заметить, как покупатели начали пританцовывать рядом со стеллажами скидочных джинсов. Это была попсовая песня с ритмом четыре четверти (прим. переводчика four-on-the-floor — это размер четыре четверти, с акцентированием ритма бас-барабаном (типичный для, например, стиля "диско")), со

звуками синтезатора и долбящими басами. Её почти невозможно игнорировать.

И она уже была в моей голове. Последнее место, где я хотела, чтобы она находилась.

Я выбежала на знойное тепло улиц Нью-Йорка, мои щеки были краснее и горячее от того, как я адски старалась избежать летнего хита. Я вошла в прохладное помещение Старбакса по соседству и заняла место в очереди.

Из динамиков над головой доносилась тихая брэнчащая инди-фолк мелодия. Я облегченно выдохнула. Я проверила свои ногти, обещая уже пятьдесят миллионов раз остановиться и не кусать их, а затем сразу помещала ноготь в рот и начинала грызть.

Я была следующей в очереди, когда звучащая песенка закончилась. Затем последовала пауза. Я вытянула шею и увидела, как один из бариста менял песню на айпюде за стойкой.

И пошло-поехало.

Я старалась держаться до тех пор, пока вокалист не запел. Он начал с припева, заколачивая гвоздь прямо в середину моего сердца.

You got it right, babe (Все правильно, детка)

We spent the night, babe (Мы провели ночь, детка)

And I'm just a little bit cocky, yes, it's true... (И я немного наглый, да, правда...)

Я была снаружи раньше, чем песня начала нарастать. Потому что он сказал не “Литтл Бит”. Нет, он невнятно произнес слова, и это прозвучало больше как “Лил Бит”.

Лил Бит.

Лилиана Несбит.

Я.

Джаксон Блу проработал свой путь обратно в мою жизнь, собираясь все разрушить еще раз. И в этот раз даже без надобности видеть меня в лицо.

Я выбежала из кофейни, закрывая уши руками, но басы все еще отдавались в моей груди, от чего мое сердце бешено колотилось... прямо как тогда, когда Джайк впервые стоял обнаженный передо мной. Татуированный и тлеющий, с синими волосами, что дезориентировало, вкупе с его глубокими голубыми глазами. Он заключил мое лицо в свои ладони, и я растаяла лужицей у его ног.

Я была на полпути к апартаментам, прежде чем вспомнила об Энджел. И ее кофе. И моем.

Это был вопрос жизни и смерти. Она должна понять. Или если она не поймет, то этот приступ странного поведения будет еще одной темой для хихиканья со своим парнем, который остается у нас на ночь и еще ни разу не заплатил за аренду... или еду... или километры туалетной бумаги, которой забит наш старенький туалет каждым утром. Или, может быть, она устроит очередную вечеринку, не сказав мне и оставляя меня тем, кто должен будет убирать нашу крошечную обувную коробку.

Не могу поверить, что он использовал мои же слова в песне обо мне.

Я остановилась с коротким вздохом. Я злилась не на Энджел. Она была взбалмошной неряхой, избалованной принцессой Среднего Запада, которой не хватало навыков реального мира. Эти навыки должен иметь каждый взрослый человек, но опять же, кем была я? Мы обе девятнадцатилетние незнакомки в этом городе. Мы вдали от родных и близких. Я могла бы быть с ней помягче.

А вот он?

— Ты не имел в виду не единого слова, — прошептала я.

— Ты заблуждаешься, — хохотнул он.

— Ты наглый засранец.

— Так точно, детка.

Он может гнить в аду.

Глава 2.

Джакс.

Я устал от необходимости общаться с каждым второсортным блогером, который пересекался со мной. Но намного хуже было сидеть здесь, слушать их болтовню о моей матери с таким благоговением, которое, как правило, уготовано долбаному Папе Римскому.

— И каково было расти сыном Энни Блу?

Эта блогерша — маленькая соблазнительная особа, которую я определенно мог бы привести домой при условии, что она снимет отвратительно огромные очки в виде кошачьих глаз, что занимают все ее лицо, — просто задала мне тот же гребанный вопрос, что и предыдущие десять репортеров на этом банкете. *Сколько еще надо выдумать остроумных и лаконичных способов сообщить им о том, что я действительно хочу сказать? И как прикажете отвечать на тупой вопрос?*

Быть сыном Энни Блу — это все, кем я когда-либо был.

Даже сейчас, когда мой лейбл готовится к релизу моего первого студийного диска. Даже сейчас, когда мой первый сингл имел взрывной успех. Даже сейчас, когда у меня была студия для последующей работы в полном формате. Даже сейчас, когда в моей истории работы был кавер Rolling Stones и мой первый тур был на стадии планирования.

Даже после всего этого я все еще был гребанным сыном долбаной Энни-мать-ее-Блу.

Я, конечно, не сказал этого. Вместо этого я переместился на стуле, разведя ноги на секунду. Миленькие глазки блогерши прошлись прямо по моей промежности, и я слегка улыбнулся. Да, она хочет его. Пару обдуманых слов, и она будет умолять меня.

— Ну... — улыбнулся я, демонстрируя ямочки, зная, что они сводили девушек с ума. — Быть сыном Энни Блу? Это единственная вещь, которую я когда-либо знал, милая. — Она качнулась немного правее. Просто сними эти очки. — Для некоторых людей, моя мать — идол, — добавил я, ненавидя то, как правдоподобно и напыщенно это прозвучало, — но для меня, она всегда будет мамой.

Я чуть не блеванул себе в рот после произнесенного. Я превзошел сам себя. Последний раз, когда я называл Энни “мамой”, я был еще в пеленках. Она заставила меня называть ее Энни в тот момент, как я перестал шепелявить и пускать слюни, и любые материнские чувства, которые могли бы быть у нее ко мне, заглушила ее самовлюбленность.

Соблазнительница хихикнула, быстро печатая на своем элегантном Макбуке.

— Я просто не могу представить, как кто-то зовет Энни Блу “мамой”, — произнесла она, трясая головой. — Она богиня.

Я постарался сдержать резкий вздох, но не смог. К счастью, мой публицист точно знала, что это значит.

— Время, которым располагал мистер Блу, вышло, — резко сказала Беверли.

Блогерша выглядела потрясенной. Я точно знал, что она ожидала закончить все это в постели. Хотя бы в этом отношении я был сам по себе. Никто не называл меня сыном Энни Блу, когда я брал их домой. Это мое имя они выкрикивали.

Я встал и пожал ее руку, давая ей в полной мере оценить мои ямочки. Она издала звук, типа маленького писка, и я мог почувствовать запах желания, волнами исходящий от нее. Может быть, я смогу извлечь выгоду от ее “стояка на Энни Блу” в собственных целях?

Но к счастью, Беверли знает меня лучше, чем я сам.

— Мистер Блу, — сказала она, — я договорилась, чтобы вы взяли перерыв. Хотите ли вы что-нибудь со столика с закусками?

Блогерша, замолчав, ускользнула, укладывая свой лэптоп в сумку. Я позволил себе бросить прощальный взгляд на ее задницу, затем вздохнул.

— Как много раз ты обламывала меня к этому моменту, Бев?

Беверли выгнула бровь.

— Кто, я? Я только слежу за благополучием моего лучшего клиента.

— Чушь собачья. Тебе просто не нравятся конкуренты.

Беверли засмеялась.

— К счастью для нас обоих, мы не конкурируем в одном бассейне. — Она позволила своим глазам задержаться на секунду, пока блогерша скрывалась за углом, а затем покачала головой. — Я могла бы научить эту девочку нескольким вещам. — Она вздохнула.

Я облизнул свои губы.

— Пожалуйста, убедись, что ты снимешь это на видео, — сказал я ей, хватаясь за пах.

— Ты абсолютная свинья, и я понятия не имею, почему терплю тебя. Давай, — голос Беверли прозвучал серьезно, но я мог сказать, что она была в секунде от смеха. Попадая под мои радикальные феминистические взгляды, доставать лесбиянку-публициста было одним из моих любимых хобби, второе, возможно, создание музыки.

Такое, блядь, клише, не так ли? Сын рок-звезды, внук рок-звезды, пытающийся проложить свой собственный путь в музыкальную индустрию. Настолько знакомая история, что почти грустная. Я бы выпустил четыре записанные песни, просто чтобы выкинуть их из головы, а затем вернуться к моей унылой жизни плейбоя, живущего за счет своей матери. Я даже сам в это поверил, думая, что буду использовать мамины связи, чтобы удовлетворить свой интерес.

Я никогда не рассчитывал, что мне это понравится больше всего на свете.

И также я никогда не рассчитывал, что я окажусь хорош в этом.

Теперь маленькая песня, что я написал год назад, поэма, которую я набросал в одну из своих тетрадей после самого большого проеба в моей жизни, была, блядь, везде. И никто из нас не был к этому готов.

Меньшего всего я.

Лейбл заставил меня бороться. Серия клубных выступлений, правда, в небольших масштабах, тур был запланирован на данный момент. У меня была забронирована студия уже на полноценное последующее партнерство, ценой альбома, материал которого я еще даже не написал. Конечно, лейбл предложил услуги лучших авторов песен в нашем деле, но хуй с ними. Это был мой момент, мое время блистать. У “(Немного) Наглец” (прим. переводчика Little Bit = Lil Bit, в переводе “немного, чуть-чуть”) были мои слова, но чужая музыка. Я готов был стоять на своем и убедиться в том, что в этот раз мир услышит и слова, и музыку.

Бев и я с жадностью проглотили пару сэндвичей, смотря видео о том, как парни ломают свое оборудование. Мое лицо все еще было в макияже, который намазал стилист, прежде чем банкет начался. Макияж ощущался как плотная маска.

— Который, черт возьми, сейчас час? — спросил я Бев.

Мой менеджер украдкой бросила взгляд на телефон.

— До хрена позже, чем должно быть, — произнесла она, качая головой. — Прости,

Джакс. Мне, правда, нужно лучше разбираться со всем этим ради тебя.

Я погладил ее руку. Как-то, давным-давно, я пытался затащить ее в постель. Она так нежно отшила меня, что с тех пор я чувствовал своего рода защитный инстинкт по отношению к ней.

— Нет, я слишком много болтал. Ты это знаешь.

Бев закатила глаза.

— Ты слишком много говоришь и слишком много разоблачаешь, Джакс.

Я поднял руку вверх, чтобы предотвратить последующую лекцию.

— Я думал, что хорошо справился в этот раз.

— *Каково было расти сыном Энни Блу?* — сказала она, пародируя тонкий голос блогерши. — На этом она пыталась подловить тебя. Ты говоришь: “Отлично”. И двигаешься дальше. Не подкидывай им еще больше корма, чем у них уже есть.

Я поморщился. Бев не сказала этого, но я точно знал, что она имела в виду. Журнал “Питчфорк” назвал мой “загадочный” текст “самой большой тайной со времен песни “Ты такой тщеславный” Карли Саймон” (прим. переводчика «You’re So Vain» («Ты такой тщеславный»)) — песня американской поп-певицы Карли Саймон, включённая в её третий студийный альбом No Secrets и выпущенная записывающей компанией Elektra Records синглом в декабре 1972 года.).

— *Кто эта Литтл Бит?* — гремел заголовок.

Но это неправильно. Не “Литтл Бит”.

Лил Бит.

Лилиана Несбит.

Единственная девушка, которую я когда-либо любил.

Глава 3.

Лилиана.

Когда Энджел вернулась в квартиру, она протопала мимо меня в свою спальню и захлопнула дверь за собой с такой силой, что моя книга упала с тумбочки.

Она, наверное, злилась на меня.

И, я полагаю, у нее есть на это право.

Я села за свой дерьмовый стол из комиссионного магазина, продумывая извинения. Но извинения означали бы объяснения, а это значит, что она будет задавать мне вопросы, а потом мне придется как-то объяснить ей свою связь с Джаксоном Блу.

Я могу представить, как пройдет такой разговор.

— *Да, я потеряла девственность с этим секс-богом, лицом которого увешан весь интернет.*

— *Нет. Это правда. Я, Лилиана Несбит, девушка, которую ты знаешь как свою мышку-соседку и ту, которая запирается в своей комнате и пишет любовные романы.*

— *Да. Я. И это не шутка”.*

Она будет думать обо мне как о сумасшедшей, какой, я уверена, она уже меня считает.

Лучше просто оставить это.

Кроме того, я сейчас была в экстазе.

Если бы была еще одна вещь, за которую я должна отдать должное Джаксону, это то, что он был отличным вдохновителем. Как только я пришла домой и села перед своим пылящимся ноутбуком, слова начали сочиться.

Все пришло сразу: моя героиня, в нетипичном порыве храбрости, вывела свою лошадь за

ворота, где в последний раз был замечен незнакомец. Она крикнула, ее голос прокатился через болота, но единственным ответом было эхо. Ветер поднял прядь иссиня-черных локонов, которые позже она засунула под шапочку для верховой езды.

Мои ногти клацали по клавиатуре. Изредка я прерывалась, чтобы погрызть ногти, но в остальном же все было спокойно и сосредоточенно. Я могу сказать, будто участвую в этой сцене, так как мое сердце учащенно бьется, а дыхание стало прерывистым. Я жила в голове своей героини.

Вплоть до осознания того, что должно идти следом.

Сексуальная сцена.

Они всегда неудачны. Сексуальные сцены тяжело писать, когда у тебя ограниченный опыт в этом.

К счастью для меня, мой скромный опыт был невероятным. Точно до момента, когда это разбило мне сердце.

Я откинулась на спинку стула и размяла пальцы. Геральдин Хантер, опозоренная наследница фортуны Хантеров, только что вошла в огромный полуразрушенный дом пастора, принадлежащий нелюдимому аристократу Тристану Барду. Ее сердце учащенно билось внутри плотно стянутого корсета, пока она смотрела, как потрясающе красивый Тристан спускался по лестнице. Его глаза оценивали ее тело.

Да, это будет потрясающе.

Вот только мне надо больше кофе, прежде чем я продолжу.

Я поднялась со стула и оглядела комнату. Солнце садилось ниже зданий за нашим домом, и солнечный свет больше не мог попадать в мое одинокое окно. Я совсем забыла включить свет с этим писательским порывом.

Я расхаживала в маленьком пространстве, погруженная в мысли, и включила лампу, пока разыгрывала сцену, которую собиралась написать. То, как руки Тристана сжали затылок Геральдин, принуждая ее отклонить голову вверх, пока его губы пожирали ее. То, как его “мужское достоинство” было настолько твердым и негибким, что она чувствовала его даже сквозь объемную массу юбок, которые образовали барьер между ними.

Для меня всегда было легко писать прелюдии. Страстное томление, трепещущие ощущения, что вызывали мурашки... Да, я была мастером сексуального напряжения.

Но, как только мои герои достают член, сцены были всегда одинаковые. Они следовали по сценарию... единственному, который я знала.

Я села назад и начала печатать, сначала медленно, с нарастающей скоростью. И как только я закончила писать, то начала краснеть.

И смущенно ерзать.

И ненавидеть себя.

И ненавидеть Джексона Блу.

Тристан — нет, Джексон, всегда долбанный Джексон, потому что я просто заменяю имя, — откинулся на кровать, придерживая свою голову одной рукой, пока во второй была сигарета. Дым лениво клубился к потолку.

— Это был твой первый раз? — спросил он меня... Геральдин, не важно.

— Нет. — Я покраснела, затем сказала правду: — Да.

Глаза Джексона немного затуманились, когда он затянулся.

— Ну, теперь ты разрушена, Лил Бит.

— К чему ты это говоришь?

— Потому что у тебя никогда не будет парня, настолько хорошего, как я.

Я хихикнула.

— Ты чертовски самоуверенный. — Я настолько была увлечена им, что больно вспоминать.

Слова начали приходить. Много и быстро, мои пальцы лихорадочно двигались, чтобы захватить каждую деталь, что могла вспомнить. Ну, конечно, я приукрасила. Тристаном, естественно, был Джексон, но Джекс, поступивший правильно. Хорошая версия Джекса, который подарил мне долго и счастливо, чего никогда не будет в реальной жизни.

Фантазии, как обычно, несли меня до самого конца. Солнце снова выглядывало из-за края моего здания, когда я подняла свои болезненно ноющие глаза от экрана.

Пять четырнадцать утра по Нью-Йоркскому времени, и я закончила последний шедевр Лилианы Грейс. Я напечатала свое любимое слово — КОНЕЦ — и поднялась, все еще ошеломленная нанесенным самой себе ущербом от книжного похмелья.

Телефон, вибрирующий на столе, почти довел меня до чертового сердечного приступа.

Когда я увидела номер, то закатила глаза. У моего отца не было нормального человеческого понятия постельного режима, и эту черту я, похоже, переняла от него.

— Привет, папочка, — прокаркала я в трубку. Мой голос был хриплый от того, что я долго молчала.

На заднем фоне послышались лязгающие шумы, возгласы и крики, все еще бушевавшие на западном побережье. Тот самый шум, знакомый мне до костей, — звуки вечеринки. Но эти были намного громче обычных.

— Лил Бит! — прокричал папа через шумы, звуча больше, чем немного пьяный. — Малышка, она сказала “да”! Энни сказала “да”!

Я была чертовски уставшей, чтобы понять, о чем он, черт возьми, говорит.

— Энни сказала что, пап? — прокричала в ответ.

— Она собирается сделать из меня настоящего мужчину!

Раздался грохот смеха, и слышались сдавленные звуки аплодисментов. Мой отец кричал еще что-то, чего я не слышала, но оно было встречено одобрительными возгласами. А я по-прежнему стояла на месте, пытаюсь переварить, что он говорил.

— Ты и Энни? Собираетесь пожениться?

Послышалась возня в телефоне, а затем дымчато-богатый голос Энни внезапно заполнил мои уши.

— Лилиана, он наконец-то сделал это, крысиный ублюдок. Хочет связать меня после всех этих лет.

Я слабо улыбнулась, пульс грохотал, так как я знала, о чем она собирается спросить меня.

Она выдохнула, может, сигарету, возможно, косяк, и сразу скинула на меня бомбу.

— Ты можешь приехать сюда для свадьбы?

Мои руки дрожали, и у меня возникло желание убежать, хотя я не уйду далеко из этой норки, которую я звала домом.

— У вас с папой будет свадьба?

— Ох, мы слишком стары для чего-то большого, — сказала Энни. — Только несколько друзей и родственников. И наши дети.

Миллионы мыслей соперничали за пространство в моем мозгу. Мысли об Энни и моем отце, связывающих себя узами брака после их вечных расставаний и воссоединений, что

охватывали все мое время на протяжении жизни, мысли о том, что я снова увижу их всех: Бэша, Диггса, Красти Пэта, Грэга Фингерса.... Но большего всего я думала о том, что *я снова увижу Джакса*.

И сразу за этим ужасающее осознание того, что Джаксон Блу, рок-наследник в третьем поколении, наглый ублюдок, который забрал мою девственность, а затем публично разбил моё сердце, будет моим сводным братом.

Глава 4.

Джакс.

— Спасибо за сегодня, Бев. — Я проглотил последний кусок своего сэндвича.

— Я позвоню утром с твоим маршрутом, — ответила она, листая свой телефон. — Напряженный день.

— А когда нет? — проворчал я. Лейбл заставлял меня мотаться по всем этим местам для наглядности, когда песни, которые я должен был представить, даже наполовину не закончены еще. Это пиздец как раздражало. Я выскользнул из здания через черный вход, не желая рисковать и наткнуться на кого-нибудь, кто захочет что-нибудь от меня.

И закончилось все тем, что я наткнулся на того, кто хотел кое-что специфичное.

— Мистер Блу, извините, что беспокою вас, но я чувствовала, что мы там немного... не закончили.

Маленькая блогерша ждала меня в засаде на аллее за зданием. Хитрая малышка. Она плавно приблизилась ко мне и сняла эти ужасные очки с лица.

Ну, похер.

— Я остаюсь в Плазе, — сказал я хрипло.

Ее глаза сияли, но от такой чести она не произнесла ни слова, а просто помчалась обратно к машине и, взвизгнув, уехала. Это могло быть комично, если бы я по-прежнему был способен смеяться.

Вот, что будет этим вечером. Бутылка, блогерша и некоторое приятное отвлечение. «Жизнь могла быть и хуже», — напомнил я себе.

Она ждала меня в лобби, а секундой позже, когда мы оказались в частном лифте, она стояла передо мной на коленях.

— Я просто ваша фанатка, — проворковала она, поглаживая мой член по всей длине, облизывая свои губы. — Я так долго хотела встретиться с вами...

— Медленнее, милая, — проскрипел я. Она дергала так сильно, будто она хотела оторвать его от меня.

— О-ох, простите. Позвольте лучше поцеловать его.

Дверь со звоном открылась, и я встретился лицом к лицу со своей матерью.

Энни переводила взгляд с меня на девушку, на мой член и затем обратно на меня, состроив брови в этой идиотском фирменном выражении лица, которое она всегда натягивала.

— Вставай, милая, — наконец протянула она.

Блогерша пискнула и отпрыгнула от моего члена, словно он был в огне.

— Мисс Блу! О Боже, мне так жаль! Я ваша самая большая фанатка. У меня есть все ваши альбомы, даже те, что вышли до моего рождения. Вы легенда!

— Спасибо, милая. — Энни сверкнула своей улыбкой, которая украшала обложки миллионов журналов. Затем повернулась ко мне, к ее непутевому сыну.

— Джакс, не мог бы ты убрать свой член сию же секунду. Есть кое-что, что я хотела

тебе сказать.

— Ты можешь позвонить мне! — проблеяла блогерша, когда я шагнул из лифта в пентхаус. Двери закрылись прежде, чем я успел ответить, что было хорошо.

— Что? — спросил я Энни, скрещивая руки.

Она закатила глаза.

— Веселенькая ночка?

— Могла быть, — возразил я, — пока моя гребанная мать не ворвалась ко мне в номер. Что вообще ты здесь делаешь?

— Я заплатила за него. Это означает, что он мой, — сказала Энни, словно это было очевидно... и это, блядь, было так. Но ненадолго.

— Что ты хотела сказать мне? — Впервые я участвовал в развернувшейся сцене передо мной. Вся чертова свита была здесь, все старперы, что являлись маминой гастролирующей командой еще перед тем, как я родился. Красти Пит, Бэш, Диггс, Грэгори Фингерс, чуваки, которых я звал дядями, и иногда мне хотелось назвать их отцами.

Наилс подошел и обернул его руку вокруг Энни.

— Что за чертовщину ты сделал со своими волосами, Джакс? — проворчал он вместо приветствия.

Я усмехнулся в ответ.

— Что за чертовщину ты сделал со своим лицом? Эта штука выглядит так, словно ты прячешь в ней птичье гнездо или типа того.

Наилс погладил свою бороду.

— Не, я чистил ее утром. Были яйца на завтрак.

Я рассмеялся, когда он протянул руку. Мы обхватили предплечья на мгновение, прежде чем я понял кое-что.

— Эй, а чего это ты такой добрый? Обычно ты полный мудака.

Я ожидал, что Наилс начнет ворчать и ругаться, уходя в паршивом настроении, как обычно происходит. Уходящий-приходящий парень Энни был старым угрюмым ублюдком, который, по-видимому, любит только три вещи. И я точно не входил в этот список. Наилс Несбит любит громкие гитары, Кентукский бурбон и мою мать, возможно, именно в этом порядке.

— Давай выпьем, — вставила Энни. — Мы ждали тебя.

— Чертовски уверен, что так, — пробормотал я. Кстати, она говорила невнятно. Энни наверняка была уже пьяна.

— Это, бля, праздник, — загудел Наилс, возвращаясь с тремя шотами. — До дна. — Он опрокинул свою рюмку прежде, чем даже я успел поднести свою к губам, затем обернул свою руку вокруг Энни, которая хихикала. Твою дивизию, она хихикала. Моя мать никогда не хихикает. Что за чертовщина происходит?

— Что мы празднуем? — спросил я. Я был напряженным. Энни вторглась в мое личное пространство, словно в этом не было ничего нового. Но Энни, приводившая всю компанию и хихикающая? Это было чертовски *странно*.

Два старпера переглянулись с такими влюбленными выражениями на их лицах, что меня чуть не вырвало подступившим заново бурбоном.

— Твоя мать наконец-то решила прекратить водить меня за нос, — грубовато отозвался Наилс. Его голос был намного мягче, чем слова.

Энни игриво шлепнула его, когда страх охватил меня.

— Иди нахер, Лаил, — проворковала она. Затем она повернулась ко мне. — Наилс сделал мне предложение. Я сказала “да”.

Что-то взорвалось внутри моей головы, прямо над моей левой бровью.

— Ты что?!

— Мы женимся, Джакс.

— Вообще... нахуя ... вы это делаете? — Мой рот был широко открытым, будто я был идиотом, и я плотно его закрыл, прежде чем взорваться снова. — Вы собираетесь пожениться?

— Мы подумали, что пора бы уже, — сказал Наилс, словно эта не была самая идиотская вещь, которую когда-либо кто-либо говорил. — Я люблю твою маму. Ты знаешь это, Джакс.

— Как скажешь. — Я продолжал быть засранцем и не мог успокоиться. — Это тупо. Вы старые. Кого вообще волнует этот факт?

— Нас, — небрежно произнесла Энни. Она поцеловала Наилса поцелуем, который длился так чертовски долго, что мне пришлось обернуться и отойти, прежде чем я реально блевану на свои ботинки.

Но другая вспышка в моем мозгу остановила меня на полпути.

— Подождите, — сказал я, поворачиваясь на каблуках. — Лили знает?

Наилс довольно долго отлипал от моей матери, чтобы ответить.

— Да, мы уже позвонили ей, — сказал он так же небрежно, как и Энни. Оба они вели себя так, словно это была самая обычная вещь. Будто, сука, не слишком большое дело, что они собираются пожениться после, блядь, ссор между ними, что длились на протяжении почти пятнадцати лет.

И Лили.

Блядь.

Лилиана. Дочь Наилса. Все это плачевное и убогое положение дел делает мою Лил Бит — мою тайную обиду, мою печальную одержимость — моей чертовой сестрой.

Глава 5.

Лилиана.

Одна из основных причин, почему я никогда не была способна удержать что-нибудь, напоминающее “настоящую работу”, так это моя неспособность прибыть куда-либо вовремя. Все знают, что ты должен прибыть, по крайней мере, на два часа раньше рейса, в другом случае, нужно молиться, чтобы пройти через охрану вовремя.

Я прибыла сорока пяти минутами ранее и была чрезвычайно впечатлена собой. То есть, пока не увидела очередь, пробирающуюся сквозь линию охраны.

Толпа плотно сгустилась вокруг меня, пока мы продвигались через лабиринт турникетов, что я чувствовала себя коровой по дороге на скотобойню.

— Му, — пробормотала я себе под нос. Пожилая леди, стоящая впереди, с сильной химической завивкой окинула меня удивленным взглядом через плечо, а затем двинулась вперед, чтобы дать больше пространства сумасшедшей девушке. Я глубоко вздохнула, чувствуя, как клаустрофобия рассеялась немного из-за дополнительного пространства. Может, я должна всегда прикидываться сумасшедшей. Может, это будет сдерживать людей от такой скученности вокруг меня.

Я не люблю толпы или публику. Или, в действительности, людей в целом. Хотя мой отец живет ради этого.

Они говорят «мечты о рок-н-ролле никогда не умрут» это, как никогда, кстати,

подходило моему отцу. Я знала, что он так или иначе, любил меня. Ну, как маленький ребенок инстинктивно мог бы это назвать. Но он никогда не был хорош в том, чтобы продемонстрировать это. Я была на втором плане, не больше помехи, тем, чего он действительно никогда не рассматривал в первую очередь. Единственные воспоминания о нём, находящемся с нами дома, были о том, как он курил в гараже с гитарой на коленях и с отвлечённым выражением лица.

— Что ты делаешь здесь? Найди маму, — говорил он всегда, если замечал, как я стояла и наблюдала за ним.

После печального и бесполезного пребывания в роли нормального, провинциального отца, Лаил Несбит еще раз поддался своей мечте о рок-н-ролле, оставив мою мать самостоятельно растить трехлетнюю дочь.

— Я не ненавижу его, милая, — она вздыхала, когда я спрашивала ее, но она никогда не смогла бы полностью убедить меня. Моя мать вышла замуж за Грэма, когда мне было пять, тогда мы переехали в его большой дом на углу. В тот день я обрела нового отца и двух сводных братьев одним махом. Но если я думала, что кто-то обратит на меня внимание, то глубоко ошибалась. Мальчишки Грэма были дикими, проблемными и вечно дрались то ли в шутку, то ли всерьез. И Грэм орал на них до тех пор, пока не срывал свой голос. Я же оставалась в стороне, оттачивая свой талант оставаться полностью незамеченной «идеальной папочкой».

Грэм был бесполезным, с присущей ему чопорностью, настолько отличающийся от моего отца, что было смешно. Он считал себя ученым и гордился книгами в кожаных переплетах, расставленными на полках. Я не видела, чтобы он их когда-нибудь открывал. Он был больше фоновым шумом в моей жизни, нежели отцом, но я действительно благодарна ему за одну вещь: мой девиз. Он скривился однажды, после того, как я вербально унизила его на полпути к двери на вечеринку к друзьям.

«И хоть мала, она душой свирепа».

Шекспир. Сон в летнюю ночь. Конечно, я запомнила это. Я читала любые книги, до которых могла добраться, переписывая отрывки, которые разговаривали со мной в стопках журналов, небрежно написанные мной днем и ночью. Это заставило меня остановиться и рассмотреть Грэма в ином свете.

Затем он вернулся к привычному поведению придурка, и момент был упущен.

Тихая, маленькая и свирепая. Такой я была. Как я определила себя даже, когда свирепость казалась далеко за пределами досягаемости. Когда слезы позорно кололи мои глаза, и я смахивала их раньше, чем они успели бы упасть. Я всегда напоминала себе: свирепа. Эта была мантра, в которую я верила, даже когда не могла поверить в себя.

Я мечтала уже пройти к передней линии.

— Разувайтесь, — машинально произнес агент УТБ*, — Упакуйте ваши вещи в пакеты и пройдите сюда.

Все поспешили подчиниться, хватая серые пакеты и раскидывая вещи, словно малыши, укладывающие игрушки. Мне пришлось нырнуть в сторону, прежде чем меня успели бы убрать с пути.

— Эй, смотри, куда ты швыряешь эту штуку! — я гаркнула на суетливого бизнесмена.

Он огляделся и затем посмотрел вниз.

— О, извини, я не заметил тебя там внизу.

И затем ублюдок ухмыльнулся собственной шутке.

— У меня идеальный рост чтобы ударить тебя по яйцам, — ответила я громко.

Он пару раз открыл свой тупой рот, таращась как рыба. Я производила такой эффект на парней вроде него, вот таких самоуверенных, которые не могут представить, что кто-то похожий на меня, весь такой маленький, может обладать темпераментом. Парни, вроде него теряют дар речи, когда сталкиваются с жестокостью. Это одна из причин, по которой я всё ещё одинока.

Джаксон никогда не смотрел на меня свысока.

Что за черт? Заткнись.

Видимо, мой предательский мозг, жаждущий перспективы воссоединения, решил воспроизвести нарезку из моей старой жизни. С мысленным стоном, я заставила себя вновь пережить слишком много дерьма.

Потому что было слишком много дерьма. И как только я заняла свое место в самолете, я знала, что никак не смогу остановить поток воспоминаний.

Жизнь в доме на углу продвигалась с предсказуемой скукотой. Единственный раз, когда я испытывала нечто похожее на волнение, было тогда, когда отец решал зайти. Это было нерегулярно и нечасто — дважды, может, трижды в год — но это вселяло надежду и, вдобавок, возможность отсчитывать время до тех пор, пока я не смогла бы съехать.

Видеть своего отца было тем, чего я всегда ждала с нетерпением, сколько бы раз он меня не разочаровывал.

В конце концов, он отказался от возможности стать рок-звездой и начал работать техническим помощником. Он был постоянно без денег и вечно на грани выселения из дома, но я никогда не видела его счастливее. Он привозил мне сувениры из своей «дорожной жизни» и я садилась на его колени, чертовски надеясь, что в этот раз он возьмет меня с собой.

Но только потому, что он был счастлив, не делает его менее дерьмовым отцом. Так же быстро, как он вваливался снова в мою жизнь, мой отец всегда исчезал, возвращаясь на дорогу, как одержимый. Иногда я мечтала, чтобы он полностью провалился, сдался и вернулся обратно домой, ко мне.

Но вместо этого он встретил Красти Пита Диллингема.

История о той ночи, сейчас, часть моей собственной легенды. Мой папа пошёл смотреть шоу в местный бар. Когда они начали шоу, из динамиков не доносилось ничего, кроме оглушительного шума. Техники в панике побежали за кулисы. Пока все остальные прикрывали свои уши, мой двухсот шестидесяти фунтовый (примерно 117 кг) бородатый отец запрыгнул на сцену, словно олимпийский прыгун в высоту и побежал менять неправильно подключенные кабели.

— Первое, что я заметил, его волосы были в беспорядке. Второе — была вонь, — мой отец всегда ухмылялся над этим моментом, хлопая Красти Питу по спине.

— Я поблагодарил его и сказал, что прямо сейчас мы потеряли одного из парней, — добавлял Пит, храбро отыгрывая свою роль в сюжете. — И, если он сможет поднять свою толстую задницу достаточно рано утром, у нас будет больше работы для него.

Пит представил моего отца Бэшу Гриллсу, одаренному барабанщику. Он давал выступления в различных клубах между концертными турами. Но как только его настоящие концерты снова начинались, он был способен умело обращаться с гитарой и так же быстро соображал, как мой отец.

Прямо здесь, в истории, Бэш всегда делал акцент на то, что он разглядывал

внушительную массу моего отца сверху вниз.

— Я никогда не смогу понять, как мужик может есть так много и всё еще двигаться быстро. Это противоречит как логике, так и физике, — тогда мой отец начинал гоготать, словно он впервые услышал эту шутку. Я и Джексон так сильно закатывали наши глаза, что они могли бы вывалиться. Затем мы начинали смеяться над реакцией друг друга, подстрекаемые нашим общим опытом быть подростками в самом офигительно странном подростковом положении... вообще.

Я улыбнулась воспоминаниям, прежде чем сердце смогло бы догнать мои мысли. И когда это случилось, я почувствовала болезненную пустоту, которая всегда возникала, когда я думала о Джеконе Блу. А поскольку я думала о нём почти всегда, я была опустошена довольно-таки часто.

Ощущения остались пока мы выруливали на взлетно-посадочную полосу. Я вжалась в кресло, благодарная за маленький обзор, когда приникла к окну. Парень, сидящий рядом со мной, полностью игнорировал меня, надев наушники и быстро провалившись в сон, пуская слюни с открытым ртом. Что-то в том, как он полностью игнорировал меня, будто я была частью самолета, заставило меня задуматься снова о моем отчине.

После пережитого детства на задворках дома Грэма, быть на вторых ролях, как ребенок Грэма и потери матери, жены Грэма, затем я по-настоящему потеряла свою мать. Рак яичников, что отнял ее, был быстрым и нещадным, превращая ее из уставшей, но все еще жизнерадостной женщины в задышающуюся оболочку за восемь месяцев, от начала до конца. Она уступила, когда мне было пятнадцать, и внезапно Грэм прозрел и заметил меня.

— Лилиана, я знаю, между нами не все было хорошо, — начал он говорить, сидя за кухонным столом, ночью, после ее похорон.

Но с меня было достаточно. Я подняла руки, прерывая его извинения:

— Тебе не нужно ничего говорить, Грэм. Я уже позвонила моему отцу.

— Твоему... отцу? — Грэм выплюнул последнее слово.

— Да... своему отцу.

— Лилиана, я растил тебя. Я твой отец.

Мое горе все еще было свежим для меня, чтобы оставаться доброй.

— Ты никого не растил, Грэм. Я вырастила себя сама, пока ты не видел.

Прямо тогда, его лицо было действительно натянуто вокруг глаз. Он опустил голову на руки и провел пальцами сквозь редующие волосы.

— Лили, я знаю, это не всегда было легко...

— Ни хрена, — сказала я, и мне понравилось, когда его взгляд метнулся обратно на меня, шокированный, что у меня хватило наглости сквернословить ему. — Не было. Но это было чертовски проще для тебя, Грэм. Я ухожу. Все подготовлено.

Мои вещи были уже собраны. Когда мой ухоженный отчим стоял в дверях и смотрел, как мой седеющий, татуированный отец посадил меня в свой потрепанный фургон, мне показалось, я заметила проблеск слез в его глазах. На мгновение я почти вернулась к нему. Мой отец, человек, чьи гены я делила, был абсолютно чужим. По крайней мере, этот нервный человек, который махал на прощание, был мне знаком.

Но с другой стороны, было слишком поздно возвращаться назад. Я сморгнула слезы и повторила про себя «свирепа», пока не стало немного лучше. Мы начали отъезжать, но звуков двигателя не было.

— Тупой кусок дерьма, заводись!

Я знаю, он матерился на грузовик, но было поздно. Я уже выскочила, в ужасе, пока мой отец бил по рулю. Я так резко подпрыгнула от злости в его голосе, что впервые в жизни Наилс Несбит заметил меня. Его огромная, мясистая рука появилась из неоткуда и накрыла мою.

— Эй, Лили, — произнес он хрипло, но нежно. — Я знаю, я не всегда был рядом, как должен был, но тебе нужно знать, что я никогда не обижу тебя, поняла? Никакой трусливой фигни со мной, ладно?

— Окей, — сказала я твёрдо.

— Хорошо. Теперь, посмотри в зеркало для меня.

— Все чисто... пап.

Наилс взглянул на меня с удивлением. Его глаза были почти скрыты под копной не стриженных бровей, но я поразилась, заметив, что они были точно такие же карие, как и мои.

Я никогда этого не замечала.

— Окей, Лил, поехали.

Мысль о том, что мировое турне — это не место для пятнадцатилетней девчонки, никогда не посещала наши головы. Делать что-то правильно явно не было сильной стороной моего отца.

Кроме того, сейчас, почему-то, было. Почему-то, после всех этих лет, он собирался быть адекватным, женатым мужчиной и хотел, чтобы я была рядом с ним. Это было почти мило... так мило, как могло быть у Наилса.

— Свирепа, — пробормотала я про себя и заснула.

УТБ — TSA — сокращенно от Transportation Security Administration — Управление транспортной безопасности (в составе Министерства транспорта США в 2001 г.).

Глава 6.

Джакс.

Парень за звукозаписывающим устройством выглядел, будто он не спал всю прошлую ночь. Не то, чтобы я осуждал его. С тех пор, как моя мама скинула эту бомбу о предстоящей свадьбе на меня, мои ночи были наполнены метаниями, вороченьем и очень неприятным стояком, от мыслей, что я снова увижу Лили. Сон казался чем-то, чего я должен ждать только после свадьбы.

Надо отдать Энни должное. Как только она приняла решение, никакого смятения вокруг не было. «Счастливым днем» должен был состояться через две недели.

И Найлсу как-то удалось уговорить Лили приехать пораньше, чтобы помочь подготовиться. Каждый раз, когда я пытался очистить свою голову, эта мысль возвращалась, словно удар наковальней. Лили возвращалась.

Лили приземляется сегодня.

У меня было время в студии, от которого я не могу избавиться. Мой лейбл забронировал это время неделями ранее, прежде чем произошло всё это дерьмо. Так что сейчас я должен быть чёртовым профессионалом, хотя чувствовал, что был готов из кожи вон лезть.

Туповатый техник — я думаю, его звали или Рейвен или Кроу, или как-то так — кем бы он ни был, включил микрофон и его грубоватый, пропитанный виски голос прошёл через мой монитор:

— Окей, Джакс, мы готовы.

Я кивнул. Гитарный трек, который я записал на прошлой неделе, прошёлся ревом сквозь

микрофон, и я начал отсчитывать бит. Когда я отсчитал, слова, написанные мной прошлой ночью, снова и снова проигрывались в моей голове. Единственное хорошее, что есть в бессоннице — это возможность писать.

Энни наблюдает за мной из кабинки, прильнув к Найлсу. Две блондиночки, что пришли со мной сюда, хихикали, когда я встречался с ними глазами. Но мои глаза прошились по бутылке Джека. Я поднял руку.

— Можете начать снова, пожалуйста?

Блэкбёрд (прим. пер. — имеется в виду, что главный герой не помнит его имени и называет его Черной Птицей (Blackbird): сначала он назвал его Рейвен (Raven — Ворон) или Кроу (Crow — тоже Ворон)) вздохнул и немного поворчал, но послушно отмотал трек. Я сделал быстрый глоток из бутылки. Эти слова... чувства, которые я в них вложил, записывая всё это на бумагу, я должен был избавиться от боли, а не делать хуже. Но петь это, значит снова переживать эти чувства, а это было неприятно. Прошла ещё одна долгая пауза, пока трек ревел у меня в ушах. Затем, я открыл рот, чтобы спеть.

Я был катастрофой.

— Можем мы начать заново? — прохрипел я в микрофон, чувствуя, как капли пота образуются на моём лбу. Энни наклонилась вперед, её губы искажены в этот оскал, который я хорошо знал. Я разочаровал её, я тратил её время и деньги. Я мог уже сейчас видеть заголовки таблоидов: «Джаксон Блу: Кумир на Час, Неудавшийся Наследник Рока в Студии — Катастрофа». Это будет очередной скандал, как тот, что я начал, когда мне было восемнадцать и моё сердце было разбито из-за потери Лилианы.

Казалось, скандал преследовал меня.

Но опять же, само моё рождение было скандалом. Зачем останавливаться на достигнутом?

Когда Энни забеременела мной, все таблоиды были охвачены этим. В порыве мазохизма, я увидел их однажды, когда мне было тринадцать — прыщавый и отчаянно пытающийся выяснить, кто мой настоящий отец. Я потратил всё утро, роясь в архивах, исследуя историю за историей, но нисколько не приближался к разгадке, кем же был мой отец. Пока я искал, я делал глотки из бутылки водки, которую я нашел в незакрытом алкогольном баре, так что, к тому времени, когда Энни вернулась домой, я был совершенно пьян.

— Кто он? — невнятно произнес я, вваливаясь в коридор и перекрывая ей путь.

Найлс был с ней — это был один из тех моментов, когда они были вместе, а не расстались. Он издал рычащий шум, который я никогда не забуду, но Энни подняла руку.

— Ты пьян, — констатировала она, словно быть пьяным в тринадцать это было нормой.

— Кто он, чёрт подери? — я снова потребовал ответа. Её лицо поплыло передо мной, и я моргнул несколько раз. Найлс сделал вдох, полный отвращения, и я понял, он думал, что я плакал. Тогда мне захотелось ударить что-нибудь.

— Ты о ком? — спросила Энни.

— Ты знаешь кто! Мой отец, ты, шлюха! — в ту минуту, как слова покинули мой рот, я пожалел о них, но я был слишком пьян и уперт, чтобы извиниться, как следовало.

Я наблюдал, как лицо Энни белеет, её ноздри сузились. Я ожидал, что она закричит на меня.

Но вместо этого она ударила меня прямо поперек лица. Я уже шатался от водки, и сила её удара сбила меня, и я упал на пол, словно какая-то жалкая кучка.

Тогда Энни Блу, моя мать, женщина, которая должна была любить меня сильнее всего на свете, перешагнула через меня, оставляя меня здесь брызгать слюной и бесноваться, а сама прошла с любовником в свою спальню полностью игнорируя меня. И тогда был последний раз, когда я спрашивал о своём отце.

— *И что ты делал потом?* — шоколадные глаза Лили были широко раскрыты, словно два блюдца, пока она слушала меня. Быть с ней так близко, и то, как она цепляется за каждое сказанное мною слово, было самой лучшей поддержкой во всей моей жизни. Да, я был дерзким ублюдком в семнадцать лет, но Лилиана Несбит заставила меня чувствовать себя королем всего гребанного мира.

— *Ну, я заблевал весь пол,* — она захихикала, заливаясь самым восхитительным оттенком розового. — *Потом я поднялся снова и пошёл спать.*

— *И вы никогда не разговаривали об этом?* — Лил Бит покачала головой.

— *А о чём разговаривать?* — спросил я лениво, принимая виски, что она налила в бокал для меня. — *Энни ясно дала понять, что я никогда не выясню этого, ну, в любом случае, не от неё,* — я поднял бокал. — *Но я скажу тебе одно: я больше никогда в жизни не притрагивался к водке.*

Лилиана расхохоталась, затем медленно подошла ко мне, её вишнево-красные ногти на ногах погрузились в глубокий ворс гостиничного ковра. Я раскинул свои руки, и она устроилась рядом со мной, вздохнув, используя моё плечо как подушку.

— *Бедненький Джаксон,* — поддразнила она, проведя пальцами внизу по моему лицу.

Я мгновенно стал твёрдым для неё. В те дни я ходил с вечной эрекцией и то, что её маленькое тело прижималось крепко ко мне, нисколько не помогало.

Я был типичным семнадцатилетним подростком, который руководствовался похотью и гормонами, но с Лили это было нечто большим.

Ради Лили стоило подождать.

— *Бедный я,* — согласился, пробегая своей рукой вдоль её узкой талии. — *Боже, ты — самое маленькое создание, которое я когда-либо встречал. Я думаю, когда мы снова поедем, я просто засуну тебя в чемодан и возьму с собой.*

— *Вероятно, ты мог бы сделать это,* — её лицо было смертельно серьёзным, что я рассмеялся.

— *Я серьёзно!* — возмутилась она. — *Я играла в игру, когда была ребенком. Я звала ее: «Невидимая Игра». Я забиралась в невозможно крошечные места и наблюдала, как долго мои родители будут ходить, прежде чем заметят моё исчезновение.*

Я откинулся на спинку стула. Она рассказывала мне истории о ее, так называемых родителях.

— *Как долго?* — спросил я. Она покачала головой, в её шоколадных глазах отражалась боль, которую я надеялся никогда больше не видеть.

— *Чертовски долго,* — произнесла она.

— *Я даже представить себе не могу,* — сказал я ей, целуя ее жаждущие губы. — *Если моя Лил Бит отсутствовала бы дольше пятнадцати минут, я бы вызвал чёртов поисковый отряд. Сыщики прочёсывали бы весь район с собаками в считанные секунды, я обещаю тебе.*

— *Ты такой странный,* — вздохнула она.

Но я мог сказать, что она была счастлива.

Зовите это юношеской любовью, первой любовью, щенячьей любовью — что бы это ни

было — у меня было с ней. Я был счастлив. Возможно, счастливее, чем когда-либо. Но это было прежде, чем я всё заставил идти прахом.

Сейчас я собирался снова увидеть её.

И я жду, что она ударит меня в лицо.

— Хорошо, Джакс, я думаю, на сегодня мы закончим, — Блэкбёрд потёр переносицу, словно моё пение вызывает боль. И я точно мог сказать, что это причиняло мне боль. Чувствуя облегчение и злость в равной степени, я повесил микрофон и поплёлся обратно в кабинку.

— Тебе не надо ничего говорить. Я знаю, — сказал я Энни.

Она ничего не сказала, но вместо неё заговорил Наилс.

— Что за хрень там произошла? — поинтересовался здоровяк, демонстрируя что-то вроде искренней заботы.

Что же я собирался ответить? Мысли о том, что я снова увижу его дочь, вытеснили все остальное?

— Слишком много думаю, — сказал я сухо.

— Я пришлю машину, попроси их отвезти тебя домой, — сказала Энни. Периодически, она показывала признаки материнских чувств и это всегда меня удивляло.

— Хорошо. Только дай мне сходить в туалет, — виски прошёл через мой организм без каких-либо эффектов. Я почувствовал липкость вместе с запахом провала. Мне нужно было принять душ, срочно.

— Я поеду за Лилианой в аэропорт, — Наилс грубо чмокнул губы моей матери.

— Возвращайся ко мне поскорее, — она глупо улыбнулась.

— Ага, я убираюсь отсюда, — я зарычал и поторопился в мужской туалет. В свете мерцающих флуоресцентных ламп моё отражение выглядело бледным и непривлекательным: мешки под глазами были тёмно-фиолетовыми, голубые волосы стали нездорового зелёного оттенка. Это не может быть Джаксон, что приветствовал Лилиану в первый раз больше года назад. Мне нужно было взять себя в руки прежде, чем она вернется ко мне домой.

Я выпрямился и попытался выдавить из себя дерзкую ухмылку.

Эй, Лил Бит, — я решил потренироваться. — Как ты?

Глава 7.

Лилиана.

— Окей, я вижу тебя, — сказала я отцу, затем повесила трубку, качая головой.

Он был в фургоне. Я не могла поверить, что у него всё ещё была эта штука.

Я стояла на тротуаре за пределами аэропорта, истерически смеясь над фургоном.

Мой отец силой открыл хлипкую водительскую дверь и вышел найти меня, чуть ли не плачущую от смеха. Я вытерла глаза и попыталась объяснить, и затем снова растворилась в приступе смеха.

— Этот, этот фургон... — все, что я успела сказать.

— Конечно, — проурчал он, поглаживая потрепанный старый пережиток из восьмидесятых с любовью, которую он, обычно, приберегал для гитары и только изредка для меня. — Она все так же мурлычет как котёнок.

— Это же фургон, на котором ты забрал меня, — я покачала головой от такой гармонии, желая достать ноутбук, и я смогла бы это записать. Но мой отец не понял этого.

— Ага, — проворчал он, поднимая мои чемоданы. — Ты хочешь идти?

— Конечно, пап, — кивнула я, мою грудь медленно сдавило. Он не помнил, что забрал меня из дома Грэма на этом фургоне. Начало нашего дикого путешествия вместе. Даже если отец и помнил, он не был настолько сентиментальным, как я. *Остановись, Лили*. Я откинулась на неровное виниловое сиденье и попыталась собраться с мыслями.

Но шум от радио не давал мне думать. Мой отец всегда держал радио в фургоне на «поиске». Это была одна из его раздражающих привычек, оставшаяся с тех пор, когда он еще был странствующим техником, собирая работу то здесь, то там. Он любил искать группы, на которые мог бы поработать, потом орал и разглагольствовал о них, пока я безмолвно кивала, непонимающе соглашаясь. Это брало начало в моём самом дальнем детстве. Пока его не наняли загружать усилители на камбэк шоу Энни Блу и, храня воспоминания о том, что усилитель был подключен неправильно.

— Мы едем в отель? — я спросила отца в перерывах между треском статического шума.

— Отель? Нет, зачем нам туда ехать? — отец выругался, и я напряглась, прежде чем поняла, что он пытался проложить свой путь на левую полосу движения в последнюю минуту. Когда мы были на дороге, парни называли его «Капитан Рэйджболл»*, потому что каждый раз, когда он за рулем, малейшая вещь может вывести его из себя.

— Эм, последнее, что я знаю — вы с Энни жили в отеле «Шато Мармон»*, - неуверенно произнесла я.

— О, да, я забыл сказать тебе, Лил... — кажется, он многое забыл мне рассказать. — Мы с Энни основали студию. Она хотела собственное пространство, так что мы приобрели местечко.

На момент, в фургоне остался шум только статического радио, меняющего станции, и мой шокированный вздох.

— Вы купили дом? — ахнула я. Я не смогла сдержать шока в голосе. — Сначала ты говоришь, что женишься, сейчас — что вы, святой Боже, купили недвижимость?

Мой отец бросил на меня стыдливый взгляд, пока радио снова переключило станцию снова. Я клянусь, мы уже раз десять прошлись по кругу.

— Думаю, я расту, Лил Бит. Пора бы уже, ха?

Я почувствовала прилив нежности к моему большому, бородатому отцу и протянула к нему руку. Его здоровая мясистая рука полностью обхватила мою, как и всегда.

— Мой отец — семьянин, — поддразнила я. — Ты снова будешь «околачиваться» в гараже? Стоп... ты уже и к гольф-клубу присоединился?

— Смотри, какая умная, — прорычал отец, выпуская мою руку. — Говоришь как Джакс.

Станция снова сменилась. Как призванный джинн из бутылки, из динамиков донеслись басы песни «Наглец».

Я замерла на сидении. Моё тело металось между ледяной водой, бегущей в моих жилах и горячей тошнотой, бурлящей в животе. Я клянусь, эта песня преследует меня.

— Наслушался этого до конца своей жизни, — отец сказал, как отрезал, щёлкая выключателем. Нехарактерная тишина заполнила фургон, тем лучше для меня услышать дикое биение своего сердца.

Не обращая внимания на мои мучения, отец продолжил:

— Я не думаю, что Джаксон ожидал, что эта песня станет хитом. Его мать пыталась помочь ему, но он такой высокомерный засранец. Иногда так и хочется просто взять и встряхнуть маленького ублюдка...

— Точнее не скажешь, — пробормотала я. Я бы хотела встряхнуть его сама, но я

боялась, что мои пальцы сомкнутся вокруг его горла, и я не буду способна остановиться и не убить его.

Отец свернул с главной трассы, и мы начали подниматься по холмистой дороге, набирая высоту. Я барабанила пальцами по своим бедрам, перемещаясь между волнением и страхом, когда он, наконец, съехал с этого пути на длинную, извилистую дорогу.

— Это твой дом? — я не могла сдержать шока в голосе.

Папа остановил фургон на парковке и откинулся на сиденье.

— Ага, — протянул он, глядя на массивный, богато украшенный особняк, словно он удивил его. — Как я и сказал, Энни хотела пространство для студии и для себя, и всё в таком духе.

— Вы могли бы разместить около семнадцати студий там, — сказала я сухо. Белый особняк светился в лучах калифорнийского солнца и гигантский, зеленый газон распростерся как ковёр, я описала бы как «зелёный и пышный» в одной из своих книг. Сильно пахло свежескошенной травой, что удивило меня. Энни и Наилс не были известны, как привереды ни в воспитании детей, ни в жизни.

Многое изменилось с тех пор, как я уехала, думала я. Отец взял мои чемоданы, и мы пошли по изогнутой ухоженной дорожке.

Тогда я почувствовала отчетливый запах марихуаны. Я заметила сигаретные бычки, разбросанные по краям дорожки.

Когда папа отворил входную дверь, я поняла, что на самом деле не так многое изменилось.

Но подозреваемые сидели на поношенных диванах, полностью отличаясь от богато украшенной обстановки. Улыбка коснулась уголков моих губ. Дом был новым и незнакомым, а вот люди? Люди ощущались как дом. Везде валяющиеся, кричащие, смеющиеся, треньканье акустической гитары пока где-то кто-то создавал музыку: эти звуки я некогда лелеяла.

Все были здесь к моему прибытию. Бэш был в углу, его руки беспрестанно барабанили по его бокам, даже когда все остальные части его тела были спокойны. Он первый заметил нас, что не удивило.

— Святое дерьмо, это же Бит! — он закричал. — Где тебя черти носили так долго, Наилс? Мы ждали!

— И ничего не долго, — зарычал папа. — Вам надо расслабиться.

Я рассмеялась над знакомой издержкой. Бэш не знал бы о расслаблении, даже если его ударить по голове. Главный барабанщик перепрыгнул и врезался в меня — нечто приблизительно похожее на объятия. Я откашлялась, прикрываясь рукой, и прерывисто вздохнула, чтобы отдышаться.

— Как ты, Бэш? — поинтересовалась я.

— Просто отлично, — он кивнул, покачиваясь телом под музыку, которую только он мог слышать. — Собираюсь показать тебе студию, Бит. Она потрясающая. Мы работали не покладая рук день и ночь.

— Вот ты и здесь, — Диггс пришёл за своими объятиями, витые порезы его лица перетекли в ломаную улыбку. — Хэй, Лили, — сказал он мягко.

Я удовлетворенно вздохнула от его хорошо знакомых объятий. Я никогда не забуду, как при первой встрече с Диггсом мне захотелось убежать от этих ужасных рубцов, что омрачали его лицо. Падения с такелажа было не достаточно, чтобы отпугнуть его от работы

на Энни и, хотя он не лазал так много в те дни, он все еще был лоялен к ней. Без сомнений, он был прекраснейшим человеком, которого я когда-либо встречала. Всегда готов к рукопожатию или объятиям, из Диггса бы вышел отличный отец, если бы только правильная женщина могла бы разглядеть не только его шрамы. Казалось, у него был переизбыток любви и все это он сейчас вытеснял на мне.

— Твой отец говорил, что ты сейчас пишешь книги! — сказал он. — Я зашёл в интернет и нашел ту, про которую он знал. У тебя есть талант, Бит.

Мысль о том, что Диггс — кого я расценивала как второго отца — читает мои рассказы, заставила меня покраснеть.

— Ты читал мои книги? — пропищала я.

— Мы все, — Грэг Фингерс хохотнул, подошёл для лаконичного объятия.

— Я — нет, — прорычал папа. — Не все. Прости, Лилиана. Я забил на первой секс-сцене.

— Я рада, что вы читали, — я покраснела. Я разрывалась между восторгом и полным ужасом.

— Ты же знаешь, что парни так не разговаривают, — указал лениво Грэг. Я удивилась, что он уже был под кайфом.

— Это фэнтези, — поправила я его.

— Ты хочешь, чтобы парни так разговаривали? — Красти Пит произнёс это на заднем плане, и я была благодарна. Подавляющим запахом от него был пот.

— Было бы хорошо, — ответила я, что было встречено одобрительным смехом. Я засияла, чувствуя себя потрясающе — вернуться сюда к ним, моей своенравной группе дяденек, парням, которые никогда не были уверены, что должны быть моими друзьями или примерами для подражаний. На момент я забыла, почему уехала.

— Лилиана здесь? Почему вы не позвали меня?

Когда я повернулась и увидела синие глаза Энни Блу, я внезапно вспомнила, почему ушла. Её глаза были настолько похожи на глаза Джаксона, что я почувствовала яму, открывшуюся в животе.

— Вот и моя новая дочь, — проворковала она, обнимая меня сильнее. Краем глаза я заметила, как отец сияет от гордости.

— Хэй, Энни, — я сглотнула. Объятия со мной точно были не типичным действием для Энни. Но когда я отстранилась и заметила её элегантную юбку и платок земляного цвета, я поняла, что происходит.

Это было ещё одно переосмысление.

Энни Блу, рок-звезда, богиня и скоро станет моей мачехой. Он изменялась миллион раз в её тридцать с лишним лет в музыкальной индустрии. Своенравная дочь фолк-певца Рэндалла Блу, она шокировала мир, появившись в качестве лидера девчачьей панк-группы «Ультрафиолет». Её отец отрёкся от неё после того, как она стала часто устраивать множество эффектных выступлений по своему вкусу. Я думаю, он понял, что фамилия Блу была запятнана её выступлениями топless и толпы в школьных коротких юбочках, под которыми ничего не было.

После короткой реабилитации она распустила "Ультрафиолет" и начала сольную карьеру, собирая целые стадионы кричащих фанатов, ожидающих представления. Она пела как никто другой, мелодичный крик в три октавы и она безудержно гастролировала более десяти лет, собирая свою группу по всему миру, пять раз по-разному.

Сейчас, в свои сорок восемь лет она все еще прекрасна и играет роль старшей королевы, появляясь, как гость на нескольких музыкальных поп-записях, включая девчачью группу Шоквэйв.

Теперь, я поняла, я смотрела на Мать Землю — новую ступень её карьеры. Её, как обычно, крашенные светло-яркие волосы переменялись с тёмными пятнами и, если уж быть честной, всего с парочкой седых волос. Её лицо было не накрашено и висячие серьги бились о ее челюсть. Она выглядела, словно прибавила пару фунтов, что размягчило её прекрасное лицо.

Она выглядела... счастливой.

Папа обернул свою руку вокруг его талии. Это было из-за него?

Когда Наилс Несбит встретил Энни Блу, это был тот самый случай, когда непоколебимый предмет встречается с непреодолимой силой. Он был её техником, её сотрудником, тем, кто должен быть надлежащим образом почтительным, особенно когда пришёл прямо в середине турне. Но отцовское «хер-вам» отношение к начальству должно быть как-то повлияло на Энни, потому что совсем скоро она назначила его своим личным техником. И так же назначила его своим любовником.

К тому времени, как я присоединилась к ним, Энни и мой отец сводили друг друга с ума уже целых десять лет, но папа заверил меня, что ничего важного в этом нет.

— Просто составляем друг друга компанию, вот и всё, — пророкотал он однажды ночью, когда мы столкнулись с ним в туристическом автобусе спустя три недели моего пребывания. — Дамам становится одиноко.

Они постоянно расставались и сходились всю мою жизнь. Что же изменилось?

— Твоя комната в конце коридора, вторая с конца дверь справа, — Энни ухмыльнулась мне. — Я рада, что ты здесь, Лилиана.

— Я тоже, — я была удивлена тем, что я на самом деле имела это в виду.

— Бэш, почему бы тебе не помочь ей с багажом?

— Не, я справлюсь, — отмахнулась я.

— Бит, чемодан больше тебя, — хохотнул Бэш, берясь за ручку.

— Я тащила его через аэропорт сама, — сказала я ошетинившись. Ощутить комфорт от воссоединения с ребятами это одно. Но когда они окружали меня своей удушающей любовью, это было совсем другое. Я жила сама по себе, и моя борьба за независимость будет увядать и умрёт, если я им позволю снова делать все за меня.

— Слушайте, я адски устала от перелета. Мне нужно отдохнуть, прежде чем я смогу иметь дело со всеми вами, — я сказала это так, чтобы казалось шуткой.

— Я зарезервировала столик на сегодняшний вечер, чтобы обговорить планы, — сладко произнесла Энни.

Я кивнула и схватила свой багаж, проходя к большой, широкой лестнице. Я протащила вверх по лестнице, вспоминая, что все на меня смотрят, и отважно пыталась сделать вид, что мне не тяжело. Я думаю, мне удалось, по крайней мере, они все не высмеивали меня, что было бы уместней.

Лестница завивалась вокруг, скрывая меня от посторонних взглядов в коридоре на втором этаже. Зал изгибался вокруг балкона, словно из Эвиты, с видом на первый этаж. Я опустила свой чемодан. Сейчас я наконец-то вышла из трудного положения и исчезла из поля зрения людей снизу. С благодарностью, я бросила попытки нести багаж и пнула его, чтобы он катился остаток пути.

Вторая дверь с конца оказалась запасной спальней. Я удрученно усмехнулась от мешанины сломанной фурнитуры из Икеи в богато украшенной комнате. У меня было более роскошное помещение в моей коробке в Нью-Йорке. Встроенные книжные полки были заставлены тетрадами со спиралью и разбросанными медиаторами. В камин засунут усилитель. Мне было интересно, кто же здесь обитал до меня.

Вид кровати вызвал у меня рефлексивный зевок. Я рылась в чемодане, пока не нашла свою пижаму и затем упала на кровать.

Я сместилась, натягивая одеяло на голову. Затем я скинула его со вздохом.

Я была слишком взвинченной. Уставшая и энергичная одновременно. И как сильно мне нужно отдохнуть, так же сильно я сначала хочу пописать.

Я вышла из комнаты и пошла в конец коридора. На полпути дверь открылась, и я могла видеть кафельный пол, так что я безрассудно поторопилась.

— Вот дерьмо! — закричала я. Мой рот пересох.

Он только что вышел из душа, его тело все еще блестело от капелек воды. Вместо того чтобы прикрыть свой член, он протирал полотенцем свои волосы, которые были синими, что дезориентировало его глаза.

— Хэй, Бит, — протянул Джакс с лукавой улыбкой.

Капитан Рэйдболл — Rageball — игра для приставки Playstation One, разработанная NAPS Team. Необычный футбольный симулятор, в котором вам не просто можно пинать мяч, но и избавляться от своих соперников. Дословный перевод — Мяч Ярости.

«Шато Мармон» — Отель Шато Мармон (Chateau Marmont) — это один из самых известных отелей всего мира, расположенный на Бульваре Сансет (Sunset Boulevard) в Западном Голливуде (West Hollywood).

Эвита — Американский мюзикл 1996 года, рассказывающий биографию Эвы Дуарте, которая в пятнадцатилетнем возрасте приехала в Буэнос-Айрес, сумела стать знаменитой актрисой и выйти замуж за полковника Хуана Перона.

Глава 8.

Джакс.

После фиаско в студии, единственное, что останавливало меня от желания выпить, это то, что Бит прилетает сегодня. Я с нетерпением этого ждал, хотя вряд ли мог себе в этом признаться. Я отчетливо представлял её в своей голове, даже дробил в душе, думая о её упругом маленьком теле, которое идеально подходило для моих рук.

Поэтому я так хорошо себя чувствовал, когда вышел из душа.

И здесь была Лили, стояла посередине ванной. Она была одета в фиолетовую фланелевую пижаму, а желание убивать горело в её глазах.

— Хэй, Бит, — я улыбнулся.

Кажется, это взбесило её ещё больше.

— Не мог бы ты прикрыть это, пожалуйста? — она указала на мой член.

И хотя это было не то воссоединение, которое я себе представлял, я не мог остановиться. Я засмеялся. Злая Бит всегда была моей самой большой слабостью. Когда она злилась, то всегда напоминала мне крошечного свирепого котёнка, готового атаковать. Весь такой пушистый и с острыми как иглы когтями. Вы бы не смогли не спровоцировать его.

— Зачем? Ты не выглядишь так, словно насытилась видом, — я ухмыльнулся, стягивая полотенце со своих сухих волос. — Прошло так много времени, с тех пор как ты видела «его», и все остальное.

Её большие карие глаза чуть ли не вывалились из орбит. Она была так чертовски очаровательна с широко распахнутыми глазами и маленькими кукольными губами, которые так и жаждут, чтобы кто-то целовал их до того, как они покраснеют и распухнут.

Говоря о набухании...

— Ты серьёзно будешь возбуждаться прямо сейчас?

Я посмотрел вниз.

— Нет. Не буду, — если бы только она перестала быть такой оскорбленной только от одного моего присутствия, я смог бы успокоиться. Ненависть к самому себе пробуждает неожиданные фетиши. — Я уже полностью возбужден. Хотя и не должен быть, потому что позаботился об этом в душе, — я ухмыльнулся ей и выгнул брови. — Мысли о встрече с тобой будоражили меня.

— Ты отвратителен.

— Ты когда-нибудь делала это, Бит? — поинтересовался я. Я не мог остановиться и прекратить выводить ее из себя. Чертова привычка. — Трогала себя, когда вспоминала обо мне?

— Нет! — выкрикнула она быстро. Слишком быстро. Кончики её ушей покраснели.

Моя Бит лгала мне.

— Не ври, Бит. Ты все еще можешь получить то, что хочешь. Оно прямо здесь, перед тобой.

Предполагалось, что это будет шутка, очередной выпад, чтобы спровоцировать её, но её глаза опустились вниз, когда я намекнул. Словно она ждала разрешения.

Она раздраженно фыркнула, словно взгляд на мой член мог как-то оскорбить её покойную мать. Но, тем не менее, она смотрела. Это напомнило мне, как всё было между нами. Её неистовые стоны, как она двигалась, когда кончала, её широко распахнутые глаза и безмолвное обожание, от которого я ощущал себя гребаным Богом среди мужчин.

Нет, вот сейчас я был возбужден.

— Лилиана, — произнес я ее настоящее имя, а не это долбаное прозвище, которое я ей дал, и которое все тоже начали использовать, потому что оно ей идеально подходило. Я хотел прикоснуться к её лицу, снова почувствовать теплоту её мягкой кожи под пальцами. Каждая девчонка, с которой я был после того, как она ушла, была просто попыткой забыть её. Но моё тело никогда не забывало Лилиану. Я точно знал, как она будет чувствоваться, если я коснусь её сейчас.

— Джексон, — в её голосе до сих пор звучало раздражение, но больше на саму себя. Она покачала головой, а затем содрогнулось всё её тело. — Не мог бы ты прикрыться? И выйти из ванной, я хочу писать.

Глава 9.

Лилиана.

Я закончила и натянула обратно свои трусики, влажная ткань неприятно липла к ногам. Чертов Джакс. Увидев, как он выходит из душа, вызвало жжение между ног. Я чувствовала пустоту там внизу, словно это был какой-то кратер.

Я высунула голову из ванной и трижды проверила коридор, прежде чем броситься обратно в свою комнату и захлопнув за собой дверь. Моё сердце билось в горле, а пульс стучал между ног.

Боже мой. Боже Мой. Боже Мой. Боже Мой.

Год назад я точно была уверена, что восемнадцатилетний Джексон Блу был

сексуальнейшим мужчиной на планете.

Я ошибалась.

Девятнадцатилетний Джексон Блу совершенно точно был сексуальнее.

Пока меня не было, он работал над своим и так идеальным телом, чтобы получить мускулистое совершенство. Упругий живот, который я так страстно целовала, сейчас был ребристым с шестью идеальными кубиками. Плечи, за которые я цеплялась, были шире. Спине, которую я царапала ногтями, была мощнее. Челюсть, которую я целовала, была более выделенной, и мягкая кожа, которую я обожала, была переплетена новой татуировкой.

Хотя его член был точно таким же, каким я его помнила. Толстый и длинный, с маленьким изгибом на конце. И блеснувший металл на его Принце Альберте. Тот, что я чувствовала, когда он скользил внутри меня. Это зрелище почти поставило меня на колени, и я начала опасаться, что однажды я это сделаю, а инстинкты возьмут верх.

Я громко застонала и уткнулась головой в подушку. Вдруг всё моё тело оказалось сверхчувствительным. Касания моей фланелевой пижамы к груди было достаточно, чтобы мои соски затвердели. Шов трусиков болезненно давил напротив пульсирующего клитора.

Это ничего не значит, говорила я себе, пока опускала руки вниз. Это просто фантазия. Это не реально.

Но та горячая влажность, которую нашли мои пальцы, была реальной. Со стоном, я крепко вдавила свою руку в бедра, представляя на её месте рот Джекса. Ему нравилось любить меня своим ртом, раскрывая ноги шире, чтобы он мог меня прижать и заставить кричать. Я поёжилась, когда вспомнила, как его плечи напрягались, пока они давили на внутреннюю часть моих бедер, глаза закрыты и те еле слышные «mmm» шумы, которые он издавал, заставляли меня чувствовать себя лакомым кусочком.

Я упала на спину и выгнулась вверх. Не было теплой груди напротив меня, не было губ напротив моего уха, шепчущих восхитительные непристойные обещания, но я же была писательницей — я могла представить всё это. Просто офигенные воспоминания, вплоть до мелочей. Я же могла немного повспоминать, и *это все еще ничего не значило, так?*

Оргазм настиг меня быстро, ноюще и с отдышкой. Я стиснула зубы, задыхаясь, пока дрожь рикошетом пронеслась через меня.

А потом всё исчезло.

И вместо того, чтоб насытиться этим, я осталась разочарованной и с желанием кое-кого настоящего, синеволосого.

Я выдернула руку из трусиков с отвращением. *Серьёзно, Лилиана? Мастурбируешь после того, как увидела его? Ты чертовски жалкая.*

Я натянула на себя джинсы и накинула короткий топ, намереваясь сбежать обратно в ванную и смыть с себя запах своего отчаяния.

Вместо этого, я открыла дверь и практически врезалась в источник своего отчаяния с уже-одетой грудью.

— Какого черта ты здесь делаешь, Джекс? — взвизгнула я, отскакивая от него, словно он мог наэлектризовать меня. И он точно мог это сделать.

Он опустил руку, которую он поднял, чтобы постучать в дверь. Если бы я могла умереть от смущения, то только была бы этому рада. *Убейте меня сейчас. Просто пусть самое крупное калифорнийское землетрясение начнется прямо сейчас, чтобы земля поглотила меня, и мне не пришлось бы смотреть ему в глаза.*

Джекс поднял бровь. Блять, он хотел поддразнить меня. Я напряглась, пряча руки за

спиной. Пряча улики.

Но вместо этого он вздохнул и расправил плечи.

— Это не так должно было быть, — чёрт бы его побрал, он на самом деле был смущённым. В его белой рубашке и низко сидящих джинсах, он не мог выглядеть более привлекательно, даже если бы и попытался. Его губы всегда были самыми мягкими изгибами, надутые губки бантиком, которые бы смотрелись женственно на любом другом лице, но на его, только делали изгибы его рта более дразнящими.

— И как это должно было быть? — я до сих пор была запыхавшейся. И зная эту способность Джексона чувствовать мои слабости, он, возможно, мог учуять мой оргазм, витающий вокруг.

— Наша первая встреча.

Я прильнула к дверному косяку, скрестив руки.

— Нет, я бы даже сказала, что это было нормально.

— Почему ты всегда считаешь меня придурком?

— Потому что обычно ты им и бываешь?

С секунду он выглядел раненым. И тогда я сразу узнала этот изгиб его губ, который появлялся, когда он пытался скрыть свое раздражение.

— Так, как ты?

Я сжала кулаки.

— Как я?

Его глаза сияли.

— Да. Как ты? Это чертовски простой вопрос, серьезно.

Я ненавидела его.

— Я устала после перелета и раздражена. Я не хочу быть здесь, и мой будущий сводный брат не хочет оставить меня в покое. И как ты думаешь, как я себя чувствую?

Он ухмыльнулся.

— Я бы сказал, что это вполне нормально.

— Очень приятно.

— Ты можешь перестать быть постоянно такой чертовски вредной?

— Я? — я хотела толкнуть его, но это означало, что мне нужно было его коснуться, а с этим я вряд ли могла справиться. — Ты единственный, кто несет херню!

— Я и так стараюсь! — взорвался он, и на секунду я увидела неподдельное разочарование. Затем вернулась эта самодовольная усмешка. — Пора идти на ужин. Приказ Энни, — он отвернулся, его глаза уже смотрели в телефон.

Глава 10.

Джакс.

Два из двух.

Это к слову, если вы ведёте подсчет моего рекорда в проёбывании всего, что касается Лилианы Несбит, эти две встречи были ничто, по сравнению с тем, какой пиздец я устраивал в прошлом. Но увидеть её дважды в один день за весь прошедший год... было невероятно.

Поэтому я пошёл и поругался с ней. Когда всё, чего я хотел это обнять её, осыпать поцелуями и обещаниями, что никогда её не отпущу.

Я — идиот.

Я громко топал вниз по главной лестнице в глупом трофейном доме моей матери,

создавая столько шума, сколько мог. Я хотел проломить пол ногами, чтобы почувствовать, как же я облажался.

Да, я никогда не оканчивал старшую школу. Да, я не был поклонником книг. Может я и был немного тупым, но всё это странное волнение на счет мнимой свадьбы... Я не задумывался, что это будет что-то значить в моей жизни. Я был рад, что это заставило Лили вернуться домой, что я мог видеть её, возиться с ней, находиться с ней достаточно близко, чтобы мучиться. Вот всё, во что я, мать вашу, играл здесь. Попытаться продолжить с того момента, на чём мы остановились, прежде чем моё идиотское эго похоронило все старания. Я хотел, чтобы всё шло так, как и должно было быть: я и моя Бит против всего мира.

Со всем этим я никогда не думал, что наши отношения изменятся, и впервые не по моей вине.

Её отец женится на моей маме.

Она станет моей сестрой.

И я сильнее возненавидел свою мать. Сильнее, чем раньше. И ублюдка Наилса тоже, который был геморроем. Ошивался с моей матерью около десятка лет и только сейчас озаботился тем, чтобы надеть кольцо на её палец, после всего, что было между Бит и мной... блять.

Я хотел что-нибудь разрушить.

Я завернул за угол в большую столовую со столом и с разными стульями. У моей матери больше денег, чем у самого Бога, но она упорно хочет жить как студенты какого-нибудь колледжа. Словно это дает ей больше «доверия» среди всех этих подпевал и поклонников, что окружают нас постоянно и не дают личного пространства.

И это тоже меня раздражает.

Я схватил дерьмовый плетеный стул во главе стола, замахнулся и ударил его об пол. Осколки разлетелись, и шум эхом разнесся по большому пустому дому.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я слышал скрип кроссовок и ждал. Они придут совсем скоро, все они. Грэг, Бэш, Диггс и все те парни, что жили здесь, окружая мою мать, словно стадо прокуренных дворецких. Похоже, что быстрее всех сюда доберётся Бэш и разозлится на меня, возможно даже равнодушно замахнется. Это было именно то, что мне нужно — гребанная драка.

— Идите на хуй! — крикнул я в дом.

— Что за херня, Джексон? — Бэш действительно был первым, кто увидел меня, стоящим там со сломанной ножкой в руке.

— Какого черта ты делаешь? — протянул Грэг, как всегда укуренный.

Затем моя мать протолкнулась между ними.

— Я сломал стул, — объявил я. — Вам всё равно надо купить новый. Эта херня в стиле дерьмового бохо-шик (прим. пер. стиль интерьера, в котором помещения до отказа набиты аксессуарами и разными цветами, с множеством древесного оформления, ковриками и всем прочим) убога, если посчитать, сколько стоит эта сетка.

Моя мать просто смотрела на меня, ноздри сжаты. Я хотел, чтобы она ударила меня. Я нарывался на драку, чтобы я мог сказать ей, насколько дебильной была вся эта идея со свадьбой.

Она качнула головой.

— Что? — крикнул я с вызовом. Я вел себя как капризный подросток, что раздражало меня ещё больше.

— Диггс, мог бы ты взять один из чемоданов подрядчиков? Я думаю, они на балконе, — сказала она так же спокойно, насколько я был зол. Она повернулась обратно ко мне. — Не волнуйся, Джакс. Мамочка приберёт за тобой весь беспорядок. Снова.

Как только мама произнесла это, всё закончилось. Они все отвернулись, не обращая на меня внимание.

Все, кроме Лили.

Она была такой маленькой, я не видел её там, наблюдающую за всем с широко раскрытыми карими глазами.

— Лили? — мне было похуй, что другие думали обо мне, но мысли о том, что Лили смотрит на меня с презрением, практически отравили меня на очередной виток ломания стульев.

— Ты в порядке? — говорит она. Тихо, так тихо, что я мог бы пропустить, что она сказала, если бы не был полностью сфокусирован на её губах.

Я и забыл. Желание, блять, *любовь* — всё ещё была между нами, но я забыл об этом. Когда мир сужается в одну точку и она единственное, что я мог видеть.

Когда я был с ней, всё было спокойнее, что снаружи так и внутри моей головы. Когда я был с ней, вещи становились яснее.

Ответ на вопрос был ясен.

— В порядке ли я? — я покачал головой. — Нет. Нет, Бит. Я не в порядке.

Глава 11.

Лилиана.

Джакс сломал стул и все, кто здесь был, пошли дальше по своим делам, словно ничего и не было. Просто сбежались сюда и позаботились обо всем за него. Так что ему даже не пришлось убирать за собой.

Это должно было меня разозлить. Я ожидала, что всю поездку на ужин буду кипеть от злости.

Но его взгляд, совершенно безнадежный и поражённый, когда он сказал мне, что он не в порядке, просто преследовал меня.

Я сидела в конце лимузина со сцепленными вместе пальцами, подавляя желание взять его за руку. Позволить положить его голову на моё плечо, хотя бы ненадолго.

Это ничего не значило. Просто друг утешает друга.

Но как только я набралась смелости прикоснуться к нему, как машина остановилась и двери открылись, чтобы продемонстрировать, что папарацци раскрыли наше местоположение.

— Чёрт подери, — прошипел Наилс. — Почему эти стервятники не могут оставить тебя в покое? — он выступил перед Энни, защищая её своими большим телом.

— А они не за мной, — хохотнула Энни.

И это была правда. Все объективы были направлены на Джакса.

— Мистер Блу! Сюда! Мистер Блу! — слышались выкрики.

На момент он показался удивленным, словно олень в свете фар. Я прикусила губу, смотря, как он возвращается. Было похоже, будто он натянул маску и на его губах появляется яркая соблазнительная улыбка, вместо унылого выражения лица. Эта улыбка послала дрожь по моему телу.

Я стояла около машины, наблюдая, как он справляется с толпой, словно профи. Метрдотель шёл, толкаясь, до Энни, бормоча свои извинения, но я не могла оторвать свой

взгляд от Джакса.

Напряжение вокруг его глаз говорило о том, что только я могла понять. Он был готов взорваться в любую секунду.

Мое сердце заставило меня непроизвольно качнуться, толкая в самую толпу.

— Извините, ребята, мистер Блу закончил на сегодня, — крикнула я, стараясь изо всех сил походить на суетливого личного ассистента. — Спасибо, спасибо, мы очень ценим это, — я обернула свою руку вокруг предплечья Джакса и протолкнула его в относительную безопасность ресторана.

— Что ты делаешь? — прошипел он.

— Вытаскиваю тебя оттуда.

Он издал какой-то звук, но позволил провести его. Я бросила последний взгляд на папарацци, которые шумели даже более яростно, и затем мы прошмыгнули в ресторан.

— Ты в порядке? — спросила я его.

Он осмотрел меня сверху донизу.

— Напомни мне нанять тебя в свою команду.

Я расправила плечи.

— Я тебе не по карману.

Он засмеялся.

— Ты права, Бит. Ты чертовски бесценна.

Тепло медленно распространилось с покрасневших щёк вниз по спине. Та часть, которая ненавидела его, медленно растворялась, как сахар на кончике языка.

Мы прошли к столику в углу, подальше от окон — метрдотель убедился в этом — и заняли свои места.

Когда я посмотрела в меню, мои глаза расширились. Это определенно был не мой выбранный нью-йоркский стиль жизни в бедности и лапши быстрого приготовления. На секунду я почувствовала, будто мне снова было шестнадцать, и я оказалась в мире гастролей. По своей реакции на безумную сцену я поняла, что осталась брошенной, абсолютной незащитной, на острие доверия. Тогда я искала любой способ разузнать о новом окружении, и найти кого-нибудь, кто мог бы показать мне путь.

И лучше всех с этим справился Джакс.

Джакс вырос во всём этом безумии гастролей. Энни таскала его с собой на каждый из концертов, и он провел своё детство, слушая мат от техников и таская сигареты, выкуривая их за автобусом. Он стал мужчиной прежде, чем успел побыть мальчиком. И было хорошо, что у парня не было неуклюжей его стороны, потому что его жизнь в центре внимания оставляла его под пристальным наблюдением. И его внешность делала его мишенью.

— *Святое дерьмо, это правда!* — протянул Бэш. *Остаток предложения утонул в улюлюканьях и радостных воплях. Джаксу посылали «дай-пять» и я не могла понять, чему же все так радуются.*

— *Садись уже!* — рывкнула я, толкая Джакса локтем по ребрам. Он, должно быть, слишком поздно осознал, как все это выглядит, и попытался положить свою руку мне на плечо. Но я уже заметила, что же это всё-таки было.

«Джаксон Блу: Обратный Отсчет» гласил заголовок вебсайта, который был одним большим секундомером с фотографией Джакса без рубашки. Я только намеривалась спросить, что всё это значит, как меня осенило.

— *Твой день рождения?* — спросила я.

— *Леди ждут нашего Джаксика!* — заявил Бэш, хлопнул Джаксона по спине.

Я почувствовала тошноту. Весь вебсайт был посвящен тому, когда ему стукнет восемнадцать. Джексон пересёкся со мной взглядом на секунду, смотря с болью, затем обернулся и крикнул:

— *Эй, смотрите, почти полночь!*

Я должна был это знать. Я должна была закалить своё сердце и осознать, он не мог принадлежать мне.

— Разве ты не собираешься вообще говорить, Лилиана? — Энни откинулась на спинку стула. — Прошла вечность с тех пор, как мы виделись. Как ты?

Я подняла взгляд от тарелки, смущаясь, что меня поймали, когда я была в забытьи.

— Устала после перелета, — сказала я честно. Я посмотрела в меню. — И голодная.

— Мм, — Энни тут же потеряла интерес. — Я рада, что ты здесь.

— Я тоже, — вздохнула я. — Я так рада за вас с папой.

Правая рука Энни была увешана тяжёлыми серебряными кольцами и инкрустированными кусочками необработанных драгоценных камней и кусочками бирюзы, но на её левой руке ничего не было. Лучше было показать кольцо на пальце. Она перекинула свои длинные волосы через плечо, и я заметила кольцо. Она улыбнулась и протянула свою руку.

— Он справился, не так ли?

Я глянула на своего бородатого и длинноволосого отца и затем обратно на деликатный, современный дизайн кольца, сияющий камень находился в центре гравированного узора из листьев и лозы вокруг ободка.

— Ты его выбрал? — спросила я. Я не хотела, чтобы мой голос звучал настолько удивлённо.

Папа проворчал со смесью гордости и отвращения:

— Ага. Хотя бы в этом доверься мне.

— Поэтому он ждал так долго, — проговорил Джекс. Он сторбился в кресле, словно капризный подросток, несмотря на то, как сильно он вырос за прошедший год. Я вроде как поняла. Будучи с нашими родителями, которые все монополизировали, я и сама почувствовала себя подростком. — Он не доверял самому себе, чтобы купить кольцо до того, как пройдут пятнадцать лет.

Наилс приподнял волосатые брови. Он пытался понять, издевается ли над ним Джекс или нет, как я поняла. И я сама, честно, не была уверена.

— Точно, — произнёс, наконец, отец, решив принять это за шутку. — Я уже ходи по тонкому льду. Я не мог ещё проебать и кольцо, — он виновато посмотрел на меня, — Ууупс. Прости, Лили.

Я моргнула.

— Прости? Подожди, ты только что извинился за то, что матюгнулся при мне?

Папа кивнул.

Я не могла поверить в это.

— Пап, ты хоть немного можешь представить, сколько миллиардов проклятий и матов я слышала, пока гастролировала с тобой?

Я думала, это будет смешно, но мой отец молча опустил взгляд в тарелку. Энни медленно положила свою руку на его. Щелчки вспышек с входа в ресторан немедленно ослепили меня, и я внезапно разозлилась.

— Что? — потребовала я. — Почему мы все ведем себя здесь, словно кто-то умер? Я просто говорю, что отец много ругается, вот и всё.

— Это... это нисколько не заставляет меня чувствовать лучше, Лил, — сказал отец хрипло. Он прокашлялся.

— С какого перепугу это расстраивает тебя?

Он ударил своим мясистым кулаком по столу.

— Чёрт подери, Лил, потому что отцы не должны, блять, ругаться перед своими детьми! Дерьмо!

Я села обратно, шокированная. Я ни разу не слышала, чтобы отец говорил что-то о воспитании или о том, как отцы должны вести себя перед их детьми. Я не думала, что его вообще это волнует.

Тишина тяготила воздух. Я смотрела то на отца, то на Энни и обратно на отца, пытаюсь понять, что же я должна сказать.

— Все хорошо, — прозвучало совершенно неубедительно на всё, что мой отец пытался здесь сказать. Но это всё, что я смогла придумать. — Нормально, не парься на счёт этого, — это то, что я всегда говорила Наилсу всю свою жизнь, прощая ему всё, что он пропустил или забыл.

Наконец, я бросила отчаянный взгляд на Джакса. Он опустил вилку и кивнул мне: просто немного наклонил подбородок. И тяжесть спала с моих плеч. Он позаботится об этом.

— Три разных матерных слова в одном предложении, — размышлял Джакс впечатлённо. — Ты определенно начал с нового листа, Наилс.

— Ох, иди нахрен! — папа наклонился, и тяжёлая тишина рассеялась. — Ты не мой ребенок, так что я могу материться при тебе, сколько захочу, маленький засранец.

— Честно, Джаксон, — фыркнула Энни, — почему ты вечно подливаешь масла в огонь? Джакс ухмыльнулся, естественный порядок вещей восстановлен. «Спасибо» пробормотала я ему одними губами, почувствовав прилив нежности и благодарности.

Его рот странно скривился.

— Без проблем, Бит, — сказал он громко. Слишком громко.

Жар вспыхнул на моих щеках.

— К чему ты это, Джакс? — спросила Энни.

— О, ни к чему, — беззаботно произнес Джакс, глядя мне в глаза. — Просто Лилиана поблагодарила меня за то, что я разрядил здесь обстановку.

Он помог мне, чтобы кинуть обратно на растерзание волкам? Какого черта, Джаксон?

— Что?! — резко выпалила я. — Нет, я не имела в виду..., — мой взгляд метался между папой и Энни. Они взглядом метали кинжалы в мою сторону, и я знала, что сейчас начнется долгая и бессвязная болтовня о чувствах. Я рыкнула в сторону Джакса, благодарная, что и он тоже будет страдать.

— Это случилось со мной..., — Энни сидела в своем кресле, произнесла своё любимое вступление.

— Всё равно. Слушайте, — Джакс отодвинулся на стуле, — было весело провести время в такой откровенной семье, но у меня есть кое-какие дела, — его стул неприятно закрипел по полу. — Не ждите.

Он исчез где-то в задней части здания, ловко избегая фотографов, и оставляя меня

наедине с нашими родителями, словно жертвенного агнца.

— Лили, ты не знаешь, что происходит с Джаксом? — спросила Энни.

— Происходит? — пролепетала я. — Нет, я только прилетела, откуда я могу знать?

— Ну не знаю, вы, казалось, были близки когда-то.

Я съёжилась под взглядом Энни, споткнувшись на воспоминании, как именно близки мы были.

— Жаль, что не могу сказать вам ничего полезного, но я знаю даже меньше, чем вы. Сегодня мы впервые поговорили после моего прибытия из Нью-Йорка, — мои уши горели, когда я вспомнила, почему именно уехала.

И я снова возненавидела его.

Глава 12.

Джакс.

Это было совершенно новое место, более громкое и шумное, чем те, что мы обычно посещаем, но сегодня вечером это меня вполне устраивало.

— Чувак, помедленнее. Я не в настроении чистить всё от твоей блевотины сегодня.

Я всё равно допил свой шот и поднял свой взгляд на Каспера. Мой гитарист, и самый ближайший из друзей, был такой бледный, что в чёрном свете он буквально светился.

— У меня уже есть мать, — нечленораздельно произнес я. — И ещё одна мне не нужна.

— Я уже встречал твою мать, придурок! — крикнул он громче музыки. — Она подписала мою гитару.

— И я никогда не прощу тебя за это. Предатель.

Каспер ухмыльнулся, его зубы отсвечивали синим цветом.

— Это мой план отступления! В случае если мой босс ухнет вусмерть вместо того, чтобы заканчивать альбом.

— Не называй меня своим боссом! — прорычал я. — Звучит, словно я плачу тебе за то, что ты был со мной.

— Ну, блин! Это, типа, так и есть. У меня нет денег на такие места... выпивку... высококлассных девушек, — он ухмыльнулся своей девушке, Харлоу, которая посмотрела на него, оторвавшись от разговора со своей подружкой-блондинкой — Лэни, Лана — ну, или как-то так — и показала ему язык.

— Заработаешь! — ликер заставил меня почувствовать себя экспансивным. Напыщенным. — Просто побудь со мной... — я вздрогнул, и поймал себя на слове прежде, чем добавил, — ... пожалуйста.

Это, блять, грустно, что даже сейчас, после стольких лет знакомства и двух лет игры в одной группе, мне всё равно было не совсем комфортно в обществе Каспера, или Жаба (прим. пер. — Toad — Жаба, и раз у всех в группе прозвища, то и его переведем), или любого из них. Там, в голове, всегда был голос — ворчащий, подозрительно похожий на голос Энни — говорящий мне, что они все меня используют. Используют мои деньги. Используют имя моей матери. Моё имя. Что никто по-настоящему не любит меня за то, что я ... это просто я.

Я раньше думал так обо всех. До того как я встретил Бит. По некоторым причинам, она, видимо, вытянула из меня вполне привлекательную сторону. Может быть, и не для всех, но, по крайней мере, для неё. Лил никогда не смотрела на меня так, словно с трудом выносила одно моё присутствие.

По крайней мере, *раньше*.

Сейчас, правда, ну... было понятно, что она хотела ненавидеть меня. Её милый маленький приступ гнева в ванной был тому доказательством. Но то, как она смотрела на меня на ужине, означает, что она лжёт. На ужине, когда я спас её от эпически неловкого момента с отцом, она смотрела на меня как обычно. С этими распахнутыми, полными желания глазами.

И это было, блять, слишком много. Мне надо было убратсья из этого ресторана прежде, чем я сказал или сделал бы то, о чем мы оба потом пожалели.

— Джексон, серьёзно, я здесь. Передохни, — рука Каспера лежала на моей. Я даже не заметил, что моя рука была на бутылке.

Я потряс головой.

— Хорошо. Давайте передохнем. Мне всё равно нужно потанцевать, чтобы прояснить мысли.

Харлоу и Лэни-Лана мгновенно вскочили.

— Наконец-то! — прокричала Харлоу и забралась на спину Каспера. Он ухмыльнулся и понес её на своей спине вниз по ступенькам на переполненный танцпол.

Лэни-Лана плавно двигается около меня, опуская руки на свои бёдра, слегка оттягивая свое декольте ещё ниже.

— Ты готов? — промурлыкала она.

— Показывай дорогу, милая, — проговорил я ей.

Она шла впереди меня, виляя бёдрами в такт музыке. Я отстал и чертовски сильно пытался оценить её аппетитные формы, но что-то было не так. Она была рождена для шоу, с большими сиськами и здоровенной задницей — что обычно я ценил в женщинах — но сегодня этого было слишком много. Слишком бросалось в глаза. Она достигла точки «гниения» и абсолютно ничего не значила для меня.

Что за нахер?

Я шел за ней и пытался встряхнуть голову и мыслить ясно. Кроме всего прочего, она была готова. Возможно, фанатка, которая не поверила, что её подруга встречается с гитаристом Джексона Блу. Всё что мне было нужно, чтобы убедиться в этом, это моё имя.

И пока, всё, чего я хотел, это было выпить и забыть, кем я был, хотя бы на ночь.

Бит сменился, как только я ступил на танцпол, колеблющееся начало ремикса из двух песен выбило меня из колеи. Несколько «ууупс» донеслось из толпы, и вдруг толпа обезумела. Стучащий ритм четыре четверти донёсся и мой пульс участился, даже когда моё сердце упало в желудок.

Мой собственный голос — искаженный и смиксованный в забытую гнусавость — но мой голос был все тем же.

Не эта песня. Только не сегодня.

— О, боже, я обожаю эту песню! — взвизгнула Лэни-Лана, хватая меня и втягивая на танцпол. — Не могу поверить, что я танцую с самим мистером Наглецом!

Её губы были прямо на моем ухе, но я едва ли мог слышать её сквозь музыку. Диджей полностью изменил песню, выбрав только часть с припевом. Худшую часть.

«I'm just a lil bit... lil bit... lil bit... cocky...»

«Lil Bit»

«Lil Bit»

«Lil Bit...»

Лэни-Лана двигала своими бедрами вниз, потираясь своей задницей о мой пах. Я стоял,

как каменный, позволяя ей взять на себя контроль, пока я был потерян.

«Lil Bit»

«Lil Bit»

«Lil Bit»

«Cocky!»

Она крутилась вокруг меня и закинула свои руки мне на шею, дико извиваясь.

«Lil Bit»

«Lil Bit...»

Эти слова раздавалось эхом в моей голове. *Её глаза. Её губы.* Единственное, о чем я мог думать: «это должна быть она, но это не она».

«Lil Bit»

Её руки опустились вниз по моей груди.

«Lil Bit»

«I am so drunk» (*Я так опьянен*)

«Lil Bit»

Её руки опустились ниже.

«Lil Bit»

«I'm losing it here» (*Я теряю это здесь*)

Ее пальцы сомкнулись вокруг моего члена.

Это не Лил Бит трогала меня.

— Отвали нахер от меня!

Я едва успел заметить шокированное лицо Лэни-Ланы, когда я побежал к двери. В моем мозгу было пусто, но припев отдавался в голове:

Лил Бит,

Лил Бит,

Лил Бит.

Глава 13.

Лилиана.

— *Я думаю, вы видите, Барон Шевро, что ваши извинения абсолютно бесполезны.*

— *Так ли это, миледи? — глаза барона угрожающе потемнели, и внезапно Джорджия почувствовала, что её корсет затянут слишком туго. Он даже не могла вздохнуть. — Тогда может быть, настало время отказаться от слов?*

Рука барона двигалась быстро, словно вспышка, обхватив её шею сзади достаточно крепко и собственнически. Это были не те ничтожные утехи с конюхом. Неуверенные и неловкие прикосновения Джаспера не оставляли таких отпечатков на коже, как сейчас руки барона. Каждое касание его пальцев прожигало её неотвратимым теплом, подавляя слабые протесты прежде, чем они успевали срываться с ее губ. Всё это время барон наблюдал за ней с голодом в глазах, что было одновременно пугающе и восхитительно.

— *Ах, — его мягкий смех послал нервную дрожь по её коже, разжигая боль внутри. — Моя леди жаждет этого намного больше, чем готова признать.*

— *Вы высокомерный, бессердечный ублюдок.*

— *Вы правы.*

Мои пальцы бегали по клавишам. Было слишком поздно, и я была очень уставшей, чтобы терять драгоценный сон, но пока я кипела во время поездки домой с ужина, ненавидя Джакса каждой частичкой своего существа, запутанный кусок диалога, наконец, всплыл в

моей голове. Мне пришлось побежать вверх по лестнице в свою комнату, чтобы записать всё это.

Чертов Джакс. Должна отдать ему должное, он умеет вдохновить.

— Я желал вас с того момента, как увидел, — барон прижался губами к пульсирующей жилке на её шее, и Джорджия разволновалась, что он мог понять, что пульс стучит словно трепещущие крылья колибри. Она поместила свои руки на его твёрдой, тёплой груди, и поняла, что его сердце бьётся почти так же быстро. На мгновение, она наслаждалась своей властью. Он хотел её так же сильно, и ей было нечего бояться.

Пока его губы пожирали её.

Её гордость тут же растворилась, и Джорджия поняла, что она бессильна против натиска его рта. Кончиком языка он раскрыл её губы и начал медленно исследовать её рот. Дыхание Джорджии участилось, когда она поняла, что сейчас она навсегда помечена. Он заклеил девушку, и она никогда больше не будет прежней.

Барон отступил с рыком и обхватил ее подбородок рукой. Его глаза, ярче и голубее, чем октябрьское небо, потемнели, пока он смотрел на неё.

— Я не тот мужчина, что сидит сложа руки и ждёт возможности. Я вижу, что хочу, и я должен немедленно овладеть этим. И, Джорджия, я имею в виду тебя.

Она простонала в его рот, когда он прижал её к стене. Джорджия была зажата между прохладой мрамора и теплом желания.

— Всю тебя. Сейчас.

Когда рука барона погрузилась под юбку леди Каннингем, я заерзала в кресле. Это должно получиться отлично. Возможно, даже эпично. Мои мысли были сфокусированы кристально чётко, пока я писала, чего хотела Джорджия — блять, чего я хотела, чтобы барон сделал с ней.

Секс сцена. Иногда я оставляла их на потом, заменив её надписью — СЕКСУАЛЬНАЯ СЦЕНА БУДЕТ ЗДЕСЬ — в тексте, и возвращалась к ней, когда было настроение.

Но сегодня, черт подери, я была в настроении. Слова сами текли.

— Скажи мне, чего ты жаждешь, Джорджия, — прохрипел барон.

Бледное тело леди Каннингем забилося в конвульсиях. Ощущения были слишком глубокие, слишком запретные и ещё...

— Больше! — прокричала она в голос сокрушительно громко, что это должно было поднять всех слуг на уши. Но ее это не волновало. Это не имело значения. Всё, что было важно, это опьяняющие поцелуи Барона Шеврона и его возбужденное мужское достоинство, прижатое к ней. Что это значило для её брака, для её будущего, совершенно не волновало сейчас. Не было больше барьеров между ними, и нет никаких шансов отступить назад. Джорджия знала, что была потеряна и этим наслаждалась.

— Мне нужно больше!

Он прижался к её входу и одним мягким толчком...

БУМ!

— Что за черт? — закричала я, вспомнив секундой позже, что уже час ночи и что нормальные люди уже спят. Я виновато посмотрела на экран, словно меня застучали с рукой между ног, и я сразу же пришла в ярость. Громкий звук походил на то, будто что-то тяжёлое ударилось о стену прямо за моей дверью.

Я чуть не сорвала дверь с петель.

— Что это было? — потребовала я.

Он обернулся медленно, моргая, словно ему было трудно сфокусироваться. Его глаза сонно слипались, и голубые волосы были в беспорядке. Он выглядел абсолютно пьяным и абсолютно сексуальным, и миллион мыслей пронеслось в моей голове.

Черт, это Джакс.

Черт, я в своей пурпурной пижаме.

Черт возьми, он горяч.

Черт возьми... кажется, он зол.

Глава 14.

Джакс.

Бить стену адски больно, обычно. Я знаю, делал это раньше. Но сейчас ожидаемой боли все не было, и тогда я понял, насколько сильно был пьян.

Это было вдвойне опасно для Лил Бит, которая стояла сейчас передо мной и выглядела она помято, запыхавшись и сексуально, как ад.

— Что это было? — проворчала она. Её рот был искажен в неодобрительной усмешке, но её глаза... блять, эти широко открытые карие глаза блестели неестественно ярко.

Она выглядит сексуально, Джакс.

Она выглядит возбужденной.

Она хочет этого.

Заткнись, мать твою!

— Что это было? — огрызнулся я в ответ, злее, чем хотел, но блять, ей надо убираться отсюда с её сексуальными, спутанными волосами, прежде чем я схвачу их своими руками. Музыка из клуба все ещё стучала в голове. Этот повторяющийся блядский припев единственное, что я мог вспомнить.

— Этот стук, придурак. Звучало так, словно ты бил эту чертову стену.

— О, да? Может быть потому, что я ударил эту чёртову стену, — я подскочил к её дверному проему и прислонил руку к нему, костяшками в стену. Не-а. По-прежнему нет боли. Что может быть и хорошо, и плохо. — Почему ты такая упрямая?

Её глаза полыхнули.

— Лучше быть упрямой, чем засранцем.

— Ты ранишь меня, Бит, — *боже, я скучал по ней*, — всегда с нападками.

— Ты тоже внёс свой вклад в это. Когда добавил в музыку.

Я не имею ни малейшего понятия, о чем она.

— Вообще-то нет. Ты единственная, чей рот на ней, — *блять, я был пьян*. — А мне нравится, когда твой рот на мне...

— Фу! — она ударила мою руку.

— Правильно, трогай меня. Ты умираешь от желания прикоснуться ко мне?

— Нет!

Но её дыхание сбилось, а губы приоткрылись, и я знал, что Лил лжёт. И это меня взбесило еще больше.

— Тогда я помогу тебя. Вот, — я схватил ее крошечную руку. — Я сделаю первый шаг, так что тебе не нужно будет этого делать.

Она отдернула свою руку и скрестила обе руки на груди, будто хотела держать их под контролем. Словно боялась, что она что-то сделает, если их опустит.

— На что ты уставился? — спросила она.

Блин, она поймала меня. Какого черта я делаю опять?

Я дико озирался по сторонам, пытаюсь успокоиться и перестать пялиться и сфокусироваться на чем-нибудь вокруг нас.

К сожалению, я поздно понял, что уставился прямо на её сиськи.

Они были спрятаны под её нелепой пижамой, но это как-то даже больше дразнило. Я точно знал, как они будут чувствоваться, если я просуну свою руку прямо под её топ. *Интересно, а она в лифчике?* Наверное, нет. Я мог разглядеть кончики её сосков, выпирающих через ткань. *Она реально возбуждена? Блять, теперь у меня встал.*

— Джексон, люди пытаются спать.

— Ты нет, — указал я. — Ты выглядишь достаточно бодро.

Она сжала губы и на секунду выглядела очень подозрительно. Виновато. Что она делала, чтобы быть виноватой?

— Я работала, — сказала она высокомерно.

— Работала, да? — *поймал тебя, Бит.* — Писала? Одну из своих сексуальных книжечек, Бит? Вот черт, я прав. Спорим, ты писала какую-то пошлую сценку сейчас и поэтому выглядишь такой взъерошенной.

— Отвали, Джакс.

— И о чем же ты писала, Бит? Обо мне?

— О, боже, ты такой самоуверенный ублюдок.

— Я опять прав! — пропел я. Румянец выдал её. — И о чем ты писала, Бит? Ты думала с моём теле? Какая твоя любимая часть, мм? — я потянулся и схватил её руку, ожидая, что она отдернет её и даст мне пощечину. Черт, может я хотел, чтобы она ударила меня, прежде чем будет слишком поздно.

Хотя, она не ударила меня. Она шикнула:

— Успокойся. Ты хочешь, чтобы весь дом слышал?

— Ммм, может и хочу, — я обвил пальцами её запястье и притянул её ближе.

— Что ты делаешь? — спросила она. Нет, скорее, выдохнула мягким вздохом.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — поинтересовался я. Она была прижата ко мне. Её макушка находилась прямо под моим подбородком, идеально. Мой кусочек пазла. Блять, я и забыл, как потрясающе было просто чувствовать её около себя.

— Нет, — она колебалась. — Да. Может быть. Зависит от того, что ты делаешь.

— Я делаю вот это, — сказал я ей.

Приподнимая её подбородок, я потёрся своими губами о её. Я, черт возьми, едва её коснулся, но это был самый электризирующий поцелуй в моей жизни. Лил Бит — моя Лил Бит — была там, где и должна быть.

Я ожидал, что она разозлится или даже ударит меня. Что-то меня снова начало раздражать. Злило так сильно, что я хотел перестать целовать её снова и снова, путешествовать губами по этому сладкому телу и вспоминать возбуждающие изгибы. Будто я смог когда-либо забыть о них.

— Джакс... — она простонала моё имя в мой рот, и это был самый сексуальный звук, который я когда-либо слышал.

— Чёрт, Бит. Я так сильно скучал по тебе, — *я что, сказал это вслух?* Я целовал её и не мог говорить. А потом прижал к стене. Мне надо почувствовать её напротив себя, подо мной. Неожиданная ясность отрезвила меня. Я не мог позволить себе забыть это.

Она обвила своими руками мою шею, её пальчики путешествовали по моей спине, и я был полностью потерян. Я был готов сорвать с неё одежду, приподнять манящее тело и

погрузить в Лил свой член. Она издавала эти маленькие мяукающие звуки, убивающие меня.

Затем все её тело затряслось, и она отступила.

— Нет, — я был уверен, что сказал это вслух.

Она переместила свои руки на мою грудь. На мгновение, я надеялся.

Но затем она несильно толкнула меня.

Она улыбнулась той маленькой, покровительственной улыбкой и, блять, похлопала меня по груди.

Она похлопала меня.

— Давай взрослеть, Джакс, окей? — проворковала она фальшиво спокойным голосом. — Мы уже пережили все эти подростковые сексуальные игры.

— Подростковые сексуальные игры? — я отступил от неё. Моя голова разрывалась между пьяной злостью и трезвой печалью. — Вот чем это было для тебя?

Она шмыгнула, ее губы вытянулись в тонкую линию.

— Именно.

— Да?

— Да.

— Я не верю тебе.

— Ну, ты должен, — Лилиана покачала головой. — Мы были детьми, Джакс. Щенячья любовь и гормоны. Это ничего не значило.

Весь воздух покинул лёгкие и я прислонился к дальней стене. Ничего не значило?

— Нахуй это твоё ничего не значило, — пробормотал я, пялясь на свои ботинки. На момент все поплыло перед глазами, и я понял, что буду плакать как сучка, если не возьму себя в руки. Я посмотрел на неё снова.

Она смотрела на меня с жалостью в глазах. Ебаная жалость ко мне, Джексону Блу.

Никто не жалеет меня.

— Это все равно значило многое для тебя, — сказал я медленно. Глаза Лил расширились — Боже, как они могут стать еще шире? — пока она слушала жестокие слова из моих уст. — Я научил тебя всему, что ты знаешь. Это было реально мило, как ты жаждала учиться, — я хотел ранить её. Я ненавидел себя за то, что хотел ее обидеть. Но мне нужно было передать ей ту боль, которую я чувствую. — Было реально клёво с тех пор не иметь дело со всей этой телячьей нежностью, пока я трахаю девчонку. Девственницы выматывают.

Она фыркнула, и на секунду мне захотелось забрать свои слова назад. Но я не стал. Я смотрел, как она развернулась и захлопнула дверь перед моим лицом.

Глава 15.

Лилиана.

Хватит плакать. Чему ты удивляешься? Он жестокий. Злой. Ты уже знала это, так почему тебя это волнует.

Самобичевание не помогает заснуть, и так же проблески раннего утреннего солнца, которые пробираются в комнату. Может я подремала немного между приступами самобичевания, но точно не спала.

Когда желудок проурчал, я, наконец, сдалась и перестала пытаться заснуть, просто лежала на кровати. Голова была словно набита ватными шариками и глаза были красные и опухшие.

Мои щёки были поцарапаны щетиной Джакса, а губы до сих пор покалывало от поцелуя. *Мне надо уйти. Вернуться домой, чтобы между нами снова был целый континент.*

Это было заманчиво.

Чёрт побери, нет. Я не сбегу снова. Я имею столько же прав быть здесь, сколько и он, он не сможет добраться до меня.

Свирепая.

Я закрыла глаза, ощущая себя немного спокойней.

Клянусь, я не засыпала. Но, похоже, что так. Потому что когда я открыла глаза, Джексон сидел на краю, мой лэптоп лежал открытый на его коленях.

— Доброе утро, Бит.

Я подскочила, натягивая одеяло до груди.

— Что за черт, сталкер! Что ты здесь делаешь?

Он потянулся, словно кошка на солнышке и лениво ухмыльнулся мне.

— Ждал, когда ты проснешься, — он указал на лэптоп. — Но это было долго, и я заскучал.

Мое сердце гроыхало в ужасе, прежде чем вопрос сорвался с моих губ. Я наблюдала за ним, как его глаза бегали взад-вперед по экрану, и откровенно торжествующая ухмылка появилась на его губах.

— Ты, правда, читаешь мою книгу? — спросила я требовательным тоном, пытаюсь скрыть ужас воинственностью. — Боже, и часто вторгаешься в личную жизнь? — я потянулась, пытаюсь забрать лэптоп и параллельно прижимая одеяло к груди.

Он ловко дёрнул лэптоп в сторону, чтобы я не дотянулась, и продолжил читать.

— Ты публикуешь эти книги, чтобы все читали, почему же я не могу? Кроме того, — он указал на экран. — Я заметил несколько моментов здесь, которые могут считаться как вторжение в мою личную жизнь, Бит.

Я покраснела. Он читал секс-сцену.

— О чём это ты? — хотя, я знала ответ.

Он облизнул губы.

— Ну, вот это действие звучит ужасно знакомо, — он развернулся и посмотрел прямо мне в лицо, и повернул лэптоп так, чтобы я видела. — Прямо здесь? Мы же делали это, так?

Я не могла смотреть на него. И не могла смотреть на экран. Унижение было со всех возможных сторон.

— Я думаю да, мы делали. А что, ты не помнишь?

Он вернул лэптоп на место.

— Нет, помню, — на минуту его взгляд казался отдаленным. Затем, его губы немного дернулись. — Хотя я не помню, чтобы это происходило именно так. «Центр её удовольствия»? Почему бы не назвать это так, как оно есть?

— Это... более или менее подходит, — я сжала одеяло в кулаках и полностью натянула на голову. — Ты не можешь быть слишком критичным.

Он закатил глаза и продолжил читать.

— Так много эвфемизмов, — он замолчал и затем разразился хохотом. — «Глубины»? Серьезно?

Уголки моих губ непроизвольно дернулись.

— Да?

— Это ужасное слово! — он смеялся.

— Оно вызывающее! — я пыталась протестовать, но тоже засмеялась.

— «Глубины». Ебать. Настоящие слова намного лучше.

— Настоящие слова?

— Да, ну, знаешь, — он немного сместился, помещая одну ногу под себя. Его теплое бедро прижалось к моей ноге. Я могла почувствовать жар его кожи через одеяло.

— Клитор, — сказал он, медленно проговаривая, будто пробуя слово на вкус. — Киска. Горло пересохло, и я сглотнула, внезапно потеряв дар речи.

Он смотрел на меня немного дольше нужного. Он не сможет заставить меня признаться, что эти слова звучат сексуально, когда он их произносит. Это был словно призыв ко мне, и ответ был связан с нуждой.

Медленная улыбка расплылась по его лицу.

— Да, ты тоже думаешь, что эти слова лучше, не так ли, Лили?

— Они слишком... пошлые.

— И ничего не пошлые.

— Может быть не для тебя...

— И не для тебя тоже, Бит, — его глаза вернулись к странице. — О, боже, «ствол»? Серьезно? Так вот как ты это назвала? — его рука потянулась к паху и я поняла, то смотрела слишком внимательно, поэтому быстро отвернулась. — Как на счет того, чтобы назвать это «член»? Звучит намного лучше. А еще лучше, сделать его пирсинговым членом, поскольку я помню, как сильно он тебе нравился.

Я проигнорировала его насмешку.

— Я сомневаюсь, что было много пирсингованных членов в Англии девятнадцатого века, Джаксон. Я пыталась воссоздать историческую правдоподобность.

— Да? Ну, как бы это не звучало, думаю, это плохо. Мне кажется, твоя героиня, Геральдин, похоже, оценила бы то, как пирсинг трётся о её точку G. Это бы помогло ей достигнуть... э-э... «вершину наслаждения» быстрее, чем её доведет этот унылый Тристан.

Внезапно, я кое-что поняла.

— Джакс, ты в конце книги. Там почти девяносто тысяч слов. Ты вообще спал?

С тех пор, как я проснулась, самодовольная улыбочка сползла с его лица.

— Не. На самом деле, нет.

Его прекрасное лицо выглядело слишком напряженным с мешками под глазами, которые были темного оттенка фиолетового. Мое раздражение улетучилось, и я потянулась к нему, хотя даже не хотела этого.

— Почему?

— Я хотел перехватить тебя до того, как ты проснешься. Так что мы могли хотя бы поговорить о прошлой ночи. Прежде чем ты проснулась бы и умчалась.

Я сказала, что моё раздражение улетучилось? Не обращайте внимание, оно вернулась в один миг.

— Умчалась? — повторила я.

— Ага, умчалась, не поговорив со мной. Это, вроде как, в твоём стиле, — ответил он. Я плюхнулась обратно на подушку. Не могу поверить, как он мог так быстро превратиться из милого и сексуального в самого раздражающего человека на планете.

— Ой, иди на хрен, — фыркнула я, потирая переносицу.

Я почувствовала, как он сместился, наклонился вперед.

— Ты знаешь, мы бы могли кое-что попробовать. Все те вещи, что ты написала... — его голос стал ниже. — Ммм... такие подробности, Бит. Если бы я знал, что ты уделяешь так много внимания деталям, я бы продлевал свою игру.

Я заткнула уши руками.

— Заткнись!

Он склонился надо мной. Я посмотрела вверх на него, нависающего над моей кроватью. Мое дыхание участилось, сердце забилося быстрее. Поняв, что я кусаю губы, я их облизнула, и его глаза уставились на мой рот.

— У меня возникло несколько идей, на самом деле. Как на счет этого? Хочешь поэкспериментировать вместе со мной?

Его предложение повисло в воздухе на один, два, три удара моего сердца, прежде чем я полностью пришла в себя. Я протянула руку и оттолкнула его.

— О, боже, выметайся из моей комнаты!

Он встал.

— Ты даже не услышала, зачем я здесь.

— Мне плевать, убирайся, — я перевернулась на бок и ждала, пока не услышала, как дверь закрылась, прежде чем я, наконец, выдохнула.

Глава 16.

Джакс.

Я пялился на дверь её спальни, удивляясь, как, блять, она снова захлопнулась перед моим носом. Я остался на всю ночь, а поздним утром хотел извиниться, как только Лилиана проснётся. И вот теперь мне как-то удалось запереть и это.

Чёрт побери, это не может происходить со мной снова. Я поднял руку, чтобы постучать в дверь, готовый проломить её, если потребуется, когда зазвонил телефон. Я вытащил его из кармана, собираясь швырнуть его в коридор, но увидел имя Бев. Моё сердце, будучи уже в желудке, провалилось прямо в пятки.

Она уже говорила, когда я нажал зелёную кнопку.

— Студия, полная высококвалифицированных и высокооплачиваемых техников и музыкантов, которым платят за то, что они бездельничают и ждут, пока ты появишься. Где ты, Джексон?

— Я уже рядом, — лгу я, спускаясь по лестнице. — Успокойся, Бев. — Да-да, — я бежал по газону, но не хотел, чтоб она знала это. — Иди, прими Ксанекс (прим. пер — успокоительное) или типа того.

Она начала отключаться, но перед этим я услышал отчётливое шипение:

— Мудак.

Я остановился посередине газона и уставился на телефон. У меня ничего не готово. Бев подготовила всё, забронировала студию и музыкантов на это время, основываясь на моих обещаниях, что я всё подготовлю тогда. Тогда, в смысле, сейчас. Сегодня.

Блядь.

Может это и вправду был мимолетный успех, как все утверждали? Может, «Наглец» был аномалией и я на самом деле не композитор? Потому что, блядь, с тех пор я так и не смог написать ни одной годной песни.

Часть меня хотела просто забить. Забить на всё и пойти, напиваться с техниками Энни. Зассать, и чтобы все считали, что я облажался. Я, конечно, и сам в это верил.

Но я знал, что не могу сделать этого. Мне надо поддерживать репутацию. С тех пор как я исполнил «Наглеца», пресса хотела видеть меня самодовольным. Я не могу провалиться. Это всё испортит.

Я схватил ключи и запрыгнул в Феррари 288 GTO 1985 года, которую купил на деньги,

заработанные на «Наглеце» и выкрасил её в голубой цвет. Как и мои волосы. *Имидж*. И поехал на студию выкручиваться. Блядь, может даже мне что-нибудь придет в голову во время пути.

Я знал, что лгу самому себе. Я был задыхавшейся развалиной, к тому времени как припарковался около студии, опоздав на целых полтора часа. Бэнкс стоял на тротуаре, выкуривая одну из своих самодельных сигарет, которые воняют как грязь. Я поднял подбородок при виде него.

— Знаешь меня это не ебёт до тех пор, пока мне платят, но всё равно, — сказал он хладнокровно, выпуская клуб дыма вокруг своей головы, — тот факт, что я должен *просто прийти*, чтобы мне заплатили, — он погасил окурок о здание, — чертовски охуителен.

— Ох, успокойся, Бэнкс. Ты, должно быть, думаешь, что лучше меня, но кто оплачивает твои гребаные счета, а? — клавишник, которого нанял мой лейбл, всё ещё цепляется за своё классическое образование, будто оно что-то значит в этом мире.

— Без разницы. Я отказал одному известному человеку из-за этого, Блу. Я просто хочу работать.

Бев была по другую сторону двери.

— Ты готов? — спросила она сухо.

— Что у тебя есть для нас, Блу? — Жаб прыгнул с дивана в гостиной, его басс-гитара опасно раскачивалась вокруг.

— Ты заканчивал, или что? — спросил Каспер. Он пытался прикрыть меня, как мне казалось. — Вот почему ты опоздал?

Я кивнул.

— Именно.

— Ну, все готовы приступить к работе, Джаксон. Начнем, когда ты будешь готов.

Я снова кивнул, чувствуя, будто двигаюсь против течения или, может, пойман на откате. Сейчас я иду к звуконепропускаемой кабинке и мне нечего петь. Я копался в голове, напрягал мозги, чтобы отыскать хоть какой-то маленький фрагмент через весь этот статический шум, но тут не было ничего кроме захлопнутой двери перед моим лицом.

Глава 17.

Лилиана.

Джаксон не вернулся домой прошлой ночью.

Я бы хотела не знать об этом, но я знаю. Я бы услышала его, если бы он пришёл, потому что я провела остаток дня, закрывшись в комнате и печатая так, словно мои пальцы были в огне.

Я точно записала, как чувствовался тот поцелуй, как его губы прижимались к моим, и как они разъединились, а я этого не хотела. Как я повисла на нем, словно потеряла способность стоять. Как мой желудок упал, будто я на американских горках и удовольствие, сродни физической боли, которое распространялось от каждого его прикосновения к моей коже. Вот и всё, что произошло в коридоре — просто поцелуй — но на странице я была вольна развивать события дальше так, как хотело моё тело. На страницах я лизала и прокладывала дорожку из поцелуев вниз по его голой, блестящей груди, пока его голубые глаза не покидали мои — ну, чёрт.

Я клянусь, что могу почувствовать его губы на своих даже спустя день, будто он обжёт или ударил меня. Но это было нелепо. Все это было нелепо: он будет моим грёбаным сводным братом через две недели. Я, чтоб его, должна была понимать это, но в ту минуту,

когда я увидела Джакса, вся моя тщательно возведенная защита развалилась.

Я отпрыгнула от своего ноутбука, словно он ошпарил меня. Мне надо пресечь эти мысли в зародыше. Собравшись с мыслями, я полностью переделалась, чтобы не казаться отчаявшейся, и вышла из комнаты.

— Доброе утро, Лил, — Диггс прохрипел поверх кружки с кофе. Его тело нелепо смотрелось поверх этого крошечного барного стула. — Хорошо спала?

— Кофе? — прокаркала я в ответ. Моё горло болело и хрипело из-за долгого молчания.

— Буду считать, что нет, — по его поврежденному лицу расплылась широкая улыбка, Диггс он спрыгнул со стула, а затем постучал по нему. — Присаживайся.

— Спасибо, — прошептала я и села на его место, хватая апельсин из вазы с фруктами перед собой. — А что насчёт тебя? Ты хорошо спал?

— Как младенец, — хмыкнул Диггс, беря кофейник. — Доктор прописал мне новые обезболивающие, так они просто вырубают меня.

— Твоя рука выглядит хорошо! — я внезапно заметила.

— Да? — он гордо улыбнулся, взяв кофейник правой рукой и протягивая руку к плечу. — Едва заметно, да?

Было едва заметно дрожь его руки.

— Вау, намного лучше! Она почти не трясется.

— И хватка тоже стала лучше.

— Ты, наконец, нашел врача, у которого голова не находится в заднице? — я с благодарностью приняла кружку и взяла её в обе ладони.

Диггс облокотился о стойку.

— Новичок, молодой, молоко на губах едва обсохло. Чёрт, может он даже твоего возраста, — я шлепнула его, и он хохотнул. — Мне кажется, что это неправильно называть его «доктором», потому что он едва ли научился бриться, но он слушает и готов попробовать что-нибудь новенькое. Оказывается, у меня нерв в ладони поврежден, при всем моём «везении», — он печально покачал головой. — Падая с такелажа можно прилично повредиться, знаешь, но никто не мог выяснить, как так «прилично». Он единственный обнаружил повреждение нерва, что вызывало дрожь. Все остальные же верили, будто у меня что-то не так с головой.

— Ну, у тебя определенно что-то не так с головой, — поддразнила я.

— Ох, подкол засчитан. Где ты этому научилась?

Я усмехнулась ему.

— У лучших?

— В яблочко, — пропыхтел он с гордостью. — Ну и как дела у моей девочки?

Я глотнула кофе и призналась:

— По правде, чертовски растеряна.

— Да? Насчёт чего?

— В выборе темы.

— Хех, ага, быть молодым отстой.

— И откуда ты знаешь? — улыбнулась.

— Мелкая засранка. Знаешь ли, я однажды был молод. Помню, как это было.

— И твой отец внезапно решил жениться, когда тебе было девятнадцать?

Диггс глубоко вздохнул.

— Нее. Слава Богу, никогда не приходилось иметь с этим дело.

— С чего вдруг, Диггс?

Он покачал головой.

— Думаю, они решили, что пришло время.

— Просто это так... неожиданно.

— Ну, ты же знаешь Энни: так она действует. В один день она принимает решение и всех ставит перед фактом. Я думаю, она проснулась одним прекрасным утром и сказала Наилсу, мол, либо он надевает ей кольцо на палец, либо может ухать. И мы оба знаем, что твой отец никуда не денется.

— Нет, — я покачала головой. Это правда. Хоть мой отец и ошибался, он любил Энни, даже боготворил её. — Думаю и тебе никогда не поздно что-либо изменить.

Диггс приподнял здоровую бровь.

— Слушаю тебе, всю такую мудрую. Ты слишком умна, чтобы ошиваться вокруг кого-то, как я.

— Замолчи, — я улыбнулась, а уши горделиво порозовели. — Мне нравится быть рядом с тобой. Ты не высокомерный мудака.

Диггс ухмыльнулся.

— Могу предположить, что ты говоришь о ком-то конкретном?

— Я лучше промолчу.

— Знаешь, ему стало хуже после твоего ухода, — откровенно признался Диггс. Я внезапно подняла голову. Я не этого ожидала услышать. — Нет, это правда. Джек и твой отец посрались после твоего отъезда в Нью-Йорк. Никто не слышал, что он говорил, но мы слышали грохот и после этого увидели сломанную мебель. После этого, с ним реально было трудно общаться... Я имею в виду, больше, чем обычно. Энни и вправду надеялась, что ты вернёшься домой и сможешь его снова усмирить.

Я медленно попивала кофе, надеясь, что моё сердце не стучало настолько громко, как я слышала его в своих ушах. Папа с Джексом ругались? Из-за меня? Он не должен был знать, никто не должен был знать о том, что произошло между мной и Джексом. Никто не должен был знать, почему я ушла. Я объявила, что мне восемнадцать и я готова к самостоятельной жизни и вот, они должны принять это. Я разорвала отношения, легко и просто, ну, или я так думала.

— Ну, мой приезд мало помог, — сказала я спокойно, надеюсь. — Он пришёл вчера пьяный. Сказал кое-что...

— Вот дерьмо. Он реально может быть подлецом, когда бухает, унаследовал это от матери. Если они пьют вместе... господи, жди грёбанных неприятностей.

Я вспомнила о сломанном стуле, Джек и его мать пилились друг на друга и были готовы пустить кровь и моё сердце странно кольнуло.

— Должно быть, здесь интересные ужины.

Диггс пожал плечами.

— Нее, мы привыкли. Чёрт, мне надо надрать задницу этому засранцу. Я видел, как он рос во всем этом безумии. Он хороший, если присмотреться хорошенько. Очень внимательно.

Мы оба обратили внимание на шум в коридоре.

— Доброе утро, — проурчал Джек, приглаживая свои волосы, когда вошёл на кухню.

Я не знаю, много ли он услышал. Его лицо было бесстрастным, глаза налиты кровью и наполовину прикрыты. Костяшки на его правой руке всё ещё были расцарапаны и

покраснели, и, увидев их, я поёжилась.

— Доброе, — сказал спокойно Диггс. — Только что пришёл домой?

— Ага.

— Принял аспирин?

— Ага, — ответил Джакс, дотягиваясь до кофейника. Мягкие треники сидели низко на его талии, и он был без футболки. Я старалась изо всех сил не смотреть на реки чернил, что разлились по его широкой спине, но они были настолько замысловатыми и детальными, что я просто не смогла сдержаться.

Парад животных маршировал по его поясице: волки, тигры и львы были готовы зарычать и наброситься. Двигаясь вверх от зверинца, находилась вереница из шипов, превращаясь в изобилие роз, бордовых и опасных, открывшихся в расцвете по его плечу. Когда он повернулся боком, я увидела продолжение на бицепсе, темно-красный плавно перетекал в ослепительно голубой, пока розы превращались в нечто иное.

Я сощурилась, наклоняюсь вперед на стуле. Если бы он только повернулся, я смогла бы разглядеть всю картинку.

— Джакс? — сказала я, злясь на себя.

— Да? — он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и я увидела — голубая лилия красовалась на его плече и на левой стороне груди.

Лилия.

— Эм, можешь передать мне сахарницу? — во рту пересохло. Я облизнула губы, стараясь выглядеть невинно, смотря мимо него на шкафчики и стуча ногтями по гранитной поверхности.

— Конечно, — он слегка улыбнулся и коснулся рукой груди. Прямо над лилией. И тогда я точно знала, что он заметил, как я пялилась. Он поставил сахарницу передо мной. — Вот, Лили.

Глава 18.

Джакс.

Мой татуировщик поднял свою пирсингованную бровь, когда я сказал ему, чего хочу.

— Ты уверен, чувак? Это совсем не подойдет к другим фрагментам.

— Это цветок. У тебя получится, — проворчал я и откинулся на спинку кресла. Он вздохнул и появился шум иглы, пока лилия рождалась на сердце.

Пожалел ли я, что нанес её? На самом деле нет. Большинство моих татушек были из-за импульсивности — мимолетные идеи, что забрались под кожу. Все они, ну, по крайней мере, лилия, что-то значат. До сегодняшнего дня я никогда не приносил много смысла в этот цветок. Ровно до тех пор, пока я не прочитал изумление на лице Лили, когда она увидела татуировку.

Она точно знает, что это что-то значит для меня.

Но что это значит для неё?

— Ты будешь здесь позже? — вклинился Диггс. — У твоей мамы целый список дел, которых нужно сделать.

— Не-а, — сказал я, всё ещё смотря на Лили. — У меня концерт вечером. Надо отдохнуть.

Лили выглядела ещё больше изумленной.

— О, чёрт, чувак. Совершенно вылетело из головы.

Я глотнул кофе.

— Ничего страшного, — ответил я беззаботно.

— Хочешь, загляну?

— Нее, ничего такого. Увидимся позже, Диггс, — я вышел из кухни.

— До встречи, чувак.

Я поднялся по лестнице и начал ждать. Я переживал, а вдруг я запарол всё настолько сильно, волнуясь, что она не захочет идти за мной, не захочет ничего узнавать и расспрашивать. Я всегда был убудком, но рядом с ней я всегда чувствовал себя *отвратительно* из-за всего этого. Одно дело шутить, а другое — нарочно сказать, чтобы унижить.

Но шум босых ног в гостиной заставил меня улыбнуться сквозь мрачные мысли. Да, я был придурком с ней. Но она была маленьким любопытным котёнком и не отпустит меня так просто, пока я не объяснюсь.

— Эй, Джакс, — она позвала с лестницы.

— Да.

— Я могу поговорить с тобой?

Я повернулся к ней.

— И зачем тебе делать это? — я был честен. Я и вправду не знал.

Она остановилась и прикусила губу.

— Ты прав. Мне незачем, — сказала она сдержанно.

— Но ты всё равно спросишь.

— Мне просто хочется знать кое-что.

— И что же, *Лили*?

Она наклонила голову.

— Это для меня?

— Что именно?

Её глаза вспыхнули.

— Ты серьезно хочешь, чтобы я задала вопрос? Ты знаешь, о чём я.

Я стукнул по груди.

— Щенячья любовь и подростковые гормоны, — огрызнулся я. — Вот что это, — я повернулся и пошёл в свою комнату.

Её маленькие ступни шлепали по полу в коридоре, и внезапно я понял, что мою руку отдернули от двери. Я был удивлен её силой, но ещё больше удивлен, что она не отпустила запястье, пока шипела на меня:

— Ты, мать твою, кусок дерьма, ты знаешь это? Это..., — она ткнула меня в грудь своим обкусанным ногтем. — Этого не было на твоей груди, когда мы были вместе. А значит, оно появилось после того, как я ушла. Зачем?

Два оттенка красного вспыхнули на её щеках, и я мог заметить пульсирующую жилку на её шее. Всё внутри меня хочет прижать Лили к себе, прикоснуться губами к этой жилке, проложить дорожку из поцелуев вниз к её идеальным грудям.

— Потому что, — сказал я честно, — по крайней мере, эта лилия будет со мной навсегда.

У неё перехватило дыхание, когда мои губы нашли её, поэтому я не знал, это из-за моих слов или поцелуй удивил её. Я забрался рукой ей в волосы и обхватил её затылок, мне нравилось, как она подходит мне, пока я впитывал её так глубоко и всецело, насколько она мне позволит.

Она испустила разочарованный вздох, переходящий в стон, когда мои руки нашли её талию, и я притянул её ближе. Её майка немного задралась, оголяя теплую полоску кожи на её спине. Я слегка пробежался пальцами по её спине, зная, что ей понравится, зная, чего она жаждет, и она сильнее обмякла, раскрывая губы и сплетаясь со мной языком.

Целый год тоски по ней взорвался внутри меня и внезапно я стал одержим. С рычанием я разворачиваю её, прижимая спиной к стене. Пробираясь рукой в её волосы, я дёрнул её голову в сторону, обнажая изгиб шеи. Она издала сдавленный стон, пока я целовал эту сладкую жилку, где учащенно бился пульс, и затем пропутешествовал губами ниже. Я сильнее прижался к ней, давая ей почувствовать, что она делала со мной, делает со мной, да и всегда будет делать, с тех самых пор как я встретил её тогда.

— Мы не должны..., — я не дал ей закончить. К черту всё, что мы должны и не должны делать — я нуждаюсь в этом. Мне нужно накрыть её грудь ладонью, провести пальцем по соску и он сморщится в тугий шарик прежде, чем я сдвину её майку и возьму его в рот. Её протесты превратились в сильные стоны.

— Стоны для меня, Лили, — я умолял её. Я нуждался в этих мягких вздохах, тех самых, от которых я чувствовал себя центром мира. — Дай мне знать, как это ощущается, — я опустил руку под пояс её джинсов. — Черт, я думаю, ты знала, как это ощущается. Ты такая горячая и влажная для меня, не так ли? Скучала ли ты по мне также как и я по тебе, Лил?

— Заткнись, — прошептала она, умоляя. — Кто-нибудь может услышать тебя, — она простонала, когда я скользнул пальцем внутрь нее.

Я посмотрел в сторону лестницы. Оттуда доносились голоса, низкие и непонятные.

— Ты ведь не хочешь, чтоб нас засекли? — я был слишком растерян, чтобы останавливаться сейчас. — Тогда тебе нужно ускориться. Кончи для меня, — я покрутил большим пальцем её клитор, рисуя круги, стоны срывались с её покрасневших губ. — Я хочу почувствовать, как ты кончаешь вокруг моего пальца прямо здесь.

Она обняла меня сильнее за плечи, прижимаясь ко мне так тесно, как может, все её тело заколебалось, когда я скользнул вторым, а затем и третьим пальцем внутрь неё.

— Черт! — шикнула она, закусывая губу и утыкаясь лицом мне в грудь. Я почувствовал, как её живот напрягся, мышцы её сердцевинки сокращались, словно порхающая бабочка. — О, Боже!

Я зарычал и зарылся лицом в её шею. Тело Лили напряглось и те звуки, что я так желал услышать, вырвались из её горла — этакое мурчание дикой кошки, и от этого я чуть не кончил вместе с ней.

— Прекрасно, да, Боже, ты так прекрасна, — я бормотал как идиот, но меня это не волновало больше. Я накрыл её губы своими, смакуя её вкус в последний раз, прежде чем вытащить свою руку.

— Джексон? — пропитанный виски голос моей матери донесся с лестницы.

Я проигнорировал её.

— Приходи ко мне на концерт сегодня, — сказал я Лили. — Я хочу, чтобы ты была в зале.

Её глаза сияли, пока она смотрела на меня некоторое мгновение. Затем она, наконец, кивнула. Я пошёл к лестнице, чтобы увидеть, какого хера нужно моей матери, ощущая себя на вершине гребаного мира.

Глава 19.

Лилиана.

В этом доме вечно полно народу. Каждый раз, когда снизу доносились голоса, мне хотелось сильнее сжаться в клубок. Из-за криков и скрежета мне стало интересно, какого черта они там делали, но я была слишком напугана, чтобы сходить и проверить. Я боялась, что произошедшее между нами будет написано на моем лбу.

Глаза Джакса, практически чёрные от желания. Его пальцы, губы...

Видимость гордости или самоконтроля, которые я пыталась сохранить, вылились в безумную похоть.

То, как двигалось моё тело, будто знало, что он будет делать дальше, предвкушало, словно наркоман очередной дозы.

Эта лилия на его груди сломала меня.

Его голос в моём ухе, такой уверенный и дерзкий говорил мне точно, что делать дальше.

Но мне не нужно оставаться сломленной. Я перевернулась в кровати и прижала ладони к глазам, чтобы держать их закрытыми, пока воспоминания наваливались на меня, как товарный поезд.

Это было его первое крупное интервью на телевидении. Я записала его на видео, намереваясь сначала посмотреть его, а потом пересматривать. У моего Джаксона был шанс стать звездой по собственному праву.

Интервьюером была высокая молодая блондинка с пухлыми губами, которые буквально превращали любые её слова в намёк. Я мгновенно возненавидела её.

Джаксон сидел в своём кресле, словно принц на троне. Я поставила видео на паузу, чтобы оценить на мгновение его обычную белую рубашку вкупе с кожаной курткой, которые я выбрала для него. Они нанесли слишком много грима, но это не умаляет его суровой мужественности.

Я нажала «пуск» и откинулась спиной на диван. Он скоро будет дома, поэтому я хотела посмотреть все до его прихода.

Силиконовые губы ведущей снова изогнулись.

— Каково это было? Растить сыном Энни Блу?

Моё сердце ёкнуло от жалости. Из всех возможных вопросов она выбрала именно этот? Тот самый, который Джакс ненавидит больше всего?

Но он храбро улыбнулся, и моё сердце наполнилось гордостью.

— Для меня она просто мама, вы знаете? — он показал ведущей ямочки, и я внутренне зааплодировала, из-за того как хорошо он справился с этим вопросом.

— Было много шума вокруг вас ещё до того, как вы пришли на студию. Кажется, люди очарованы Джаксоном Блу. Как вы думаете, почему?

Его лицо расплылось в свойственной ему дерзкой усмешке.

— Потому что они хотят жить моей жизнью.

— Ваша жизнь прекрасна?

— Бывают моменты.

— И какие же моменты делают её прекрасней?

Я наклонилась вперёд, краснея.

Он откинулся в кресле.

— Ну, знаете, зависать с друзьями, писать музыку, самые обычные вещи на самом деле.

Окей, это был расплывчатый ответ, но сойдет.

— Вы упомянули друзей. Есть кто-нибудь особенно близкий?

Джаксон наклонил голову.

— Конечно, парни из группы.

Это ложь. Он едва их знал.

— Кто-то еще?

Ведущая выглядела как рыба. Всё из-за идиотского изгиба ее губ. Уверена, она думала, что выглядит дерзко или ещё как-то. Я мечтала протянуть руку в экран и ударить её, но интервью было записано утром, и ущерб уже был нанесен. Я выключила паузу снова и улыбнулась самой себе. Вот оно. Всё сейчас станет общеизвестно.

— Насколько близко? — Джаксон проникновенно посмотрел на собеседницу, которая скрестила ноги.

— Кто-то особенный в вашей жизни? — она поморгала своими ресничками.

Когда я увидела, как Джакс облизывает свои губы, я снова нажала на паузу. Это была подсказка, всегда. Он собирался лгать. И о чём же была эта ложь? Я снова нажала «пуск».

Джакс на экране стряхнул невидимую пылинку с пиджака.

— Нет, — он покачал головой. — Никого важного.

Я в ужасе нажала кнопку выключения.

Была ли я настолько жалкой, что смогла забыть, как мне публично разбили сердце так просто? Одного взгляда на него было достаточно, чтобы забыть о своём достоинстве и задыхаться от нужды?

Год прошёл с тех пор, как кто-то трогал меня также умело. Джаксон знал моё тело лучше чем я сама, правильное сочетание грубости и нежности, то, как я разлеталась на кусочки, когда он был внутри меня. Толчки от оргазма, который он подарил мне, всё ещё отдавались в моей спине, оставляя меня расслабленной и бездыханной, совокупность полного удовлетворения и ненасытного желания большего. Я снова его хотела и не могла этого отрицать. Я никогда не смогу не хотеть его, будь прокляты мои гордость и достоинство. Я хотела того, что он давал мне: то тугий комочек тепла, собиравшийся в моей груди, прежде чем взорваться фейерверком по коже. Я жаждала его, как шоколадку. Не, нечто более опасное. Героин?

Да. Я была Джаксоманкой. Я хотела его всё время, пока ненавидела, и теперь, когда я его вкусила, я хотела его ещё больше.

И кто сказал, что я не могу его иметь?

Эта мысль заставила меня выпрямиться в кровати. Кто сказал? Здесь нет правила, говорящего, что я не могу наслаждаться жизнью, пока нахожусь здесь. Через десять дней наш родители поженятся, я снова вернусь домой, всё будет так, словно ничего не было.

Я могу получить его, восполнить удовольствие и затем разделаться с ним навсегда.

Небольшой романчик как в старые добрые времена. Немного мести за то, что он думал, будто может отодвинуть меня в сторонку.

Маленькая рациональная часть меня протестующе вопила, что это всё было очень плохой идеей, но желание перекрыло его. Сейчас я уже взрослая женщина, старше и мудрее после разбитого сердца. Я заслуживаю чего-нибудь легкого и случайного с горячим парнем, который знает, в чём нуждается моё тело. Бессмысленный секс, которым ежедневно наслаждаются миллионы людей. Это всё, что нужно.

Это ничего не будет значить.

Всё хорошо. Я не делаю ничего плохого.

Всё будет хорошо.

Глава 20.

Джакс.

Зелёная комната пахла старыми сигаретами. Призраки всех групп, остававшихся здесь, нервно убивающих время перед концертом. Курение отвратительно влияло на мой голос, но, когда Жаб протянул мне пачку, я с благодарностью взял сигаретку.

Я нервничал не из-за концерта, проговаривал я про себя. Я нервничал из-за того, кто собирался прийти сегодня.

Лилиана сказала, что придёт, и я знал, что она сдержит слово. Она никогда не подводила меня, и я не могу представить, что она поступит так сейчас. Не после того ошарашенного взгляда после моего приглашения.

Я глубоко вдохнул, остро ощущая обжигающий дым, наполняющий лёгкие и надеясь, что это поможет оттолкнуть воспоминания о том, как она кончает вокруг моих пальцев. Я начал заталкивать эти мысли куда подальше, иначе никак не смогу сфокусироваться на сцене.

Когда она оставила меня, все покатило к чертям очень быстро, и Энни связалась со своим высокооплачиваемым терапевтом, прежде чем я закачу скандал. Как и ожидалось, это была напрасная трата времени для всех нас. Бла, бла, моя мать была не адекватной матерью, и еще больше херни — но я определенно точно запомнил одну вещь: мне необходимо все исправить перед людьми, которых я обидел, если я когда-нибудь захочу почувствовать себя снова хорошо.

Тем вечером я пришёл домой и написал извинение в форме стиха. Тогда я наложил на него музыку. Я заперся в своем номере в отеле на целых три дня, записывая демо. И потом пошёл в коридор.

Грэг Фингерс и Бэш были в люксе, что было абсолютно нормально. Боже, это были они, а не моя мать, потому что если бы она ответила на мой стук, мне бы никогда не осмелился сделать того, что произошло потом.

— Эй, я могу сыграть кое-что для вас?

— Положись на меня, — протянул Грэг своей несвязной речью. Он не был пьян, он просто постоянно так говорил после того как, с его слов: «Курил нечто очень странное».

— Приобщаешься к семейному бизнесу? — Бэш подёргивался от обычно сдерживаемой энергии и от этого я настолько разнервничался, что не ответил ему. Вместо слов я нажал на плэй.

И тогда песня, которая стала «Наглецом» увидела свет.

Она была для Лили, но я до сих пор не знаю, что она думает о ней.

И сегодня я намереваюсь это выяснить.

Шаги эхом отдавались в коридоре под сценой. Жаб и Каспер оторвали свой взгляд от настраиваемых инструментов. Бэнкс облизнул свои пальцы и вытер их о потрепанную тряпку, лежащую на его коленях, а потом размял их. Тэлон нервно топал ногой, отбивая стаккато.

Управляющая сценой просунула свое измученное лицо в дверной проем.

— Ещё пять минут, парни, — она умчалась быстрее, чем мы успели отблагодарить её.

— Отлично, парни, — сказал я, вставая и потягиваясь. Это было наше первое выступление в клубе, первое из многих грядущих. Я чувствовал, что мне следует сказать что-то грандиозное, но всё что вырвалось, — Давайте взорвём крыши этих ублюдков.

— Отлично сказано, — усмехнулся Бэнкс.

Я хлопнул его по плечу.

— Давай, Джульярд. Сегодня ты продемонстрируешь свою задницу, как никогда, и представить себе не мог.

— Черт, да! — Жаб пару раз подпрыгнул на месте, прежде чем побежать по коридору впереди нас.

— Успокойся! — позвал его Каспер. — Никто не хочет видеть твою уродливую басистскую задницу! — он сильно хлопнул меня по спине. — Ты готов? — спросил он с неожиданной серьезностью.

Я сжал кулаки. Все пришли сюда, чтобы увидеть меня. Да, конечно, может им было интересно узнать о моей маме, но они заплатили, чтобы услышать, как я пою, и именно это я собираюсь сделать.

И Лилиана была здесь, чтобы увидеть меня.

Я кивнул.

— Чертовски готов. Вперёд.

Музыка в стиле хаус стихла и свет погас. Я выглянул из-за кулис и увидел, что весь клуб освещён синим цветом, моим фирменным. Тэлон кивнул и прошёл к барабанной установке под дикие аплодисменты. Я ухмыльнулся и слегка подтолкнул Каспера вперёд и он, Жаб и Бэнкс вышли друг за другом и взяли свои инструменты.

Я отпрянул в ожидании и прислушался к толпе.

— Джакс! Джакс! Джакс!

Блядь, они кричали *моё* имя. Я видел всё это прежде, ожидая за кулисами во время маминых концертов, слушая лесть толпы, пока они кричали для неё, но сегодня все аплодисменты принадлежали мне.

Тэлон отсчитал бит и тяжелые басы «Наглеца» донеслись из динамиков. Толпа замешкалась, словно один огромный зверь вдыхающий воздух.

Тогда я вышел на сцену, и толпа взорвалась.

Я чувствовал, как ритм пронёсся через меня и слова вырвались быстро и реалистично. Будто я был рождён для этого. *И, черт возьми, я был рожден для этого.*

— *Все правильно... детка...* — я держал ноту чуть дольше, пока парни набирали темп, стробоскопы мигали вокруг нас прежде, чем мы синхронно соединились в песню, которая прославила меня. Песня, которую я написал тайно — для единственной девушки, которую я когда-либо любил — теперь же принадлежит всем.

Я поднял голову, чтобы разглядеть её в толпе, но свет ослепил меня, и я понятия не имел, где она должна быть. Я только надеялся, что она была где-то там, наблюдала за мной и слушала, как я пою специально для неё.

Глава 21.

Лилиана.

Помните, я сказала, что вечно опаздываю?

Я никак не ожидала, что усну. Но мой внезапный порыв ясности был всем, что нужно, чтобы наконец-то закрыть глаза и уснуть после моего прилета и сбитого суточного ритма.

Когда я проснулась, я была отдохнувшей и посвежевшей. И реально, чёрт возьми, опаздывала на концерт Джакса.

Я вызывала такси, пока надевала наряд максимально приближенный к дресс-коду клуба — мягкая трикотажная футболка, поверх накинутая яркая фиолетовая неоновая безрукавка

вместе с парой джинсов с блестяшками на заднице. Моя версия клубного наряда. Я обдумывала, надеть ли мне каблуки или нет, но я взяла только одну пару туфель, в которых планировала идти на свадьбу, и, зная моё везение, я бы сломала их до этого. Пары балеток будет достаточно.

Кроме того, Джакс обожал, когда я была маленькой. Я ухмыльнулась своему отражению, когда представила, как он будет выражать свою признательность.

Это ничего не значит.

Когда таксист довёз меня, я думала, что он перепутал адрес. Джакс сказал «клуб», так что я ожидала чего-то маленького и уютного. Чего-то, где я могла посидеть и попить вино, пока он поёт мне.

Это место было совершенно противоположным.

Доносившаяся из открывшихся дверей музыка была настолько громкой, что я замерла.

Он пел «Наглеца». Прямо сейчас.

Я немного притормозила, проведя пальцами по осыпающейся шпукатурке. Имеет ли это дело ко мне? Была ли я расстроена? Было что-то ещё, маленький шарик боли в груди, что всё ещё болезненно кровоточил. Но мне надо двигаться дальше, не так ли?

Это ничего не значит.

Я просто подожду здесь, пока песня не закончится, и тогда войду внутрь. Джакс никогда не был разумным.

Слава богу, я не могла слышать слова песни, так что я могла свободно попрыгать на ногах под заразительный бит. Я почувствовала маленький всплеск гордости, пока смотрела, как две высокие блондиночки поспешили к входу, раздраженные что пропустили «нашу песню».

— Боже, он просто горяч, — пропела одна, когда вышибала сердито оглядел её паспорт.

— Ты можешь представить себя девушкой, которой он это написал?

— Она, скорее всего и понятия не имеет, как ей повезло.

— А ты можешь представить, насколько он великолепен в постели? — они захихикали вместе, прежде чем войти внутрь.

Да, я могу.

Я шагнула к вышибале, который был настолько же широким, как и высоким.

— Лилиана Несбит! — выкрикнула я. — Я должна быть в списке.

Он выгнул одну бровь.

— Вы в VIP-секторе, мисс, — прогремел он почтительно. — Пройдёмте со мной.

Я шла за ним в тёмную, дикую толпу в клубе. Нависающие балконы загораживали вид на сцену, но я хорошо разглядела тех двух блондинок, выкрикивающих имя Джакса.

Он провёл меня через лабиринты лестниц, пока внезапно не оказался в приватной комнате. Той, из которой идеальный вид на сцену ниже.

— Святое дерьмо, — выдохнула я, но мой голос потонул в грохоте аплодисментов, пока барабанщик отстукивал интро следующей песни.

В этот момент, мир будто сузился в маленькую точку, достаточную для меня, чтобы разглядеть его. Джакс передвигался по сцене плавно и опасно, как дикая кошка, прежде чем низко присесть и начать петь.

Я схватилась за перила, чтобы не свалиться с балкона. Он был просто поразительным, по влиянию природы. Он управлял толпой как инструментом, играя нашими эмоциями, также умело, как и гитарой. Мы двигались, когда он говорил нам двигаться, мы кричали,

когда он говорил нам кричать, и когда всё закончилось, я наравне со всеми выкрикивала его имя, и я была бездыханной и отчаявшейся точно так же, как когда он прижимал меня к стене.

Последняя песня на бис всё ещё звучала в моих ушах, когда я кинулась обратно к лестничным пролётам и проталкивалась сквозь людей около дальней стены. Клаустрофобия сковала меня, пока я преодолевала путь рядом со стеной по направлению к переднему клубу.

Джакс был там, присев на сцене, цепляясь за руки, которые тянулись к нему, хотели кусочек его, хотели всего, что он мог им дать и даже большего. Я толкалась так сильно, как могла, прокладывая себе путь через маленькие пространства, которые никто не заполнил, пока я не оказалась прямо у ворот.

— Джакс! — выкрикнула я.

Он развернулся на звук моего голоса. Я отчаянно замахала рукой. Он кивнул в сторону секьюрити, и я внезапно оказалась за преградой.

— Джакс! — позвала я снова.

— Спасибо вам и доброй ночи! — произнёс он в микрофон, затем указал в сторону кабинки. Свет в здании включили, и я могла, наконец, разглядеть его.

Когда он посмотрел на меня, я поняла, что означало быть пожираемой взглядом. От этого тёмного голода в его глазах моя кожа начала гореть, и я знала, что он видит то же самое в моих глазах. От одного вида его, выступающего на сцене, в моём животе пронеслась буря желаний.

Я поёжилась. Мы были на обозрении у расходящейся толпы, секьюрити и его группы. Уверена, он не был настолько безрассудным...

— Ты была здесь всё время? — спросил он. Было какое-то напряжение в его голосе, которое говорило мне, что этот вопрос более важным, чем кажется.

— Да, — солгала я. *Одна песня. Это так важно?*

Он нуждался именно в этом ответе, чтобы пересечь пространство между нами в два прыжка. Я вздрогнула, когда он притянул меня к себе, и мы развернулись, прижимаясь к маленькой серой стене, ведущей под сцену.

Он вёл нас через ряды такелажей, пока мы не попали в бетонный коридор, который, должно быть, ведёт вдоль кулис. Я бывала в таких местах миллион раз раньше, но никогда не была таким образом. Никогда, с Джексоном — таким отчаянным, диким и *одержимым*.

— Выметайтесь нахер отсюда, — он зарычал на людей в зелёной комнате. Жар вспыхнул румянцем на моих щеках, и я уставилась в пол, пока группа, не сказав ни слова, прошла мимо нас. Безрассудно или нет, но это дикий риск быть пойманными...

Он закрыл дверь за нами, и я была больше не способна думать.

— Я целый год ждал, чтобы спеть тебе, — он прислонился к дверному проёму и закинул голову назад. Всё его тело, кажется, расслабилось, но я не могла понять почему.

— Ты и впрямь был хорош, — сказала я ему.

— Тебе понравилось?

Его глаза были невероятно голубыми.

— Я влюбилась в это, — я улыбнулась ему.

— Вот чёрт, Бит, — он протянул свою руку и, поймав меня за запястье, притянул к себе. — Я так рад, — произнёс он, дотрагиваясь до моего лица и приподнимая его к своему. — Я так чертовски рад слышать это.

Теперь, когда мы были внутри этой маленькой комнатки, с несколькими

разбросанными диванами, складным столиком, поставленным завхозом и запахом сигарет из прошлого, витавшим в воздухе, а те дорогие ароматы, что подтолкнули меня к нему, начали исчезать. Когда ты решаешь, лежа в кровати, что будешь использовать его ради секса — это одно. Но совсем другое, стоять перед ним, наблюдая за тенью желания на его лице, которое возникло после того, как он закрыл дверь.

— И я очень рад, что ты пришла, — сказал он томно.

Я чувствовала, будто не могу больше дышать. Крадущийся, дикий зверь со сцены загнал меня в угол и, похоже, хочет съесть меня всю.

— Я тоже, — мне удалось выдавить. Мой голос был дрожащим шепотом.

— Я скучал по тебе. Очень сильно, — он был *прямо здесь*, заполнял всю комнату. Казалось, его было намного больше, чем должно быть, но меня пугало отнюдь не это.

Я боялась того, как стремилась поверить ему.

— Я тоже скучала по тебе, — это была чистая правда.

— Чёрт.

И этого было достаточно, только ещё одно гортанное проклятие, но было так много отчаяния и тоски, связанных с этой фразой, что мои колени подогнулись. Он поймал меня, когда я начала оседать напротив него, и грубо обхватил мой затылок своими руками.

— Я хочу тебя и мне надо услышать, что я могу обладать тобой.

Мурашки пронеслись по моей спине.

— Ты можешь обладать мной, — сказала я, не подозревая, что он вёл нас, пока я не упёрлась спиной в складной столик.

— Скажи, как ты этого хочешь, Лилиана, — он подчёркивал каждое слово огненным поцелуем в шею, каждый раз спускаясь все ниже и ниже. — Ты хочешь этого нежно и ласково? Я могу быть нежным ради тебя, ты же знаешь. Если это то, чего ты хочешь.

Я сильно прикусила губу, чтобы сдержать стон, когда он поднял меня, посадил на стол и наклонил назад. Жёсткий металлический стол был холодным под моими ладонями и ещё холоднее, когда Джакс задрал мою футболку и скользнул языком вокруг моего пупка. Огонь, что загорелся, когда я наблюдала за ним на сцене, вспыхнул сильнее, сжигая остатки моего рационального мышления.

— Нет, — сказала я ему, захватывая в кулак его голубые волосы и притягивая его ближе к своим губам. — Я хочу тебя *жёстко*...

Он утвердительно прорычал в мою шею, опуская свои ладони вниз по моим рукам, переплетая свои пальцы с моими, прежде чем поднять обе мои руки над головой.

— Тогда ты это получишь, Бит, — он с легкостью зафиксировал мои руки одной своей сильной рукой. Оставив поцелуй на моих губах, он опустил вторую руку и дёрнул мою футболку, обнажая живот. Его глаза скользили по моей коже, фокусируясь на моих грудях.

— Они всегда были моими любимыми, — прохрипел он, ловко пробираясь под одежду. — Думаю, мне надо начать с них.

Я выгнулась к нему навстречу, позволяя ему стащить с меня одежду через голову, прежде чем прижаться ко мне.

— Да, — я просила его, пока он прокладывал дорожку засосов от левой ключицы к моей груди. Я знала, что он оставит следы на мне, но было как-то пофиг. Я хотела, чтобы это было реально и немного больно. Я хотела, чтобы следы укусов остались на моей коже, когда я буду уходить отсюда с осознанием того, что всё это на самом деле произошло.

Джакс бормотал в мою кожу: грязные ругательства вперемешку с обещаниями

большого.

— ... чертовски прекрасна, ты в курсе? — его язык кружил над моим соском, прикусывая зубами чувствительную кожу. — ... лучше бы тебе знать это. Ещё лучше, ммм, восхищайся этим телом в зеркале каждый чёртов день. — Я снова выгнулась, чувствуя, как огонь собрался в нижней части позвоночника. — ... Чёрт, даа, правильно, я хочу слышать тебя... — я прикусила губу, — ... и даже не вздумай сдерживаться со мной. Говори же. Скажи, как хорошо это чувствуется.

Он спустил свою руку вниз по моему животу и расстегнул джинсы. Когда его рука скользнула к холмику между моих ног, стон вырвался из моего горла.

— ... снова, Лили. Святое дерьмо, как бы я хотел видеть твоё лицо сейчас. Я бы, блять, даже фото сделал, если бы не боялся, что кто-то другой может увидеть тебя такой. Я не поделюсь таким, чёрт подери. Я собираюсь попробовать тебя, готова? Я хочу, чтобы ты кончила на моём лице. Я хочу почувствовать, как ты выходишь из-под контроля вокруг моих пальцев, прежде чем затрахать тебя до беспамятства. Хорошо ли это звучит для моей Бит?

Всё то время, пока он говорил, он параллельно нажимал и потирал своей ладонью между моих ног. Он даже не потрудился снять с меня трусики, но я могу почувствовать, как оргазм нарастает. Тепло медленно покидало мои конечности, пока не остались только напряженные нервы, сфокусированные на ощущениях.

— Больше, Джакс, — сказала я ему. Я хотела, чтобы это прозвучало сексуально, но вышло больше как мольба. — Дай мне больше.

— Черт возьми, ты слышишь, как ты потрясающе звучишь? — он сдёрнул мои трусики прежде, чем я могла попросить его, да я бы и не смогла, когда его рот оказался на мне. — Я хочу, чтобы ты..., его слова растворились в невнятной бормотании, еле слышимых «мммм» от экстаза, когда он зажал мой клитор между своих губ и начал посасывать. Скользнув своим толстым пальцем в меня, я почувствовала, как отчаянно я сжалась. Попеременно между толчками и посасыванием, он подводил меня всё ближе и ближе к краю здравомыслия. Я потянулась в поисках поддержки, чтобы ухватиться и удержаться от падения, сильного падения в пропасть.

Я оказалась на краю стола, когда мой мир раскололся. Из глубины моего живота, ноющий шарик покатился наружу и медленно поглотил всё, пока внезапно не лопнул.

— Чееерт! — я кричала, пока дрожала так сильно, что стол шатался подо мной, и меня даже не волновало, если вдруг кто услышит, или увидит, если бы кто-нибудь знал, как дико было для меня поверить, что это ничего не значит.

Потому что краем глаза я видела, как он смотрит на меня. Он был сфокусирован полностью на мне, его губы раскрыты, глаза широко раскрыты.

— Боже, Бит, ты сдерживалась при мне раньше.

— Не-а, — протестовала я слабо.

— Да. Сдерживалась, — он ухмыльнулся, его губы блестели, покрытые мной. — И теперь, когда я знаю реальное положение вещей... — его голос снова затих, пока он поднялся и снял свою футболку через голову.

... это ничего не значит.

Чем больше я держалась за эту мысль, тем быстрее она ускользала. Я потянулась за ней, адски стараясь помнить, что это было не более чем последним развлечением перед свадьбой, но, когда рот Джакса снова накрыл мой, все мысли просто улетучились, включая и эту. Вместо этого, мою голову заполнили мысли о нём: как он чувствовался под моими

руками, его кожа была такой тёплой, почти обжигающей. Как билось его сердце под моими пальцами, пока я прокладывала дорожку из поцелуев посередине его груди. Как обе наши руки опустились к пряжке его ремня, и он отпустил меня с нетерпеливым мычанием. Как я пыталась взять его в рот сразу, когда он освободился от своих боксеров, но он заключил мое лицо в обе свои ладони и снова поцеловал меня, и внезапно между нами не было никаких барьеров. Я прижалась к нему, стремясь почувствовать каждый дюйм его тела своей кожей.

Помните, я сказала, что вечно опаздываю?

Я никак не ожидала, что усну. Но мой внезапный порыв ясности был всем, что нужно, чтобы наконец-то закрыть глаза и уснуть после моего прилета и сбитого суточного ритма.

Когда я проснулась, я была отдохнувшей и посвежевшей. И реально, чёрт возьми, опаздывала на концерт Джакса.

Я вызывала такси, пока надевала наряд максимально приближенный к дресс-коду клуба — мягкая трикотажная футболка, поверх накинутая яркая фиолетовая неоновая безрукавка вместе с парой джинсов с блестяшками на заднице. Моя версия клубного наряда. Я обдумывала, надеть ли мне каблуки или нет, но я взяла только одну пару туфель, в которых планировала идти на свадьбу, и, зная моё везение, я бы сломала их до этого. Пары балеток будет достаточно.

Кроме того, Джакс обожал, когда я была маленькой. Я ухмыльнулась своему отражению, когда представила, как он будет выражать свою признательность.

Это ничего не значит.

Когда таксист довёз меня, я думала, что он перепутал адрес. Джакс сказал «клуб», так что я ожидала чего-то маленького и уютного. Чего-то, где я могла посидеть и попить вино, пока он поёт мне.

Это место было совершенно противоположным.

Доносившаяся из открывшихся дверей музыка была настолько громкой, что я замерла.

Он пел «Наглеца». Прямо сейчас.

Я немного притормозила, проведя пальцами по осыпающейся штукатурке. Имеет ли это дело ко мне? Была ли я расстроена? Было что-то ещё, маленький шарик боли в груди, что всё ещё болезненно кровоточил. Но мне надо двигаться дальше, не так ли?

Это ничего не значит.

Я просто подожду здесь, пока песня не закончится, и тогда войду внутрь. Джакс никогда не был разумным.

Слава богу, я не могла слышать слова песни, так что я могла свободно попрыгать на ногах под заразительный бит. Я почувствовала маленький всплеск гордости, пока смотрела, как две высокие блондиночки поспешили к входу, раздраженные что пропустили «нашу песню».

— Боже, он просто горяч, — пропела одна, когда вышибала сердито оглядел её паспорт.

— Ты можешь представить себя девушкой, которой он это написал?

— Она, скорее всего и понятия не имеет, как ей повезло.

— А ты можешь представить, насколько он великолепен в постели? — они захихикали вместе, прежде чем войти внутрь.

Да, я могу.

Я шагнула к вышибале, который был настолько же широким, как и высоким.

— Лилиана Несбит! — выкрикнула я. — Я должна быть в списке.

Он выгнул одну бровь.

— Вы в VIP-секторе, мисс, — прогремел он почтительно. — Пройдёмте со мной.

Я шла за ним в тёмную, дикую толпу в клубе. Нависающие балконы загораживали вид на сцену, но я хорошо разглядела тех двух блондинок, выкрикивающих имя Джакса.

Он провёл меня через лабиринты лестниц, пока внезапно не оказался в приватной комнате. Той, из которой идеальный вид на сцену ниже.

— Святое дерьмо, — выдохнула я, но мой голос потонул в грохоте аплодисментов, пока барабанщик отстукивал интро следующей песни.

В этот момент, мир будто сузился в маленькую точку, достаточную для меня, чтобы разглядеть его. Джакс передвигался по сцене плавно и опасно, как дикая кошка, прежде чем низко присесть и начать петь.

Я схватилась за перила, чтобы не свалиться с балкона. Он был просто поразительным, по влиянию природы. Он управлял толпой как инструментом, играя нашими эмоциями, также умело, как и гитарой. Мы двигались, когда он говорил нам двигаться, мы кричали, когда он говорил нам кричать, и когда всё закончилось, я наравне со всеми выкрикивала его имя, и я была бездыханной и отчаявшейся точно так же, как когда он прижимал меня к стене.

Последняя песня на бис всё ещё звучала в моих ушах, когда я кинулась обратно к лестничным пролётам и проталкивалась сквозь людей около дальней стены. Клаустрофобия сковала меня, пока я преодолевала путь рядом со стеной по направлению к переду клуба.

Джакс был там, присев на сцене, цепляясь за руки, которые тянулись к нему, хотели кусочек его, хотели всего, что он мог им дать и даже большего. Я толкалась так сильно, как могла, прокладывая себе путь через маленькие пространства, которые никто не заполнил, пока я не оказалась прямо у ворот.

— Джакс! — выкрикнула я.

Он развернулся на звук моего голоса. Я отчаянно замахала рукой. Он кивнул в сторону секьюрити, и я внезапно оказалась за преградой.

— Джакс! — позвала я снова.

— Спасибо вам и доброй ночи! — произнёс он в микрофон, затем указал в сторону кабинки. Свет в здании включили, и я могла, наконец, разглядеть его.

Когда он посмотрел на меня, я поняла, что означало быть пожираемой взглядом. От этого тёмного голода в его глазах моя кожа начала гореть, и я знала, что он видит то же самое в моих глазах. От одного вида его, выступающего на сцене, в моём животе пронеслась буря желания.

Я поёжилась. Мы были на обозрении у расходящейся толпы, секьюрити и его группы. Уверена, он не был настолько безрассудным...

— Ты была здесь всё время? — спросил он. Было какое-то напряжение в его голосе, которое говорило мне, что этот вопрос более важным, чем кажется.

— Да, — солгала я. *Одна песня. Это так важно?*

Он нуждался именно в этом ответе, чтобы пересечь пространство между нами в два прыжка. Я вздрогнула, когда он притянул меня к себе, и мы развернулись, прижимаясь к маленькой серой стене, ведущей под сцену.

Он вёл нас через ряды такелажей, пока мы не попали в бетонный коридор, который, должно быть, ведёт вдоль кулис. Я бывала в таких местах миллион раз раньше, но никогда не была таким образом. Никогда, с Джексоном — таким отчаянным, диким и *одержимым*.

— Выметайтесь нахер отсюда, — он зарычал на людей в зелёной комнате. Жар

вспыхнул румянцем на моих щеках, и я уставилась в пол, пока группа, не сказав ни слова, прошла мимо нас. Безрассудно или нет, но это дикий риск быть пойманными...

Он закрыл дверь за нами, и я была больше не способна думать.

— Я целый год ждал, чтобы спеть тебе, — он прислонился к дверному проёму и закинул голову назад. Всё его тело, кажется, расслабилось, но я не могла понять почему.

— Ты и впрямь был хорош, — сказала я ему.

— Тебе понравилось?

Его глаза были невероятно голубыми.

— Я влюбилась в это, — я улыбнулась ему.

— Вот чёрт, Бит, — он протянул свою руку и, поймав меня за запястье, притянул к себе. — Я так рад, — произнёс он, дотрагиваясь до моего лица и приподнимая его к своему. — Я так чертовски рад слышать это.

Теперь, когда мы были внутри этой маленькой комнатки, с несколькими разбросанными диванами, складным столиком, поставленным завхозом и запахом сигарет из прошлого, витавшим в воздухе, а те дорогие ароматы, что подтолкнули меня к нему, начали исчезать. Когда ты решаешь, лежа в кровати, что будешь использовать его ради секса — это одно. Но совсем другое, стоять перед ним, наблюдая за тенью желания на его лице, которое возникло после того, как он закрыл дверь.

— И я очень рад, что ты пришла, — сказал он томно.

Я чувствовала, будто не могу больше дышать. Крадущийся, дикий зверь со сцены загнал меня в угол и, похоже, хочет съесть меня всю.

— Я тоже, — мне удалось выдавить. Мой голос был дрожащим шепотом.

— Я скучал по тебе. Очень сильно, — он был *прямо здесь*, заполнял всю комнату. Казалось, его было намного больше, чем должно быть, но меня пугало отнюдь не это.

Я боялась того, как стремилась поверить ему.

— Я тоже скучала по тебе, — это была чистая правда.

— Чёрт.

И этого было достаточно, только ещё одно гортанное проклятие, но было так много отчаяния и тоски, связанных с этой фразой, что мои колени подогнулись. Он поймал меня, когда я начала оседать напротив него, и грубо обхватил мой затылок своими руками.

— Я хочу тебя и мне надо услышать, что я могу обладать тобой.

Мурашки пронеслись по моей спине.

— Ты можешь обладать мной, — сказала я, не подозревая, что он вёл нас, пока я не упёрлась спиной в складной столик.

— Скажи, как ты этого хочешь, Лилиана, — он подчёркивал каждое слово огненным поцелуем в шею, каждый раз спускаясь все ниже и ниже. — Ты хочешь этого нежно и ласково? Я могу быть нежным ради тебя, ты же знаешь. Если это то, чего ты хочешь.

Я сильно прикусила губу, чтобы сдержать стон, когда он поднял меня, посадил на стол и наклонил назад. Жёсткий металлический стол был холодным под моими ладонями и ещё холоднее, когда Джакс задрал мою футболку и скользнул языком вокруг моего пупка. Огонь, что загорелся, когда я наблюдала за ним на сцене, вспыхнул сильнее, сжигая остатки моего рационального мышления.

— Нет, — сказала я ему, захватывая в кулак его голубые волосы и притягивая его ближе к своим губам. — Я хочу тебя *жёстко*...

Он утвердительно прорычал в мою шею, опуская свои ладони вниз по моим рукам,

переплетая свои пальцы с моими, прежде чем поднять обе мои руки над головой.

— Тогда ты это получишь, Бит, — он с легкостью зафиксировал мои руки одной своей сильной рукой. Оставив поцелуй на моих губах, он опустил вторую руку и дёрнул мою футболку, обнажая живот. Его глаза скользили по моей коже, фокусируясь на моих грудях.

— Они всегда были моими любимыми, — прохрипел он, ловко пробираясь под одежду. — Думаю, мне надо начать с них.

Я выгнулась к нему навстречу, позволяя ему стащить с меня одежду через голову, прежде чем прижаться ко мне.

— Да, — я просила его, пока он прокладывал дорожку засосов от левой ключицы к моей груди. Я знала, что он оставит следы на мне, но было как-то пофиг. Я хотела, чтобы это было реально и немного больно. Я хотела, чтобы следы укусов остались на моей коже, когда я буду уходить отсюда с осознанием того, что всё это на самом деле произошло.

Джакс бормотал в мою кожу: грязные ругательства вперемешку с обещаниями большего.

— ... чертовски прекрасна, ты в курсе? — его язык кружил над моим соском, прикусывая зубами чувствительную кожу. — ... лучше бы тебе знать это. Ещё лучше, ммм, восхищайся этим телом в зеркале каждый чёртов день. — Я снова выгнулась, чувствуя, как огонь собрался в нижней части позвоночника. — ... Чёрт, даа, правильно, я хочу слышать тебя... — я прикусила губу, — ... и даже не вздумай сдерживаться со мной. Говори же. Скажи, как хорошо это чувствуется.

Он спустил свою руку вниз по моему животу и расстегнул джинсы. Когда его рука скользнула к холмику между моих ног, стон вырвался из моего горла.

— ... снова, Лили. Святое дерьмо, как бы я хотел видеть твоё лицо сейчас. Я бы, блять, даже фото сделал, если бы не боялся, что кто-то другой может увидеть тебя такой. Я не поделюсь таким, чёрт подери. Я собираюсь попробовать тебя, готова? Я хочу, чтобы ты кончила на моём лице. Я хочу почувствовать, как ты выходишь из-под контроля вокруг моих пальцев, прежде чем затрахать тебя до беспамьтства. Хорошо ли это звучит для моей Бит?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Всё то время, пока он говорил, он параллельно нажимал и потирал своей ладонью между моих ног. Он даже не потрудился снять с меня трусики, но я могу почувствовать, как оргазм нарастает. Тепло медленно покидало мои конечности, пока не остались только напряженные нервы, сфокусированные на ощущениях.

— Больше, Джакс, — сказала я ему. Я хотела, чтобы это прозвучало сексуально, но вышло больше как мольба. — Дай мне больше.

— Черт возьми, ты слышишь, как ты потрясающе звучишь? — он сдёрнул мои трусики прежде, чем я могла попросить его, да я бы и не смогла, когда его рот оказался на мне. — Я хочу, чтобы ты..., его слова растворились в невнятном бормотании, еле слышимых «мммм» от экстаза, когда он зажал мой клитор между своих губ и начал посасывать. Скользнув своим толстым пальцем в меня, я почувствовала, как отчаянно я сжалась. Попеременно между толчками и посасыванием, он подводил меня всё ближе и ближе к краю здравомыслия. Я потянулась в поисках поддержки, чтобы ухватиться и удержаться от падения, сильного падения в пропасть.

Я оказалась на краю стола, когда мой мир раскололся. Из глубины моего живота, ноющий шарик покатился наружу и медленно поглотил всё, пока внезапно не лопнул.

— Чеееерт! — я кричала, пока дрожала так сильно, что стол шатался подо мной, и меня

даже не волновало, если вдруг кто услышит, или увидит, если бы кто-нибудь знал, как дико было для меня поверить, что это ничего не значит.

Потому что краем глаза я видела, как он смотрит на меня. Он был сфокусирован полностью на мне, его губы раскрыты, глаза широко раскрыты.

— Боже, Бит, ты сдерживалась при мне раньше.

— Не-а, — протестовала я слабо.

— Да. Сдерживалась, — он ухмыльнулся, его губы блестели, покрытые мной. — И теперь, когда я знаю реальное положение вещей... — его голос снова затих, пока он поднялся и снял свою футболку через голову.

... это ничего не значит.

Чем больше я держалась за эту мысль, тем быстрее она ускользала. Я потянулась за ней, адски стараясь помнить, что это было не более чем последним развлечением перед свадьбой, но, когда рот Джакса снова накрыл мой, все мысли просто улетучились, включая и эту. Вместо этого, мою голову заполнили мысли о нём: как он чувствовался под моими руками, его кожа была такой тёплой, почти обжигающей. Как билось его сердце под моими пальцами, пока я прокладывала дорожку из поцелуев посередине его груди. Как обе наши руки опустились к пряжке его ремня, и он отпустил меня с нетерпеливым мычанием. Как я пыталась взять его в рот сразу, когда он освободился от своих боксеров, но он заключил мое лицо в обе свои ладони и снова поцеловал меня, и внезапно между нами не было никаких барьеров. Я прижалась к нему, стремясь почувствовать каждый дюйм его тела своей кожей.

Глава 22.

Джакс.

Рай — это когда Лили рассыпается на кусочки подо мной.

Облегчение, наполнившее моё тело, было почти таким же сильным, как и удовольствие. Она услышала меня. Она ответила моими же словами, и я *знал*, я знал, что был прощен.

«Ты наглый засранец». «Так точно детка». Это были слова, что мы сказали тем утром, когда она обнаружила меня распластавшимся между двумя блондинками, которые обе были намного старше меня, я был пьян в стельку от виски и от собственного нарциссизма. Эти слова так долго отдавались эхом в моей голове, что я вписал их в песню, созданную для Лил.

Я ожидал от неё хоть какой-то реакции, может, сказала бы мне, что это значит, для неё или что она думает о песне. Ходить вокруг да около — этого было совершенно не похоже на Лили. Но когда она подколола меня этими словами, я знал, что она наконец-то услышала меня. Она услышала мои извинения в песне и теперь все между нами будет так, как и должно...

С широко раскрытыми глазами, сфокусированными на мне, пока я наблюдал, как она рассыпается подо мной.

Я видел *все*. Я не смогу забыть этого всю гребаную вечность. То, как расширились её глаза, прежде чем она их неожиданно закрыла, будто этого всего было слишком много, чтобы выдержать. Мне бы хотелось попасть ещё глубже. Я хотел дать ей больше, намного больше, чем давал. И она, чёрт возьми, заслужила всё это и даже больше. Так что я толкал её сильнее, выше, до пределов моей выносливости, и наградой мне послужило её крошечное тело, сжимающее меня и её идеальные губы, выкрикивающие моё имя снова и снова. Я чувствовал, как мой собственный оргазм накатил на меня, раскаленный и обжигающий, но я не хотел останавливаться. Я продолжал двигаться как одержимый.

Я был одержим.

Звонящая тишина стояла в ушах, пока я медленно возвращался в реальность. Лили пялилась на меня с широко раскрытыми глазами. Её прекрасное тело было гладким и блестящим. Я наклонился губами к её шее и попробовал соль на коже.

— Ты в порядке? — спросил я. Мне надо было знать.

Она сжала мою спину своими неровными, обкусанными ногтями.

— Я в норме, — произнесла она, уткнувшись в мою шею. Затем слегка дернулась. Я отстранился и увидел, что Лил смеётся.

— В этом есть что-то забавное, Бит? — проворчал я, дразня её.

— Я не... — она вытерла свои глаза. — Я в порядке.

— Прозвучало как-то расстроено.

— Так и есть. Я только что трахнулась со своим сводным братом на складном столике. Думаю, это все объясняет.

Ледяное напряжение защемило сердце.

— Пока не, — буркнул я. Быть вдали от неё самое трудное, что я когда-либо делал. Я боялся того, что случится, и я не смогу больше прикасаться к ней. — У нас есть...

— Целых девять дней, — ответила она. В её голосе прозвучала печаль? Я не мог сказать точно.

— Технически, пока десять, — подправил я ее, смотря на настенные часы.

— Да, но завтра...

— Так давай оттянем наступление завтрашнего дня.

— Как это вообще сработает?

Я натянул джинсы и повернулся к полке с зеркалами, хватая бумажное полотенце. Она с благодарностью его приняла, проводя по своему бедру.

— Умойся и пошли со мной.

Она взметнула голову вверх.

— С тобой? — её глаза чуть не вывалились из орбит.

— Да, Бит, — ответил небрежно. Я знал, о чём она думает. В то время, когда мы были вместе, мы всегда прятались. Мы были осторожны, и никто не видел нас как пару. Но сейчас, после такого? Я нуждался в этом. Мне надо взять её, и представить её своей. Это было тупо и безрассудно, и возможно повлечет за собой ужасные последствия, но сейчас я уже привык к этому. — Там афтепати. Пойдем со мной. Будь моей девушкой.

Я всегда любил, какой незамысловатой была Лили. Она не могла врать — она была открытой книгой, а все её мысли были написаны на лице. Именно это делало её особенной в моём мире, и поэтому я всегда дорожил её реакцией. Но сейчас, я мог бы сказать, что она стала менее предсказуемой.

Её рот открывался и закрывался, затем она вздрогнула моментально от кончиков босых ног до плеч. Беспокойство, ужас и нечто, что я не мог определить, промелькнуло на её лице. И тогда она внезапно... *закрылась*.

— Да, конечно! — сказала она радостно, но это ложь. Все не так.

— Отлично, — я улыбнулся, но это ощущалось, словно я натянул очередную маску. Что за чертовщина только что произошла? Сначала она смотрела на меня с вселенским доверием, а через секунду полностью отстранилась. Я сжал кулаки и впервые, после того момента как увидел её в зале, отвернулся от неё.

Я неправильно её прочитал? Может она волновалась, что нас увидят вместе из-за новой родственной связи. Нет, вряд ли. С уверенностью могу сказать. Она не парилась, когда я

попросил её пойти со мной. Она испугалась, когда я попросил её быть моей девушкой.

Ей было стыдно находиться рядом со мной?

Лёд в моих венах внезапно заменила раскаленная ярость. Одно дело, если бы это было еще год назад, и я был по-прежнему тупым, самоуверенным пацаном, полагающимся на родственные связи, чтобы выйти в свет, но она только что видела меня на сцене. Я делал нечто собственное, отдельно от всего дерьма, связанного с моей матерью. Я был, блять сам по себе, музыкантом по собственному праву и она сама в этом убедилась.

И кого вообще ебет это сводное родство? Мы не были связаны, не по крови уж точно, и мы, чёрт возьми, взрослые. Женитьба наших родителей ничего не значит, если хорошенько подумать. И я думал. Постоянно.

Так что, какое ей дело?

Я поцеловал её, пока она собиралась, помог найти потерявшуюся туфлю, пригладил её спутанные волосы за неё, но пока я это делал, ощущал себя роботом. Я пытался вытолкнуть ярость и насладиться ощущениями, когда она прижалась ко мне на заднем сиденье Битера, пока мы ехали в ночи. Но её нерешительное молчание витало в воздухе, словно барьер, который, как я думал, уже упал.

Дом на скале принадлежал Кайле, богатенькой подружке детства Бэнкса, хотя эти двое не могли быть более разными. Должно быть, она следила за нами, потому что она открыла входную дверь, как только мы подъехали, пританцовывая босыми ногами под музыку в своей голове.

— Эй, ребята, — пропела она. — Вечеринка переместилась на пляж.

— Ты готова? — спросил я Лили. Сейчас мы впервые заговорили с тех самых пор, как я попросил её быть моей девушкой.

— Конечно, — сказала она. — Веди, рок-звезда.

Глава 23.

Лилиана.

Я следовала за его широкой спиной, пока мы аккуратно спускались по деревянной лестнице, прикрученной к скале. Лунный свет отражался от спокойной воды, освещающий весь пляж потусторонним голубоватым свечением. Всё, казалось, сравнялось, тени и блики отсутствовали, и моё восприятие глубины исказилось.

За два шага до конца, я зацепилась пяткой за ступеньку и с воплем упала вперед, врезаясь в Джакса.

Он обернулся и поймал меня, прежде чем я бы успела распластаться на земле.

— Ты в порядке? — спросил он, аккуратно выравнивая меня.

Его руки задержались на моих плечах. Мы были одно роста, когда стояли вот так на ступеньках, и луна освещала его затылок так, что его глаза были двумя глубокими омутами.

— Я в норме, — выдохнула я. И дыхание у меня перехватило отнюдь не от падения.

Джакс не кивнул в ответ и не продолжил двигаться. Прижав ладонь к моей щеке, он стоял, а его глаза метались из стороны в сторону, будто он пытался прочесть непонятную книгу.

— Хорошо, — произнёс он и взял меня за руку, ведя по мягкому песку к группе людей, сидевших вокруг костра на берегу. Мелодичные звуки гитары, брэнчание пары аккордов и ленивых арпеджио повеяло в ночи, как и запах древесного дыма, от чего я всегда ностальгирую по детству, которого у меня не было. Я сильнее сжала ладонь Джакса.

Он обернулся без слов, но, кажется, понял, что меня нужно успокоить. Поэтому

подождав, пока я подойду ближе к нему, Джакс притянул меня к себе.

— Их совершенно не ебет кто я, или кто мы такие. У них и своего дерьма полно. Не отстраняйся от меня, Бит, — он остановился. — Но если ты начнешь нервничать, просто дай мне знать и мы уберёмся отсюда. Я просто хочу провести с тобой хотя бы минуту... где никто не наблюдает.

Он снова начал идти, но я стояла как вкопанная от его нежных слов. Я не ожидала этого. Тот момент в коридоре был весёлым, безрассудным и бессмысленным. Джакс, прижимающий меня к стене... был тем самым высокомерным придурком. Тот, кого я старалась презирать. Джакс, которого я хотела ненавидеть, трахнуть и забыть.

Этот Джакс, который обхватывает моё лицо и смотрит мне в глаза, который успокаивает меня вместо ругани... Кто он, чёрт возьми?

Я поёжилась.

— Ты замёрзла, Бит? — спросил Джакс. Не дожидаясь моего ответа, он снял свою кожаную куртку с плеч и обернул вокруг меня. Он отступил, утопая в песке и ухмыляясь мне.

— Я не знал, чего ожидал здесь. Ты выглядишь, будто надела плащ.

Я сильнее обернула крутку вокруг себя.

— Или спальный мешок, — я была окружена его запахом. — Но разве тебе не холодно?

— Ага. Вот почему тебе нужно держаться ближе ко мне. Согревать меня, — он шлепнулся на одно из бревен около огня и притянул меня к себе на колени. — Сюда. Так намного лучше.

Я прижалась спиной к его груди, каждый нерв в моём теле был в боевой готовности. Но Джакс был прав. Несколько человек повернулись в нашу сторону, но наградили нас всего лишь невыразительной, дружелюбной улыбкой, прежде чем вернуться обратно к своей беседе. Я расслабилась в руках Джакса. Он прижался губами к моей шее и затем положил подбородок на плечо.

Костёр на пляже. Это было так... *по-обыденному*, что я почувствовала печаль от того, что у меня этого никогда не было. Нормальные подростки тусуются на пляже с друзьями, в объятиях любящего, обычного парня.

Джакс поцеловал изгиб моей шеи снова, и внезапная ярость вспыхнула в груди.

— Стоп, — сказала я, смещаясь с его колен.

Он сконфуженно посмотрел на меня. Да я и сама была удивлена. Разрастающаяся паника пробежалась по моему позвоночнику.

— Что ты делаешь? — потребовала ответа я.

— Ну, насколько я могу сказать, я целовал твою шею, — ответил он.

— Ага, но почему?

Я могу заметить, как он хмурится в свете костра.

— Ну, в основном, потому что я люблю твою шею.

Я раздраженно махнула ему.

— Ты помнишь тот последний раз, когда мы были на пляже вместе?

Джакс прищурился.

— Конечно помню, — сказал он угрюмо. — Что за вопрос вообще?

Я не знаю. Мне нужно снова ощутить боль. Давлю на больное, вместо того чтобы залечить раны.

— Ты был пьян в стельку. Сказал мне...

— Я сказал тебе, что я чувствую к тебе. Да, — перебил он.

Я прикусила губу, гнев немного поутих. Воспоминания всколыхнули всё внутри меня, что я очень сильно старалась сдерживать в узде.

— Да, — сказала я осторожно. — Ты определенно был пьян, и я подумала...

Он встал на ноги.

— Я имел это в виду, Бит. Всё, — он пробежался пальцами по волосам, пока они не спадали кудрями, которые я хотела пригладить. — Блять, я всё ещё имею это в виду. И никогда не переставал, — он указал мне пальцем в грудь. — Позволь напомнить — это ты сбежала от меня, а не наоборот.

Боль вспыхнула заново.

— Сбежала? Так вот что ты думаешь, я сделала?

— А как бы ты, чёрт побери, это назвала по-другому?

— Двигаться вперёд? — ответила я. Я дёрнула его крутку на плечах и утонула в ней, и поняла, какую ошибку совершила. Всё пахло им. Я дёрнула плечами, скидывая её на песок. Я моментально замёрзла, но я не хотела давать ему повод думать, что нуждаюсь в нём.

— В конце концов, ты двигаешься вперёд сам по себе.

Его рот сначала открылся, затем закрылся, и свет, полыхающий в его глазах с концерта, внезапно погас. Я и не осознавала, что он есть, пока он не исчез.

— И как же ты двигаешься вперед, мм? — спросил он. — Ты всё ещё здесь. Мы всё ещё... — он опустил руку между моих ног, и я оттолкнула его: горячая ярость снова бурлила в венах.

— Я здесь, потому что наши родители женятся, дебил!

Он сжал меня сильнее.

— Нет. Вот здесь, — он махнул рукой в направлении костра, темного океана и песка под ногами. — Ты здесь. Со мной. Ты не продвинулась дальше, как и я. Мы не можем уйти от того, что у нас есть, Лилиана. Ты и есть всё для меня, черт подери.

Я не осознавала, что качаю головой, пока не выплюнула слова в ответ.

— Херня! — я была готова заплакать в любую минуту, и это злило меня. — Как много девушек ты трахал после моего ухода, а? А раньше? Ты знаешь, со сколькими я была? С одним, — я ткнула ему пальцем в грудь. — Поэтому, как ты собираешься сказать что я «всё»?

Я снова толкнула его, но он прихлопнул меня как муху.

— Ты всегда была, — сказал он печально. И затем повернулся обратно к огню.

Глава 24.

Джакс.

Она ушла, судя по звукам. Я слышал, как она поздоровалась с Кайлой и Харлоу, спросила, что они пьют. Стоять здесь у огня, с руками, засунутыми в карманы, сдерживаясь от того, чтоб не ударить что-нибудь, пока я притворяюсь, что не хочу броситься за ней и узнать, что за хуйня произошла: всё это сводит меня с ума.

— Я всё видел, чувак, — я всё ещё старался расслышать, что говорила Лили, поэтому, когда Каспер возник около меня словно бледный призрак, каким он и был, у меня чуть душа в пятки не ушла.

— Блядь! Урод, я скоро заставлю тебя носить колокольчик.

Он ухмыльнулся.

— Я мог взять усилитель и исполнить соло восьмидесятых, и ты всё равно, чёрт подери, не заметил бы, — его улыбка исчезла. — Я никогда не видел раньше, чтобы ты так

выворачивался ради цыпочки.

— Я не выворачивался, — я скривился, убирая руку, прежде чем он попытается меня погладить или ещё что-нибудь сделать. — Она чокнутая. Они все чокнутые.

Каспер провёл рукой по своей лысой голове.

— Я тоже так думал, пока не встретил Харлоу, — он посмотрел на нее влюбленными глазами, и я проследил за его взглядом

Это была ошибка. Лили стояла рядом с ней, её голова откинута назад, пока она дико хохотала. Харлоу что-то произнесла ей на ухо, от чего она выплонула свою выпивку и отсалютовала, подняв свой бокал. Кайла начала крутить бедрами и Лили прыгала на цыпочках, когда незнакомый гитарист поднял акустическую гитару и начал наигрывать знакомую мелодию.

— Эта милашка прямо здесь, — произнес Каспер. Он поднял баночку пива в направлении Харлоу, и она в ответ послала ему воздушный поцелуй. Лили глянула на неё и затем на нас. Сморщив нос, она осушила ещё одну стопку, прежде чем повернуться ко мне спиной и начать танцевать в кругу, двигая своим маленьким телом в странных волнообразных движениях.

— О, вижу, почему она тебе нравится, — хохотнул Каспер.

— Отъебись, — проворчал я. Мне не нравилось, что он видел её такой. Я хотел, чтобы никто не видел эту версию Лили — дикую, сумасбродную версию, которая, как я думал, предназначалась только для меня.

Три девчонки заверещали, когда гитарист поднялся и начал слоняться вокруг них. Я мог разглядеть его взгляд, и он мне так же, блядь, не нравился. Лили снова взвизгнула и подняла свой бокал в направлении гитариста, осушив его. Какой это уже бокал, я сбился со счета. И вдруг мои ноги начали двигаться.

Я подошёл к ней, небрежно помещая своё тело между ней и гитаристом. Выглядела она растеряно из-за того, что она не знала, что сдерживает её от танцев, пока она не увидела мою руку.

— Помедленней, Лилиана, — шиплю я. — Ты не можешь столько пить.

— Да откуда ты, чёрт возьми, знаешь? — произнесла она невнятно, слегка пошатываясь. — Эй, а ты вообще кто такой?

— Лили, остановись.

— Я знаю! Ты тот «Наглец»!

— Заткнись.

— Сынок Энни Блу, ага?

Я стиснул зубы.

— Чёрт подери, Лили, это был удар ниже пояса.

Она усмехнулась и помахала рукой передо мной.

— Да, так же, как и написать песню, высмеивающую твою бывшую.

— Какого хера?

— Bravo! — она подняла бокал и закинула ещё один шот, затем попятилась назад. Я поймал её, когда она начала падать на землю.

— Иисус, Лили. Я не знаю, какого хера ты пытаешься сделать, но это закончится сейчас. Я забираю тебя домой.

— С ней все будет в порядке? — поинтересовалась Харлоу. — Ты знаешь, как доставить её домой?

— Ага, — проворчал я, пока сгребал Лили в свои руки. Она пробормотала что-то в знак протеста, затем ее голова расслабилась на моем плече. — Я знаю, где она живет. Эй, сделай мне одолжение?

— Что тебе надо?

— Сходи и возьми ключи от машины у Каспера. Скажи ему, что я верну их обратно утром.

— Конечно, — Харлоу немного запинаясь на песке и сейчас, я был рад, что мой друг нашёл хорошую девушку.

Кайла стояла и покачивалась.

— Она очень маленькая, — заметила она, словно это было каким-то огромным откровением.

— Да что ты, — проворчал я. Слишком маленькая, чтобы бухать как сапожник. Это было в моей компетенции, а не в её.

— Вот, Джакс, — Харлоу подбежала, запыхавшись, передавая мне ключи. — Он сказал передать тебе, что регистрация не действительна. Не превышай скорости.

— Вот блять. Просто потрясающе. Скажи ему, я заплачу за регистрацию в знак благодарности, — я засунул ключи в карман и поднял Лили на руки. — Меня здесь не было, окей?

— Что? — Кайла выглядел растеряно.

— Ничего. Скоро увидимся, дамы.

— Пока, Джакс! — Кайла подняла руку и бешено помахала над головой, привлекая внимание несколько людей, сидящих у костра. Отлично, больше зрителей. Я не хотел такого представления.

Харлоу пристально наблюдала, пока я шёл по песку к лестнице. Лили была такой легкой в моих руках, как и всегда, но как только я начал подниматься, мои руки начали гореть. Её голова склонилась мне на плечо.

— ... не значит... — пробормотала она, и расслабилась снова.

— Ебаный в рот, Бит, — я поднялся на площадку и нежно опустил её на паркет. Я встал и потянулся. — Какого хера там было?

К моему удивлению, она подняла свою отяжелевшую голову и прищурилась.

— Я просто хотела повеселиться, — ответила невнятно, прежде чем снова отрубиться.

— Вливать в себя столько алкоголя, сколько ты вешишь, точно не способ повеселиться, — бля, когда я успел превратиться в монашку? Я отчитывал её, будто я ее отец. Ну, не совсем. Её отец, скорее всего, присоединился бы к ней и пил бокал за бокалом.

— Не здесь, — проворчала она, поднимая руки и затем уронив их по бокам. — С тобой. Я присел рядом с ней.

— Я тоже веселился с тобой, Лил. Прямо до того момента, когда ты взбесилась на меня. Она не ответила. Я так и согнулся, пережидая и переводя дыхание.

Она нежно сопела.

Я засмеялся. Не смог сдержаться.

— Давай, Бит. Уложим тебя в кроватку.

Глава 25.

Лилиана.

В комнате было слишком жарко и слишком ярко. Я скинула одеяло с моего потного тела и увидела, что одета в свою фиолетовую пижаму.

Я усталилась на неё смущенно. Я ведь определенно точно не надевала её в клуб прошлым вечером. Я вспомнила свой вчерашний наряд, потому что я очень быстро подобрала его. И, я думаю, я выбрала свой любимый фиолетовый топ, когда мы... когда Джакс...

Через минуту я осознала, что тот жалкий стон, который я слышала, принадлежал мне.

Что-то нашло на меня, когда я увидела его на сцене. Что-то дикое и безрассудное и отчаянно нужное. Я хотела, чтобы он трахнул меня, но, когда он сделал это, оно больше ощущалось как... *занятие любовью*.

Я быстро вытолкнула эту мысль из своей раскалывающейся головы и заставила себя подняться. Привкус во рту походил на старый носок, и было сухо как в Сахаре. И тогда я заметила стакан с водой на полке у моей кровати.

Он переделал меня в пижаму, отнёс в кровать и набрал стакан воды, специально, когда я проснулась бы поутру с неизбежной головной болью. Это было... очень мило.

Я взбесилась на Джакса перед компанией его друзей. Не потому что он был мудаком. А потому что он был слишком милым.

Внезапно я ощутила себя самым отвратительным человеком на планете.

Моё решение ненавидеть-трахать его как весёлую, лёгкую интрижку исчезло в дыму от костра. Я слишком много выпила, и он доставил меня домой в безопасности, аккуратно переделал меня, чтобы не разбудить и уложил в кровать. Интрижки такого не делают. Что-то изменилось прошлой ночью. Он изменился.

Я прижала руки к лицу, желая спрятать лицо от дневного света. У меня всё ещё осталось девять дней здесь. Единственное, что я могу сейчас делать, это избегать его до свадьбы и убраться отсюда раньше, чем я нанесу ещё больше вреда. Ему или моей слабенькой воле.

После того, как я прикончила стакан воды, я почувствовала себя немного лучше. Вода булькала в животе, пока я медленно и болезненно одевалась. Я высунула голову в коридор. Его дверь закрыта, но это ещё ничего не значит. Надеюсь, что он где угодно, но только не здесь. Я не могу позволить ему увидеть меня такой. Не тогда, когда я всё ещё чувствую боль между ног с прошлой ночи.

Затем его дверь открылась, и вышел Джакс со стаканом воды в руке. Он замер.

— Оу, ты проснулась, — он был одет, умыт и побрит и его волосы казались заново выкрашенными. Голубой был настолько ярким, что у меня снова разболелась голова.

— Ты снова смотрел, как я сплю? Ох, Боже, Эдвард Каллен, прекращай пугать.

— Кто?

— Ты прикалываешься, да? — я махнула рукой. — Неважно.

— Я просто принес тебе больше воды, псих, — он поставил стакан с водой на прикроватный столик и забрал пустой, прежде чем отступить с поднятыми руками.

Я поспешила захлопнуть дверь за ним и мгновенно пожалела, когда громкий хлопок пронзил мой череп.

— Аай, — простонала я, упав спиной на кровать. — Никогда больше не буду пить.

Джакс засмеялся с другой стороны двери.

— Ты смеешь надо мной? — поинтересовалась я.

— Угу.

— Почему?

— Потому что ведёшь себя глупо. Открой дверь, Лили.

— Не-а.

— У меня есть аспирин...

Я жалко побрела к двери и распахнула её, уставившись на его ноги.

— Отдай его мне.

— Скажи «пожалуйста».

— Серьёзно? Ну и придурок.

— Тогда, я думаю, он не особо тебе нужен.

— Нет. Он мне не нужен. Мне ничего от тебя не нужно.

Он секунду подождал.

— Врунья.

— Нет, — свирепая, напомнила я себе. — Ты просто плохая привычка. Я также легко могу бросить тебя, как и перестала кусать ногти.

Он поднял мою руку и повернул. Я осознавала каждый дюйм соприкосновения его кожи с моей, пока он изучал каждый неровный, недавно откушенный ноготь.

— Угу, — сказал он.

Я отдернула руку и сразу же поместила палец в рот, прежде чем вспомнить и опустить. Я подняла подбородок.

Губы Джакса изогнулись в понимающей улыбке. Он шагнул вперед, так близко, что я могла ощутить, как атомы гудят между нами.

— Во мне всё-таки есть кое-что хорошее, Лил. Я не трус.

Захлопнув перед ним дверь во второй раз было не так хорошо, как в первый. Я ощущала себя, словно признаю его победу.

Я открыла дверь снова совсем скоро, решив больше не прятаться. Я смогу справиться. Здесь были и другие люди помимо Джаксона Блу, и я хотела их найти.

Стучащие звуки вдалеке и весёлые выкрики звучали в доме, пока я шла на кухню и увидела отца, сидящего за островком с кипой схем вокруг него. Очки, которые я впервые увидела на нем, примостились на кончике его нос, пока он смотрел сквозь них и тихо выругался на провода.

— Доброе утро, пап, — сказала я, сползая на стул. Я поспешно оглянулась. Джакса нигде не было видно.

Папа поднял взгляд и наградил меня кривой улыбкой.

— На самом деле день, но неважно.

Я посмотрела на часы. Он прав. Внезапно я ощутила себя лентяйкой.

— Над чем работаешь?

— Оборудование для студии.

— А разве ты не должен готовиться к свадьбе? — я ухмыльнулась ему. — Ты женишься уже очень скоро.

Он махнул рукой.

— Энни со всем разобралась. Честно, ты и вправду думаешь, она куда-то отпустит меня к приближающемуся «большому дню»? Я просто появлюсь в дебильном смокинге и буду молчать.

Я заметила шанс. Способ занять себя и держаться подальше от Джаксона Блу.

— Знаешь, ты позвал меня сюда пораньше, потому что тебе нужна была помощь с планированием свадьбы, а пока, всё, что я делала, это спала и писала. Так тебе надо с чем-нибудь помочь сегодня?

Он снова посмотрел вниз на провода.

— Не, Бит. Просто посиди здесь.

— Серьёзно? Ничего?

Он поморщился.

— Ну, может, с чем-то?

Я наклонилась вперёд, желая отвлечься.

— И с чем же?

— Энни хочет записать наши клятвы и прочее дерьмо, — он снова поморщился, когда ругнулся, но я махнула ему рукой. — Я не хорош со словами. А ты — да. Ты хороша в написании всякой романтической фигни. Я надеюсь, ты сможешь написать мне клятву.

— Оу, пап! — я не смогла сдержаться и взвизгнула.

— Боже, неужели все девушки так похожи? — но он горделиво ухмыльнулся и заправил выбившую прядку волос за ухо.

— Мы можем начать сейчас. Где бумага?

— Серьёзно? Сейчас? — папа с тоской посмотрел на свои провода. — Мне нужно время, не так ли?

— Лайл Чарльз Несбит, ты не будешь писать свою клятву за ночь перед свадьбой. Ты попросил у меня помощи и это моё главное условие.

— Ты очень похожа на свою мать, ты знаешь? — он посмотрел вниз, грусть затмила его грубоватость.

— Приму как комплимент.

— Так и есть. Она была потрясающей женщиной. Я был дерьмовым мужем для неё, но это была не её вина.

Моё сердце ёкнуло. Глаза наполнились слезами, и я быстро посмотрела вниз на клочок бумаги, который он положил передо мной.

— Всегда есть место для второго шанса, пап, — сказала я. Слова эхом отдавались в моей голове даже после того, как я их произнесла, повисая в воздухе как последний аккорд грустной и печальной баллады.

— Ты и вправду в это веришь? — спросил папа.

Я накрыла его руку своей.

— Да.

— Я тоже, — обратился Джакс с порога.

Глава 26.

Джакс.

Бит подпрыгнула на добрую милю и кончики её ушей покраснели. Попалась, подумал я про себя. *В этот раз нет двери, чтобы спрятаться, Бит.*

— И как долго ты там стоишь? — запнулась она.

— Достаточно долго, чтобы услышать, что старику нужна помощь, — я отодвинул стул от стола и закинул на него ногу. — Знаешь, мне больно, что ты не попросил помощи у меня.

— Да? Не думал, что тебе интересно, — Наилс посмотрел на меня из-под своих чертовски волосатых бровей. У стилиста, которого нанял лейбл для группы, был бы инфаркт от этих гусениц.

Я откинулся на стуле. Лили уставилась на меня убийственным взглядом и, по правде говоря, я сам был настроен на ссору. *Мы собираемся обсудить пляжную вечеринку, и что за чертовщина там произошла. Так или иначе, Бит. И так будет даже забавней.*

— Это моя мама выходит за тебя, старый ублюдок. Она, конечно, чокнутая, но я всё ещё хочу, чтобы ты относился к ней правильно.

Наилс тоже откинулся, сознательно пародируя мою позу.

— А разве я уже это не делаю?

Мне пришлось согласиться с этим.

— По-своему, старик.

Неужели Наилс Несбит только что посмотрел на меня... с нежностью? Я бросил взгляд на Лили и мог заметить, что она тоже это видела. Я кивнул в её направлении.

— Эй, Бит, просыпайся, у нас здесь мозговой штурм. Как на счёт этого, Наилс? Почему бы не сказать что-то вроде, как ты будешь сюсюкаться с ней, если она напьётся?

Лили изумленно уставилась на меня.

— Слышала, Бит? — прессовал её я. — Я всегда уложу тебя, если вдруг ты напьёшься. Запиши.

Нечто, похожее на огонь, вспыхнуло в её глазах. О, это повлияло на тебя, хех? У меня еще кое-что есть. Я наклонился, готовясь.

Она чопорно выпрямилась в кресле и что-то записала в свой блокнот.

— Окей, записала. А как на счёт этого, пап? Ты должен сказать что-то про верность. К сведенью, это — самая главная клятва, которую ты должен исполнить, когда ты любишь кого-то. Это должно быть первым. Имеет смысл, да?

Я влез раньше, чем Наилс успел ответить.

— Ты должен сказать, что никогда не испугаешься извиниться.

— И ты всегда первым делом пойдешь к ней со всеми проблемами, а не делишься ими с прессой, — ответила Лили.

— Нафига мне вообще это делать? — буркнул Наилс.

Я уставился на Лили. Её дыхание было рваным, и я знал, она едва ли замечала отца в комнате. Я знал, что ей насрать, что он мог услышать.

— Тебе надо упомянуть, как ты вытатуировал её имя на своём сердце.

Лили выглядела испугано, а Наилс растеряно.

— Да?

Я не посмотрел на него. Я был слишком занят, рассматривая на Лили.

— Это метафора, — я замолчал.

— Может, я сделаю это на самом деле, — размышлял Наилс.

— Да, ты определенно должен. Девушки обычно ведутся на такую демонстрацию любви, — я намерено сделал паузу. — Хотя, я думаю, это всё же зависит от девушки.

— Говоришь, будто из собственного опыта, — протянул Наилс.

— Кто, я? — я снова откинулся. — Нее. Мои тату просто картинки. Они ничего для меня не значат, — наглая ложь, но, я думаю, я всё же полный придурок. Этого она и ожидает.

Лили издала болезненный звук, и я сразу захотел забрать свои слова назад.

— Пап, знаешь, может быть, ты должен сказать что-то о сдержанности.

— А? — Наилс растерялся. Я — нет.

— О том, что любовь — это улица с двухсторонним движением и иногда нужно отпустить собственное эго?

Он вздохнул и опустил свои плечи.

— Да, конечно, запиши.

Удар ниже пояса, Лили.

— Тогда и это тоже запиши, Лилиана. «Я торжественно клянусь, что всегда буду слушать слова, которые тебе говорят, а не приходить к собственному, недоделанному выводу».

— Ага, — Лили презрительно усмехнулась. — Я также запишу клятву, что ты никогда её публично не унизишь.

— Ну, может не так, — проворчал Наилс. — Я всегда лажаю на публике.

— Ты стараешься, — проскрежетала она, уставившись на меня.

— Конечно, — Наилс нагнулся над кусочком листочка, на котором писала Лили. — Могу сказать, что это очень странные клятвы, дети.

Лили хлопнула ладонью по столу.

— Это начало. Я пойду и напечатаю всё для тебя. Мы сможем отрепетировать клятву в следующие пару дней.

— Я тоже помогу, — произнёс я, вставая на ноги.

— Нет, я сама, — сказала она сдержанно, вырывая листок.

Но мои руки длиннее.

— Я настаиваю, — я забрал его из её рук.

— У меня от вас голова уже болит, — пожаловался Наилс. — Идите и запишите это дерьмо, и оставьте мои глупые старые мозги на эти схемы.

Лили вылетела из комнаты как ракета.

— Эй, Лил, ничего не забыла? — я махнул клочком бумаги. Она подбежала ко мне и выхватила его из моих рук, дергая так сильно, что между моих пальцев остался крошечный оторванный кусочек. Я смеялся, но это был не добрый смех. Это был сдержанный, напряжённый смех на грани какой-то истерики. Она снова отскочила от меня, взлетая по лестнице, но пока она делала один шаг, я делал три и сократил расстояние между нами в кратчайшие сроки. Я схватил её за руку, разворачивая и помещая её в то самое место, где я целовал Лил три дня назад. А чувствовалось, будто прошла вечность.

— Ты хочешь перестать прятаться от меня и рассказать, что за херня произошла на пляже? — зарычал я на неё, сердце колотилось как бешенное.

Она посмотрела на меня, паникующе. На мгновение мне показалось, я достучался до неё. Её рот открылся и закрылся, пока все эмоции в мире мелькали на её лице. Моя хватка ослабла.

— Лили, — умолял я.

Тогда она тряхнула головой и открытая книга её лица захлопнулась.

— Не-а, — сказала она. Она нырнула под мою руку и побежала в свою комнату. И захлопнула дверь перед моим лицом.

Глава 27.

Лилиана.

Я подбежала к своему ноутбуку и бросила его на кровать. Мои пальцы уже печатали даже раньше, чем документ полностью прогрузился.

Я всегда буду верен тебе.

Я буду любить тебя вечно.

Это моя клятва.

Всегда чтить тебя и на публике, и в уединении.

Признавать свои ошибки и стремиться стать лучше.

Любить тебя так, как ты заслуживаешь.

Быть твоим лучшим другом и смешить тебя.

Лелеять твоё тело и твоё удовольствие.

Медленно злиться и быстро прощать.

Никогда не держать обиды и вины, было ли это умышленно или нет.

Всегда уважать твои желания и никогда не игнорировать твою боль.

Быть твоим спутником и в горе, и в радости, и не позволять бедам разлучить нас.

Капля воды упала на клавиатуру, и я посмотрела на неё в изумлении, прежде чем поняла, что это слеза. Я отстранилась и уставилась на текст на экране, на слова, которые лились из меня...

Я писала не клятву для отца. Я писала фантазию. Как и мои книги с идеализированной версией Джаксона, и я писала всё, что я хотела, чтобы он сказал мне.

И всё, что я хотела сказать ему.

Время ускользало, как обычно, когда я была погружена в мир слов. Когда живот заурчал, я посмотрела на садившееся солнце и поняла, что не ела сегодня вообще. Отлипнув от ноутбука, я осознала, что головная боль только ухудшилась и я была в опасной близости от мигрени, если немедленно не запихну в себя какой-нибудь еды.

Дома было странно тихо, когда я вышла. Внизу, фигура, закутанная в платки и звенящие браслеты, ходила по кухне и посмотрела на меня.

— Лилиана, как ты себя чувствуешь? Джекс сказал, у тебя мигрень.

Я моргнула: удивительно, что он солгал для меня.

— Ага. Она всегда выводит меня из строя на несколько дней. Сейчас всё в норме, я просто проголодалась, — произнесла я, оглядываясь. — Всё выглядит просто потрясающе, Энни.

И это правда. Прогнувшуюся, потертую мебель заменили многочисленные предметы, пока не совпадающие, как таковые, но, казалось, уравновешивали друг друга в диссонирующую гармонию, словно каждая нота формирует аккорд. Голые стены были увешаны мягкими гобеленами и яркими картинами, и всё пространство заиграло новыми красками и лаком.

Энни огляделась, не без оттенка гордости во взгляде.

— Ребята хорошо постарались, — сказала она. Она выглядела по-настоящему счастливой и признательной.

Я виновато наклонила голову.

— Было ли что-нибудь, с чем я могла бы тебе помочь?

Энни резко посмотрела на меня, вся мягкость исчезла из ее взгляда.

— Я действительно хотела кое о чём поговорить с тобой. Мне нужно посмотреть на твоё платье.

Мягкая Мать-Земля исчезла, и её место занял пугающий, контролирующий фрик со стальным взглядом. Это была та самая пугающая Энни, к которой я привыкла.

— Ээм, сейчас? Могу ли я хотя бы что-нибудь перекусить сначала?

— Я попрошу Диггса сделать тебе сэндвич. Мне надо разобраться с этим сейчас, пока ещё больше времени не прошло.

— С чем разобраться?

— Цветовая гамма у алтаря. Ты стоишь рядом с отцом...

— Даа?

Она бросила на меня взгляд, проходя к лестнице.

— Конечно. Ты — друг жениха.

— Даа? — я думала, что буду просто присутствовать на свадьбе, а не быть ее частью. —

И что это значит?

— Это значит, что цвет твоего платья не может совпадать с цветами, что я выбрала, — она властно прошла по коридору и толчком распахнула мою дверь. Я нырнула под её руку и успела закрыть свой лэптоп прежде, чем она увидит «клятву», которую я печатала.

— Давай, вытащи его и покажи мне.

Боже, она была пугающей.

— Ну... оно немного мятое...

— Отпарим потом, — отрезала она.

Я вытащила помятую, тёмно-зеленую кучку. Это было моё любимое платье, которое я одевала только один раз. Мне всегда нравилось, как цвет переливался от зелёного к оранжевому, но Энни была в абсолютном ужасе.

— Точно нет.

— Почему?

— Алтарь голубых и серебристых оттенков. А ты там будешь походить на плесень.

— Спасибо большое, Энни.

Она махнула рукой.

— Да не страшно. Пойдешь и найдёшь другое.

— Да? — Энни всегда могла заставить меня почувствовать себя тупым попугаем.

— У меня есть запись в «Бэллами», «Жюстин» и «Палому Вельт», — она уже почти вышла из двери, стараясь приступить к очередной проблеме в её списке. — Зайди в «Жюстин» сначала.

— Подожди!

— Да, Лилиана?

— Ты доверяешь мне? Самой найти платье? То, которое не будет выглядеть... — я выдавила улыбку, — ... как плесень?

Её взгляд немного смягчился.

— Конечно, я тебе доверяю, Лили, — затем она опомнилась. — Я позвоню и попрошу выборку.

— Боже, спасибо, — повторила я, опускаясь на кровать. Я хожу по магазинам по одной причине. Большинство одежды, шитой на женщин, не подходит мне. Я закупалась в детских отделах блузок, футболок и джинсов, а потом просто подгоняла всё под свои изгибы. Поход за платьем был абсолютным кошмаром. — Не могу дождаться.

Диггс тихо постучал в дверь.

— Не можешь дождаться чего? — он держал тарелку. — Слышал, ты проголодалась.

— Божечки, ты только что спас меня от неминуемой смерти, — я набросилась на бутерброд с индейкой, радуясь, что он не забыл пикули.

— Рад, что смог помочь.

— Как всегда, — пробурчала я с набитым ртом. Я с жадностью проглотила и захрустела пикулями. — Ты можешь сделать мне ещё один завтра? Мне нужно набраться сил перед... покупкой платья, — я поморщилась от слов. — Видимо, то которое я выбрала, идёт вразрез с алтарной схемой.

Я думала, что заставлю Диггса посмеяться, но вместо этого он задумался.

— Ну, если она так думает, то, скорее всего, она права. Энни не была бы на вершине, если бы пускала всё на самотек. Она всегда, по крайней мере, на три шага впереди всех нас. Не так много проходит мимо неё.

Моё сердце подскочило, когда он небрежно наклонился и поцеловал меня в щёку, и я была уверена, что он слышал каждый виноватый удар сердца.

Глава 28.

Джакс.

Я не пялился. Я просто следил за процессом.

Ну, это то, что я себе говорил.

Вот так я узнал, что дверь Лилианы была закрыта с прошлой ночи. Было чертовски жалко, правда. Я так напрягал свой слух к каждому шуму из её комнаты. Несколько раз я слышал стук клавиш, и один или два раза, громкий вздох, от которого я вскакивал на ноги и был готов постучать в её дверь. Но каждый раз я трусил, и Лили оставалась взаперти.

Когда наступило утро, а я едва ли успел поспать. Я встал, раздраженный на самого себя и натянул свой тренировочный костюм. Мне надо выбраться к чертовой матери из этого дома.

Энни и Наилс выбирали дом с таким выражением на лицах, будто любое вмешательство выведет их из себя, так что я побежал по извилистой дорожке и срезал через ограду на тропинку, ведущую к пляжу. Легкий спринт поможет мне справиться. Я смогу выкинуть из головы захлопнутую дверь спальни Лили с помощью грубой силы. Ну, или умереть в попытке.

Я бегал до рвотных позывов, но дверь Лили всё ещё закрыта перед моим взором. Сдавшись, я поковылял обратно по тропинке к дому, желая, чтобы сегодня по расписанию была репетиция. Мне надо убраться отсюда, от неё, но каждый раз, когда возникала возможность, я моментально находил повод не идти.

Я собирался остаться здесь, пока девушка не откроет дверь, и хватит притворяться, что это не правда.

Ощущая себя самым жалким, размякшим куском говна во вселенной, я тащил свою задницу по дороге и остановился, когда увидел грузовик у дверей.

— Эй, привет, — крикнул водитель. — Я звонил в звонок, но никого не было дома.

— У нас постоянно кто-нибудь дома, — пробормотал я. — Подожди, — я открыл входную дверь. — Йоу!

— Хули ты орешь? — Красти Пит опустил голову. Диггс наградил меня слабой, плавающей улыбкой и Бэш зарычал.

— Сборище алкашей, — хохотнул я. — Поднимайтесь. Здесь огромный грузовик у двери.

Бэш смачно шлепнул себя ладонью по лицу.

— Вот дерьмо, он уже здесь? — он пробрел к окну, озадаченный мешающими шторами, прежде чем опомниться и сдвинуть их в сторону. — Ну, чтоб меня, просто посмотрите. Почему он не постучал?

— Сказал, что стучал. Вам уже слуховые аппараты необходимы, по ходу.

— Рок-н-ролл сделает это и с тобой, — Грэг Фингерс ухмыльнулся. — Этот шум в ушах полная жопа.

— Сказал, что он звонил в звонок.

— Ну, это его проблемы. Гребаный дверной звонок совпадает со звоном в моих ушах. Я

не могу услышать это дерьмо. Эй! — он распахнул дверь. — Что там у тебя?

Водитель что-то произнес невнятно для меня, но «глухой» Грэг расслышал все превосходно.

— Это пиломатериалы для беседки, — сказал он, поворачиваясь ко мне и оглядывая. — Ты готов к забиванию гвоздей сегодня?

— Кто меня там должен забивать (прим. пер. имя Наилс (Nails) переводится как «гвозди»)? — Наилс пробрел в комнату, почесывая живот.

— Пришло дерево для беседки, Наилс, — пропел Бэш басом. — Нужно построить её сегодня.

— Что это за херня? Не... подождите, — он поднял руки и поморщился. — Энни сказала мне, что это нечто очень важное и я точно в этом разбираюсь.

— Я сказал ей, что ты не слушал, — подколот я.

— Парень, я испоганю всю твою жизнь, — прорычал он и сильнее засмеялся.

Это было хорошо. Я не видел двери Лили последние пять минут. Я уже вспотел, и, по крайней мере, я займу свои руки чем-то полезным, а не буду просто дрочить.

— Я могу помочь, — предложил я.

Все удивленно уставились на меня. Наилс снова бросил мне эту странную, нежную улыбку и я не смог сдержаться, и подколоть его.

— В смысле, я встал с утра с чувством, будто хотел *что-то* побить сегодня. Просто не думал, что это будут гвозди.

Ребята зарычали.

— Это просто не исправить, — Диггс покачал головой.

— Меня уже не исправить, — уверил я их.

— Окей, это как выгрузка, но вместо сцены мы ставим алтарь. Давайте сделаем это! — энтузиазм Бэша был встречен хором стонов и поднятых средних пальцев, но ребята все же смогли поставить себя на ноги. — Черт, пацан, ты задашь сегодня Красти Питу огонька, — произнес мне Бэш, помахав перед лицом пока мы спускались с крыльца.

— Это называется «тренировка», Бэш, — усмехнулся я в ответ, двигаясь за ним к грузовику. — Ты должен когда-нибудь попробовать, — я не оглянусь через плечо на закрытую дверь Лили. Ладно, только одним глазком.

Она была закрыта.

— Чем больше, тем лучше, — объявил Бэш, горделиво хлопая себя по животу. — Спорим, что я смогу поднять больше чем ты в любом случае.

— Посмотрим, старик.

Грэг запрыгнул в кузов и начал поддвигать кривые куски древесины к концу. Ветки были отполированы до блеска, но до сих пор сохранили свою естественную форму. Они были красивыми, но чертовски неудобны для переноса.

— Эй, возмись за другой конец, ладно? — я схватился за конец ствола, оставляя Бэша возиться с этими закрученными ветками.

— Господи, — задыхался он, подтягивая дерево к своему плечу, — из чего оно, из железа?

— А разве ты никогда усилители не таскал в своей жизни? — крикнул Наилс. — Как ты думаешь, насколько они тяжёлые?

Я хохотнул, пока мы тащили первый кусок вниз по круто наклоненной лужайке к скале с видом на океан. Я ощущал напряжения в мускулах и огонь в легких. И я не думал о Лили

вообще.

Ну, кроме сейчас.

Если она выглянет из окна прямо сейчас, ей наверняка будет интересно, какого хрена мы таскаем деревья через лужайку.

И снова, прямо сейчас.

Глава 29.

Лилиана.

Я повернулась боком, подтягивая обвисший корсаж. Чёрная ткань точно передавала мое настроение.

— Нет, я так не думаю.

— Думаю, это будет чудесно выглядеть, если мы всё подошьём, — бедная продавщица была на грани, и я чувствовала себя виновато.

— Смотри, — сказала я устало, позволяя платью упасть кучкой у моих кроссовок. — Я, правда, ценю внимание всего персонала, но я не хочу больше тратить ваше время.

Она выглядела облегченной.

— Я уверена, вы найдете подходящее платье, мисс Несбит. Спасибо вам за покупку в «Бэллами». Пожалуйста, передайте мисс Блу наши искренние поздравления.

— Ага, — сказала я, натягиваю свою рубашку. Два магазина позади, остался один. Если в «Паломе Вельтс» не будет что-нибудь для меня, Энни придётся смириться с падчерицей цвета плесени у алтаря рядом с ней.

Я одарила продавщицу разочарованной улыбкой и вышла под беспощадное солнце, где меня немедленно облепили толпы идеальных, здоровых, а-ля модели, людей, порхающих с йоги к барам с соками. Я ощущала себя хоббитом среди эльфов. И тут же я почувствовала себя такой ботанкой за это сравнение.

«Палома Вельтс» была на том же корпусе витрин, которые выглядели, словно их построили только вчера. После года пребывания здесь, мои глаза привыкли к виду и истории Нью-Йорка. Все здесь было блестящим и новеньким.

В том числе и люди. Симпатичный парень шёл с полненьким парнем и с женщиной, зажавшим коврик подмышкой, который ещё и улыбнулся мне, когда я прошла мимо. Этот парень выглядел так, будто любит читать стихи, делать пожертвования и обниматься. Тот тип, который может нежно и чувственно заниматься любовью и, возможно, поухаживать потом. Я всегда говорила себе, что мне нужен именно такой парень. Я ждала, чтобы ощутить хоть что-то похожее на притяжение. Но всё, о чём я могла думать, так это то, что он не Джакс.

Ты сегодня полная катастрофа, проворчала я про себя, пока толкала дверь Паломы. И покупка платья только доставляет больше проблем.

Я чувствовала себя угрюмой, мрачной и просто хотела запереться в комнате и зализывать раны. Вместо этого я пробежалась пальцами по стеллажам с великолепными платьями, когда нахлынули воспоминания.

Я щелкнула выключателем на телевизоре, мое дыхание вырывалось короткими, отрывистыми вздохами. «Никого особенного» сказал он. Я ожидала, что он скажет мое имя, но вместо этого он отверг меня, отверг нас...

От злости я вскочила с дивана. Накинув на себя вчерашнюю одежду из мятной кучи и пошла к двери, ведущей в студию.

Грэг Фингерс перевел свой взгляд с бумаг, которые читал перед офисом.

— *Доброе утро, Бит, — поприветствовалон. Слава Богу, он уже под кайфом, и его не особо волнует, почему я уснула в студии.*

— *Ты видел Джакса? — требовательно спросила я.*

Его взгляд расфокусировался на секунду, и я прикусила губу от нетерпения.

— *Грэг, где Джаксон? — огрызнулась.*

Он вернулся, будто выплыл из глубин.

— *Вечеринка. В комнате Энни.*

Шато.

— *Спасибо, Грэг.*

— *Эй, Бит, что творится с твоими волосами? — он казался искренне озадаченным. Я потрогала свою коричневую копну и почувствовала, что они спутались. Пальцы Джакса привели их в полнейший беспорядок.*

— *Стараюсь сменить образ, — злобно огрызнулась я, выходя под беспощадное калифорнийское солнце.*

Слова «устало тащится после бурного секса» (прим. пер. — Walk Of Shame — «устало тащиться на утро после бурной ночи пьяной оргии во вчерашней несвежей одежде», но дословный перевод «Прогулка Позора») использовались слишком небрежно. Целая тонна стыда лежала на моих плечах, замедляя меня настолько, что я почти ползу. Я повесила голову до тех пор, пока не толкнула двери пентхауса Энни чуть шире.

Девушки. Везде. И я их не знаю. Но, очевидно, что они знают Джакса.

Я видела красноту от злости.

— *Могу я принести тебя что-нибудь выпить, Джакси? — одна из них просюсюкала. Сейчас гребаные десять утра, и ему ещё не было двадцати одного года, но смотря на неё, её главным приоритетом является спить Джакса.*

Она улыбнулся ей.

— *Я люблю Джека с Колой.*

— *Ты любишь? — крикнула я из холла. Я хотела, чтобы это прозвучало саркастично, но получилось больше, как невменяемый визг. Каждый в комнате обернулся и посмотрел на меня. Я могла увидеть себя в отражении зеркальной стенки в прихожей. Покрасневшее от злости лицо, а волосы запутались в крысиное гнездо, окружающее мою голову. Я выглядела как сумасшедшая. Одна из девушек нервно захихикала.*

— *Эй, Бит, — обыденно произнес Джакс. — Выглядишь, будто у тебя выдалась тяжёлая ночка.*

Девушки засмеялись громче. Я проигнорировала их.

— *Ты любишь с Джека с Колой. Случаем не так же, как ты любишь меня?*

— *О чем, чёрт подери, ты говоришь?*

— *Интервью? — мой голос поднялся до стратосферы. — Никого особенного?*

Головы всех девушек повернулись, чтобы посмотреть на него.

Его руки, лежащие на коленях, пока он наклонился и слушал, он завел за голову. Он небрежно скрестил пальцы и смотрел на меня с самодовольной ухмылочкой, отчего моя кровь бурлила сильнее.

— *Бит, почему бы тебе не сходить в душ, принарядится и вернуться? И прихвати с собой чашечку кофе. Это не имеет никакого смысла.*

Я медленно покачала головой. Между моих ног всё ещё была боль с прошлой ночи, когда я потеряла... когда он забрал...

— Ты не имел в виду ни единого слова, — прошептала я.

Его дерзкая улыбка дрогнула, и он быстро осмотрел наших зрителей.

— Ты заблуждаешься.

— Ты наглый засранец, — ответила.

Он откинулся и кивнул.

— Так точно, детка.

Чувствовать боль от просмотра интервью, когда он публично отверг меня — это одно. Но стоят здесь, пока он позировал и выпендривался перед всей женской аудиторией, оживляя свои жалкие рок-фантазии тем утром когда, он сказал что любил меня...

Вот чего я никогда не смогу простить. Независимо от того, как его желало моё тело, всегда присутствовала неоспоримая истина: он был наглым ублюдком, и он в очередной раз разобьёт моё сердце, если я впущу его в свою жизнь.

Ну, конечно была небольшая проблемка, потому что сейчас он застрял в моей жизни навсегда.

Я подошла к прилавку.

— Привет, я... — мой голос дрогнул и я прижала пальцы к сияющему белому дереву. Платиновая блондинка за прилавком подняла бровь. — Извините, что просто пытаюсь сказать слова погромче. Я впервые говорю их незнакомцу. Можно, я начну сначала, окей? — я сглотнула. — Вы должны были сделать подборку платьев для меня на свадьбу на этой неделе? Я Лилиана Несбит. Будущая падчерица Энни Блу? — я прочистила горло. — Будущая сводная сестра Джаксона Блу?

Глава 30.

Джакс.

— Помедленнее, Джакс! — Бэш весь вспотел.

— Я и так медленно, — притормозил я и переместил дерево на другое плечо. Это был последний кусок из грузовика. — Осторожнее, здесь грязь.

— Где здесь? — Бэш наступил прямо туда, куда я указывал. — О, да ну нахер! — закричал он, когда его ноги подкосились.

Ругательство его не спасло. Тяжелый кусок дерева упал на землю и покатился к обрыву.

— Схвати его! — крикнул я Диггсу, который кивнул и начал бежать. Бэш погнался за ним, и я решил последовать их примеру, когда чей-то визгливый голос раздался с другого конца газона.

— Джаксон, какого черта ты делаешь?

Я тяжело вздохнул и обернулся. Мама махала снизу лужайки.

— Я таскаю дерево, мам. А на что это похоже?

— Похоже, что ты выебываешься, — насупилась она.

Мило. Она уже была пьяна, хотя ещё даже не полдень.

— Да, я выебываюсь, мам. Как скажешь.

Она быстро кивнула, когда я подтвердил её подозрения.

— Вместо того, чтобы стоять там и ковыряться пальцем в заднице, мне нужно чтобы ты сделал кое-что для меня.

Я протёр лицо своей футболкой. Сегодня было офигенно жарко, и я был слишком уставшим для её дерьма.

— Да, мам. Что тебе нужно? — ребята там уже заколачивают беседку достаточно быстро, после долгих и совместных лет работы. Я глянул на них с тоской.

— Мне нужно, чтобы ты забрал платье тети Фионы из магазина и передал его Сальваторе.

Я уставился на неё. Она не могла передать ещё меньше смысла, если бы даже внезапно заговорила на-русском.

— Серьёзно, Энни? У тебя есть четыре персональных ассистента. Почему ты хочешь, чтобы именно я забрал платье Фифи?

И тогда я заметил. Дикий взгляд моей мамы, который пугал мужиков и поменьше. Не зря Наилс возился у алтаря. Его большая, грузная, бородатая и напускная бравада не ровня моей матери в её режиме Невестозавра.

— Потому что я прошу своего сына, который любит меня и благодарен за всё, что я сделала для него, помочь мне, — произнесла она невнятно.

Я снова вытер лицо.

— Господи, мам, можно чуть меньше лести? — я вздохнул. Мне не спастись от этого. — Я заберу идиотское платье. Только дай мне сначала в душ сходить.

Она отвернулась с удовлетворенной улыбкой, убедившись, что снова всё пойдет по её плану. И теперь мне надо отправиться в магазин платьев. Чудесно.

Если я не узнал это место сразу, то они определенно точно узнали меня.

— Могу я вам помочь найти что-нибудь, мистер Блу? — высокая, стройная блондиночка стояла за прилавком, хлопая ресницами. — Что-нибудь для своей девушки... возможно?

— У меня нет девушки, — отрезал я слишком поспешно. Я покачал головой, пытаюсь выкинуть картинку Бит, которая въелась прямо перед моим мысленным взором.

Губки снежной королевы соблазнительно изогнулись, и на секунду я увидела волчий голод в её глазах, прежде чем она отреагировала на флирт.

— Это хорошо, — проворковала она, облизывая свои вишнево-красные губы.

Я остановил её сразу.

— Я здесь забрать заказ.

И тогда я мысленно ударил себя по голове. Продавщица... явно фанатка... это был бы самый легкий перепихон на свете.

Но мне насрать на неё, или её флирт. Я просто был ошарашен её попыткой.

Её ухоженные брови сошлись на переносице.

— На чье имя? — спросила она: все тепло ушло из ее тона.

Мне было интересно, если бы она была из того типа сплетниц, кто продает неподтвержденные слухи таблоидам. И тогда я понял, что мне реально плевать на неё.

— Моей мамы, — сказал я, копаясь в телефоне.

— Сейчас принесу, — снежная королева обернулась и направилась в заднюю комнату. Она серьезно виляла своей задницей передо мной? Почему это было так забавно?

Я обернулся и пробежался рукой по стеллажам. Магазин был мягко освященным встроенными лампами. Дубовые светильники были присоединены к разбросанной мебели, которая, казалось бы, принадлежала комиссии, но я был уверен, что всё это куплено за тысячи долларов.

Другими словами, это было женским раем.

Мои неприкаянные метания привели меня к задней части магазина. Впервые с прошлой недели, в моем мозгу было приятно пусто. После тяжелой физической работы в перетаскивании пиломатериалов, чувство легкости и удовлетворения. Не клубящейся

неразберихи и постоянного сексуального неудовлетворения. Я ощущал небольшой душевный покой.

Весь покой улетучился в ту секунду, когда раздевалка открылась и оттуда вышла Бит.

Она замерла, прижав руки к платью, которое было слишком большим для её крошечного тела. У меня во рту пересохло. Она выглядела... чертовски аппетитно: босиком и с волосами, спутанными в беспорядке. Я упивался ею как бокалом мягкого Скотча, начиная с её лакированных ногтей на ногах и заканчивая её темным, разозленным лицом.

Вот. Дерьмо.

— Ты следишь за мной теперь? — фыркнула она, натягивая это дурацкое платье выше своей груди.

— Серьёзно? — я старался не смеяться, но уже поздно. — Боже, расслабься.

— Ну, тогда какого черта ты здесь делаешь? — она разговаривала довольно громко.

— Я здесь по той же причине, что и ты — достать платье, — и сейчас, потому что я привык постоянно её бесить, я схватил обтягивающее красное платье со стойки и прижал к груди. — Что, думаешь цвет не мой?

Её рот только что дёрнулся? Да, но она ни за что не признает, что я заставил её улыбаться.

— Ты ничего не знаешь о выборе платьев, — протестовала она.

— Я знаю достаточно, чтобы сказать, что это платье просто отвратительно на тебе.

— Что?! — Боже, она такая шумная. Если снежная королева не позвонила таблоидам раньше, я чертовски уверен, что она уже набирает их номер. Бит выглядела, словно собирается убить меня, ну, или взорваться при попытке.

— Ты можешь заткнуться? — огрызнулся я, толкая её в примерочную и закрывая за нами дверь. — Ты устраиваешь сцену.

Она стояла, пыхла и дёрнула платье, словно это был спасательный круг. Комната была больше, чем я ожидал, со стулом в викторианском стиле, стоящим в углу, на котором было кучу платьев. Зеркала с трёх сторон отражали яростное лицо Бит, с опущенными глазами и мое недоуменное выражение лица.

— Что с тобой, чёрт подери, не так? — прошипел я.

Она фыркнула в ответ.

— Почему ты такой злой?

В её глазах стояли слезы, и мои кулаки сжались от того, что я вижу ее боль, даже если причиной этой боли являюсь я.

— Проклятье, Бит, — крикнул я. — Нам надо разобраться с этим дерьмом.

— Здесь?

— Да. Здесь, — я встал перед дверью, перекрывая ей путь. Она пыталась нырнуть под мою руку, но я поймал её и сжал так мягко, насколько это возможно. Её безмолвная борьба стихла через секунду. — Спасибо, — прошептал я, остро ощущая едва ли удерживающееся на ней платье. Всё, что мне нужно это слегка толкнуть ее плечо на дюйм левее...

— Ты такой мудака, — заскулила она.

— Почему у меня такое ощущение, что ты говоришь о прошлом годе? — выдохнул я ей в шею.

— Это неважно.

— Да. Важно, — я положил руки на ее талию, стаскивая собравшуюся там ткань. — Сними эту хрень с себя. Оно выглядит на тебе как простыня.

Она открыла глаза, и в них вспыхнул тот самый огонек, который я так сильно любил.

— У вас какие-либо пожелания, Джексон Диор?

Я оглядел комнату.

— Вот это, — я указал на крошечное ажурное голубое платье. Оно было простым, почти незамысловатым, единственным украшением кроме изящного кружева была обычная лента, скрещивающаяся вверх по спине. Ничего демонстративного. Ничего ошеломительного или невероятного: естественная красота.

— Закрой глаза.

— Ни за что.

— Тогда хотя бы отвернись?

— О, так ты хочешь, чтобы я притворился, что не видел всего этого?

— Да, — яростно прошипела она.

Я повернулся спиной.

— И не говори потом что я не джентльмен.

— Ты не джентльмен, — прошептала она, я мог слышать шуршание ткани по её коже, и я старался изо всех сил не обернуться и не наблюдать за этим. Представляя, как голубоватый шёлк стекает по её обнаженной спине, было трудно сфокусироваться на нашем споре.

— Вот, так лучше?

Когда я обёрнулся, моя челюсть отвисла.

— Чёрт, да, намного лучше.

Глава 31.

Лилиана.

Все обещания, которые я дала себе, вылетели в окно в ту же секунду, когда я увидела его. Пятнадцать минут назад я зализывала рана, вспоминая в ярчайших деталях, как он разбил мне сердце. И затем он появился из ниоткуда. И я пыталась удержать эту обиду, но она улетучилась, как только он прикоснулся ко мне.

— Вот это платье, — голос Джекса сдержанный и хриплый. Не разрывая зрительного контакта, он скользнул рукой под юбку и сознательно положил ее на бедро.

И стал ждать.

Он ожидал, что я прикажу ему остановиться. Скажу ему убираться. Он ожидал, что я закричу, и буду вести себя как гарпия, в которую потихоньку превращаюсь. Джексон оценивал, восприму ли я это действие нормально.

И это было нормально.

И даже больше чем просто нормально. Напряжение, скопившееся во мне в тот момент, когда он прикоснулся ко мне... Мне было намного, намного больше чем просто нормально.

Неожиданно я резко вдохнула, втягивая его запах.

Это неповторимое тепло было настолько насыщенным, что я буквально могла ощутить его на языке.

Будто копируя меня, Джекс втянул воздух, сдвинул ладонь с моего бедра и схватил за задницу. Когда я не отстранилась, он прижал меня к себе, его бедра напротив моих.

Я оказалась лицом к его ключице, наблюдая, как его грудь вздымается и опадает в коротких, контролируемых вдохах. Пульс на его шее бился слегка ускоренно, как и мой собственный. Казалось, что сердце билось в ушах.

Он пропутешествовал руками от моей задницы вверх к талии, обхватывая ее, прижимаясь ко мне всем телом. Я закрыла глаза.

— О чем ты думаешь? — прошептал он.

— Не знаю, — ответила я. Джакс небрежно провел пальцем по моему соску, отчего он немедленно затвердел. Ненависть и отвращение вспыхнули внутри меня, только чтобы вылиться в поток похоти. — Я пытаюсь выяснить.

Он скользнул руками вверх, пока не заключил в обе ладони мое лицо. И наклонил мою голову к своей.

— И это поможет? — прошептал он.

Мое тело знало. Будь проклято это предательское тело. Оно точно знало, как ощущаются поцелуи Джексона, и страстное желание, которое он разжигает никогда не исчезает. Оно просто дремало до сих пор. Момент, когда его губы соединились с моими, просто разрушил все шансы, чтобы дожить до конца этого визита без каких-либо проблем.

Последние остатки разума и рациональных мышлений пытались пробиться наружу.

— Джакс, ты будешь моим братом, — я наполовину простонала, наполовину проворчала. — Мы не можем сделать этого.

— А как насчет этого. Могу ли я сделать это? — он скользнул рукой вниз, обхватывая пальцам бедра, резко раздвигая мои ноги.

— Ты не должен, — прохныкала я.

— Но это не «нет».

Джакс скользнул пальцем внутрь меня.

— Да, — простонала я.

— Святой Боже, Лили, ты уже мокрая, — он вытащил палец, и я застонала, выгибаясь напротив него протестующе. Он поместил мокрый палец в рот и молча сосал несколько секунд. — Блять, теперь я и вправду голоден, — произнес он, облизывая пальцы дочиستا. — Ты прятала от меня эту сладкую киску несколько дней, и я нагулял аппетит.

Он потянулся и с диким рывком сорвал с меня трусики. Когда он опустился на колени и прижал меня спиной к стене, я поймала уголком глаза свое отражение в зеркале, и едва ли узнала женщину, которую увидела. Я выглядела одичало, с рваным дыханием и абсолютно вышедшая из-под контроля. Его бицепсы напряглись, когда он схватил мои ягодицы и поместил обе ноги на свои плечи.

Я отвела взгляд, пораженная своим отражением, но потом посмотрела снова, желая большего.

— Я мог бы делать это вечно, — промурлыкал он, зарываясь своей голубоволосой головой между моих бедер. — Мог бы жить только ради этой киски.

С его слов было трудно поверить, что это все бессмысленно.

— Прекрати разговаривать, — прошипела я, прижимаясь к его лицу.

Он замер.

Плотный бутон, что расцвел в моей груди, исчез, когда Джакс отстранился и вытер рот. Он выпрямился и скрестил руки, качая головой.

— Святое дерьмо. Я только что понял, — он покачал головой, слегка касаясь своей рукой мою вздымающуюся грудь. — Ты просто хотела, чтобы я тебя удовлетворил. И это все. Ты просто хотела тереться об меня, словно я твой шестифутовый вибратор.

— Это просто..., — вздохнула я. — Это не должно ничего значить.

Я словно видела обвал в замедленной съемке. Его лицо скривилось, словно я ударила его, и его широкие плечи опали. Мое сердце екнуло, и я начала что-то лепетать:

— Мы же просто веселились, вот и все. Просто секс, да называй, как хочешь. Вот и все,

Джаксон. Это все не реально.

— Вот только не надо, Лил. Я не играюсь. Это реально для меня.

Я замерла.

Он кивнул.

— Ага. Скажи мне, что это что-то значит для тебя. Потому что я зашел за грань обычного траха. Черт, да я уже давно за гранью этого. Если ты думаешь, что это ничего не значит...

Джакс согнулся почти вдвое на мгновение и затем снова выпрямился.

— Пока, Лили.

Глава 32.

Джакс.

Это была самая трудная вещь в моей жизни, которую я когда-либо делал.

Каждый шаг был словно вечность, пока я медленно шагал к двери.

— Мистер Блу? Ваше платье! — крикнула девушка за стойкой.

Я повернулся как в тумане и молча взял пакет с одеждой. Когда я перекидывал его через плечо, я мог заметить Бит краем глаза. Она стояла в проеме примерочной, ее губы бесшумно двигаются. Она раскачивалась вперед и назад на своих босых ступнях, будто пыталась подойти ко мне, но внезапно приросла к месту.

Просто скажи что-нибудь, мысленно просил я ее. Что угодно. Накричи на меня, если хочешь. Только не дай мне выйти отсюда.

— Джакс...

Она реально сказала это или мне только померещилось где-то в голове? Я в последний раз посмотрел на Лил и взялся за дверную ручку. Ее собственная рука взметнулась вверх... но затем опустила обратно.

Тогда ладно. Все кончено.

Я ехал домой в тишине, абсолютно бездумно. Когда я прошел сквозь входные двери, бросил пакет с платьем на пол, затем развернулся и пошел вверх по лестнице.

Теперь моя очередь прятаться за закрытой дверью.

Мой телефон провибрировал один, два, три раза. Но я не посмотрел. У меня репетиция сегодня, время в студии на завтра. Но оба этих действия будут значить, что мне придется оставить свою святая святых.

Был ли я киской, избегая ее? Определенно. Но, по крайней мере, я был осознающей киской. Я знал что видеть ее, даже мимоходом, было бы большим риском для своего рассудка.

Затем я начал писать.

Тот альбом, над которым я застрял из-за того, что слова просто отказывались, мать их, складываться в песню, сейчас вдруг стал реальным. Через три дня, после того, как Лили признала, что использовала меня, я вышел из комнаты с целыми четырнадцатью песнями в демо-записи.

И это было золотом. Я был уверенней в этом больше, чем в чем-либо еще в моей жизни. Я поднял телефон и, откинув массу оповещений, стал звонить.

— Ну, привет тебе, блудный клиент, — ого, Бев не звучала разозленной. Или я просто убеждал себя в этом, чтобы чувствовать себя лучше.

— Эй, красотка, скучала по мне?

— Не особо, но вот студия, конечно, скучала. Бронь стоит очень много денег, Джакс.

Я тяжело вздохнул и мельком заметил себя в огромном зеркале перед кроватью. Когда я решил повесить его здесь, это было специальная просьба, чтобы я мог видеть себя, когда трахаюсь... когда это, конечно, случалось. Это и вправду не имело значения, пока я мог видеть себя. Но то, что я видел сейчас, заставило меня внутренне содрогнуться.

— Да, Бев, слушай. У меня тут случилось кое-какое дерьмо, и я должен был позвонить. Но у меня есть хорошие новости.

— Скажи мне, что это законченный альбом.

Я усмехнулся.

— Это законченный альбом.

— Тебе бы лучше не шутить надо мной, Блу.

— Конечно, нет. Мне нужна студия и парни, завтра — постой, нет. Дерьмо, в этот день моя мать выходит замуж... Как насчет понедельника? Могут ли они втиснуть меня в понедельник. Пожалуйста?

Бев молчала так долго, что я подумал, что сбросил звонок. Я отвел телефон от уха и проверил, и она уже говорила, когда я снова прислонил телефон.

— ... впервые в жизни слышу, чтобы ты говорил "пожалуйста", Джаксон.

— Да, ну, не привыкай к этому.

Она рассмеялась.

— Окей. Я подержаю за ниточки, поглажу по шерстке кого надо и все такое прочее. Будет лучше, если это и вправду будет стоить моего времени.

— Я всегда стою твоего времени, дорогуша.

— Свинья, — фыркнула она, но когда она отключалась, я отчетливо слышал ее смех. И я тоже смеялся. Свободным, маниакальным смехом, будто что-то упало с груди. Я распахнул дверь, намереваясь спуститься вниз и налить себе победный стаканчик.

Лили опустила свою руку и подняла бутылку, вытягивая ее перед собой, словно предложение мира.

— Приветик, — сказала она тихо. — Перемирие?

Глава 33.

Лилиана.

Все кончено.

Он окончил это.

Я должна быть рада.

...

Почему я чувствую себя так, словно мое сердце разрывается?

Из-за того, как он согнулся пополам. Будто мои слова ударили его прямо в живот. Тогда, и только тогда, я осознала кое-что очень досадное.

В этой ситуации я была плохим парнем. Не он. Я.

Я пялилась на его закрытую дверь и возвращалась на две недели назад. Мы спорили, ругались, но тем, кто действительно был жестоким, была я. Все время я убеждала себя, что это я была пострадавшей стороной, когда во всем была виновата я.

И это очень хреновое чувство.

Я привыкла к такому чувству как сожаление, когда дело касалось Джаксона Блу. Но не к такому. Я пожалела, что была такой бесчувственной и использовала его. Я пожалела, что упорно не желала припомнить те миллиард раз, когда он извинялся. Я пожалела, что слушала, как он открывал мне свое сердце, когда мое было заперто на замок.

Я пожалела, что дала ему выйти из той двери, потому что сейчас я скучала по нему. Не мое тело. Я. Я скучала по нашим спорам и по тому, как он смешил меня. Я скучала по его шуткам и его саркастичным комментариям. Я скучала, так как он был единственным, кто понимал мой странный образ жизни, потому что он сам так жил. Мой напарник.

Мой лучший друг.

Вау. Я реально облажалась.

Он пропустил репетиционный ужин, но все были слишком пьяны, чтобы париться из-за этого. Как только выдался шанс, я взяла бутылочку Джека из мини-бара и пробралась наверх. Я могла слышать его внутри, говорящего по телефону.

— Я всегда стою твоего времени, дорогуша, — ворковал он своим наглым голосом, который использовал с женщинами, и на секунду, мое сердце дрогнуло от ревности.

Нет. У тебя нет права чувствовать это. Это предложение мира. Тебе придется видеть его остаток жизни, так долго, пока папа с Энни вместе. Рождества, дни рождения... он в твоей жизни надолго теперь. Вы могли бы попытаться видеться, будь вы друзьями.

Я быстро сделала глоток виски и расправила плечи, готовая постучать, когда он распахнул дверь.

Его великолепное лицо, которое было радостным всего минуту назад, стало безэмоциональным. Я почувствовала, как мой живот провалился в ноги, и внезапно я поняла, как он чувствовал себя тогда в магазине. То, как слово — нет, лишь взгляд, — может ударить в живот.

Вместо того, чтоб согнуться, я вытянула бутылку.

— Перемирие? — спросила я.

Рот Джакса открылся на секунду, и я была уверена, что он скажет мне нет. Он провел рукой по своему лицу, оттягивая вниз уголки губ, прежде чем пробежаться пальцами сквозь волосы.

— Да, Бит. Входи.

Глава 34.

Джакс.

Она смотрела на меня, будто боялась, что я могу ее укусить. И я был зол, что мне до сих пор было больно, больше чем мне бы этого хотелось.

Ее босые ступни утонули в ковре около моей кровати, когда она оглядывалась вокруг, и потом печально вздохнула.

— Это первый раз, когда я захожу к тебе в спальню. Я была здесь две недели, и даже ногой сюда не ступала.

Я впихнул руки в карманы, чтобы хоть чем-то их занять.

— Да? И что ты думаешь?

Она огляделась, словно она и вправду была заинтересована, осматривая кровать из темного дерева, разбросанные гири, коллекцию использованных гитар, гигантское зеркало на стене.

— Она имеет смысл..., — наконец, произнесла она.

Я хотел рассмеяться.

— Смысл?

— Она подходит тебе.

— Даже боюсь спросить.

Она немного лихорадочно помахала руками.

— Тут слегка разбросанно, там чуть беспорядок. Но она обжитая. И ощущается как дом.

Ее слова повисли в воздухе на секунду, и я позволил себе промолчать. Позволил тишине тянуться так долго, пока она не начнет нервничать, впиваясь каждым пальцем в ковер. Затем я ждал еще чуть дольше.

— Я скучала по тебе, — выпалила она.

Я сжал руки в кулаки.

— Да? И почему же ты скучала?

— Я не об этом, — протестовала она. Я приподнял бровь. — Ну, да, и поэтому тоже. Но я скучала по тебе. Ты прятался от меня.

— Учился у лучших.

Она посмотрела вниз.

— Достаточно честно. Но я, вроде как, хочу остановиться сейчас.

— Вот так?

— Вот так. Да.

Я позволил тишине повисеть чуть дольше, зная, что она не сможет сдержаться. Она должна был заполнить тишину.

— Просто... Я поняла кое-что. Мы не сможем избегать друг друга, Джакс. Наши родители женятся. Завтра, — она приподняла бровь. — К слову, ты пропустил репетицию.

— Вести маму вниз к алтарю. Что тут репетировать?

— Она была зла.

— Как долго?

Бит рассмеялась.

— До третьего бокала бурбона. Когда я ушла с вечеринки, она была на коленях моего отца и пела “Кокаиновые Поцелуи” (прим. пер. — песня Randy Class — Cocaine Kisses)

— Ненавижу эту песню.

— Я тоже, — Лили опустилась вниз, плюхаясь на мою кровать без разрешения и я старался смириться с тем, как правильно она смотрелась здесь. — Мне просто нужно знать, что мы можем стать друзьями, по меньшей мере. Все и так очень трудно и без нас, создающих дополнительные проблемы друг другу, — она посмотрела на меня. — Подожди, стой, не злись, Джакс. Слушай, я была полной задницей. Я признаю. Я обращалась с тобой как с дерьмом, и сожалею об этом.

— Да?

— Да, — ее рот еще двигался, будто она хотела еще кое-что сказать, но не стала. Вместо этого она потрясла бутылкой. — Так что, да. Наши родители женятся и это странно, и все это хреново, и да... Выпьешь со мной?

Я сел на кровать рядом с ней. Какого хера я должен делать? Я был бессильным, когда она пришла сюда. Если бы это реально было кончено, я не был бы таким.

— Отличная идея, — сказал я ей. И я имел это в виду. — За что пьем?

— Я точно не знаю. Ты первый.

Я подумал некоторое время.

— За второй шанс?

Ее голос был тихим.

— За второй шанс.

Мы осушили стаканы, и Бит скривила нос. Это было настолько чертовски мило, что мое сердце почти остановилось. Я забрал бутылку из ее рук.

— И за третий и четвертый, тоже, — объявил я, быстро наливая еще в два стакана.

Она засмеялась.

— Стоп, окей, у меня есть один. Тост, — она подняла стакан, ее глаза сияют. — Этот за наших родителей, за то, что они запороли нам любую надежду, чтобы быть нормальными!

Глава 35.

Лилиана.

Я осушила стакан и затем кашлянула в руку.

Голубые глаза Джакса блеснули.

— Полегче, Бит. Ты, наверное, втрое меньше меня. Даже не пытайся угнаться за мной.

— Фигня, — огрызнулась я. — Я смогу перепить тебя, ублюдок.

— Я уверен, что можешь, до тех пор, пока я напиваюсь с тобой.

Я снова закашляла.

— Просто не можешь сдержаться, не так ли?

— Не-а. Не с тобой. Это проклятие.

— Попытаюсь принять это за комплимент.

— Я так и подразумевал.

— Если мы напьемся, будет ли это плохо для этой... чем бы это ни было...?

— Разрядки?

— Отличное слово, Джакс.

— Я тоже писатель, ты же знаешь.

— Оу... Я знаю.

— Ты разозлилась внезапно. Что за херню я теперь сделал?

— Ничего. Просто ты знаешь, что сказать.

— Ты продолжаешь говорить мне такое дерьмо и я должен признаться, что не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

Я изумленно уставилась на него.

— Ты действительно сейчас говоришь правду?

— Честное слово. Ты постоянно бросаешь эти мелкие загадочные комментарии и затем сбегаешь, вместо того, чтобы объяснить. Закрываешь двери, да что угодно. Ты хочешь быть друзьями? Друзья не выливают такой бесполезной агрессивной херни. Друзья всегда говорят, что у них на уме. Ты зла на меня и злишься уже около года. Почему?

Мои слова вылетели так быстро, что я чуть было не подавилась ими.

— Почему? Почему? Ты реально не знаешь? Ты написал эту долбаную песню о нашей ссоре... в то утро, после нашего первого... мы наконец-то... Черт, ты знаешь, о чем я говорю. Ты просто взял худший момент моей жизни и написал песню об этом. И теперь она везде. Издеваешься надо мной. Насмехаешься над этим. Тем, что у нас было. Тем, что я отдала тебе, — теперь я рыдала. Мне было интересно, может ли он вообще понять слова, которые я пыталась ему сказать.

Он сжал губы вместе в тонкую линию и ждал, пока мои рыдания поутихнут, прежде чем медленно проговорил:

— Лилиана. Ты вообще слушала песню?

— Конечно, придурок.

— Всю?

— Я поняла суть.

Его глаза гневно сверкнули.

— Что на счет шоу? Ты ведь слышала там всю песню?

Он поймал меня. И у меня не было сил лгать.

— Я опоздала, Джакс. Я пропустила ее.

Его рот скривился и голова опустилась, и на секунду мне так сильно захотелось соврать.

— Тебя не было, — повторил он. Он произнес эти слова на выдохе, таком сильном, что могло показаться, что он сдувался.

Он выглядел таким расстроенным, и я мгновенно начала защищаться:

— Я пропустила только "Наглеца"! Я видела все остальное. И я не хочу слышать ее, честно. Я слышала ее миллион раз. Ее включают на радио раз в три минуты или около того.

— Нет, — он встал и подошел к шкафу, подняв свою старенькую акустическую гитару к груди. — Просто послушай. Прямо сейчас.

Нежное брэнчание нисколько не походило на то басистое интро. Оно было легким, почти жалобным. Он положил свою голову на гитару, прижимая ее к своему телу, пока он перебирал струны, и каждый издаваемый звук был пропитан грустью. Теперь я плакала даже сильнее, мелодия такая знакомая, но в то же время такая чужая. Затем он открыл рот, посмотрел на меня и запел:

You got it right... babe. (Так точно детка)

We spent the night... babe (мы провели ночь, детка)

And I'm just a Lil Bit cocky, yes, it's true (и я немного наглый, это правда)

Я поморщилась. Его губы изогнулись в фирменную улыбку, прежде чем он перешел к той части, которую я никогда не слышала.

Now we're young and so in love, (сейчас мы молоды и влюблены)

Body fits mine like a glove (твое тело подходит моему как перчатка)

And I never should have let you go (я никогда не должен был отпустить тебя)

I'm so sorry, I was wrong, (мне так жаль, я был не прав)

And I've loved you all along. (Я любил тебя всегда)

Now I'm trying to let you know (и сейчас пытаюсь дать тебе понять)

Он выдержал ноту, отчетливо и идеально со звоном струн...

You got it right... babe (так точно, детка)

You're always right, babe (ты всегда права, детка)

I'm more than a Lil Bit sorry, yes, it's true. (Мне больше, чем немного жаль, да, правда)

I never thought... babe (я никогда не думал, детка)

We could have fought... babe (мы могли бы побороться, детка)

I want my Lil Bit back inside my arms. (Я хочу свою Лил Бит назад в свои объятия)

You should know... babe (ты должна знать, детка)

I'll never go... babe (я никогда не уйду, детка)

You're the only one I want, yes, it's true (ты так единственная, что мне нужна, да, это правда)

Высока, пронзительная нота... Голос его угрожающе перехватило, и он отвел глаза. Слезы быстро и свободно стекали по моим щекам...

Can we go right back in time? (Можем ли мы вернуться во времени?)

Can we turn right on a dime? (Можем ли мы все резко изменить?)

I promise I will always be true. (Обещаю, я всегда буду верен)

Can you listen to my song? (Можешь ли ты послушать мою песню?)

Tryin' to tell you I was wrong. (Я пытаюсь сказать тебе, что я был не прав)

And I'm telling you that I love you. (И я говорю тебе, что я люблю тебя)

Я чувствовала себя опустошенной. То место, где находился мой гнев, сейчас было просто пустым местом. Вакуум должен был заполнен. И его заполнила любовь, которая таилась всё то потраченное время.

— Джексон.

— Да, Лили, — его голос слегка дрогнул и я увидела, как его кадык дернулся вверх-вниз, когда он сглотнул.

— Я не знала.

— Ну, сейчас узнала.

Я посмотрела вниз на свои руки.

— Папа и Энни женятся завтра.

Он кивнул.

— Я в курсе.

— Но... — я не имела понятия, как он отреагирует, если я спрошу. Я ранила его так сильно, снова и снова, и снова, правда ли я заслужила второй шанс? — Ну, у нас все еще есть сегодня.

Это выглядело, будто мертвец вернулся к жизни. Дюйм за дюймом, его спина выпрямилась. Цвет снова вернулся к его щекам, и дьявольский блеск появился в глазах. Я прикусила губу, когда увидела его дерзкую улыбку, расплывающуюся на его лице.

— Да... У нас есть сегодня.

— Ну? — я развела руками, слегка выгибая спину. Его взгляд остановился на моей груди и затем поднял его к моему лицу.

— Ну, что, Лили?

— Разве ты не собираешься подойти сюда?

— Знаешь, что? Я не думаю, что смогу.

— Ты сейчас шутишь, черт подери?

— Не-а, — он откинулся на спинку и провел рукой по своему паху. Я могла видеть, как его длина уже натягивает джинсы. — Ты иди сюда.

— Правда?

— Ты знаешь, что хочешь, Бит.

Именно.

— Ты дерзкий сукин сын...

— Вот почему ты меня любишь, — протянул он.

Я хохотнула и сползла с кровати. Его глаза следили за каждым моим шагом, как я крапалась по полу, встав на колени между его ног. Он зашипел, когда я прижала руки к его бедрам.

— Не по этому.

Я облизнула губы, смачивая их, подготавливая.

— Почему тогда? — он искренне хотел знать.

— Ну... — я скользнула рукой вверх, обхватив его пах. — Здесь есть...

Его глаза потемнели.

— Покажи мне, как ты любишь его.

Небольшой стон сорвался с моих губ, пока я медленно расстегивала его джинсы. Он откинулся назад, наблюдая за мной, периодически заправляя пряди моих волос за ухо, чтобы он лучше мог видеть мое лицо, пока я доставала его член из трусов.

Когда мягкая головка проскользнула между моих губ, мы оба застонали в унисон. Я всегда думала, что у него была власть, а у меня нет. Но в данный момент, я знала, у меня было столько власти над ним, насколько я была храбра взять.

И внезапно, я хотела все, что у него было. Я резко вдохнула, вбирая настолько много, насколько могла. Его вкус... его запах... Это не виски меня пьянили.

— Лили... черт... — он посмотрел на меня и то, как его губы раскрылись в изумлении, свело меня с ума. Я была настроена взять всего его, каждый драгоценный дюйм.

С гортанным стоном, он собрал мои волосы в кулак и отвел мою голову назад.

— Помедленнее, жадная девочка. У нас еще целая ночь впереди.

Он притянул меня к себе и обхватил своими руками, укачивая меня как ребенка. Я положила свою голову на его плечо, задыхаясь.

— Мне необходимо почувствовать твою кожу, детка. Сними свою одежду.

Я вскочила, чтобы исполнить его просьбу. Джакс откинулся на свои локти, его красивое тело растянулось на кровати, и порочнейшая улыбка в мире появилась на его губах.

— Вот так. Черт, посмотри в зеркало. Видишь ли ты себя?

— Вижу.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты смотрела на себя, пока ты кончаешь. Теперь, иди сюда и сядь мне на лицо.

Мне пришлось прошептать, потому что я не доверяла своему голосу:

— Окей.

Я, должно быть, слишком медленно перебрасывала свою ногу, потому что в ту секунду, когда я оседлала его грудь, он схватил меня за задницу и придвинул меня к себе. Я ахнула, когда он раздвинул мои складки, и бомба взорвалась внутри меня. Джакс одобрительно зарычал, когда я наклонилась вперед, погружая свои пальцы в его голубые волосы, направляя его прямо там... там... там...

— Ты видишь? — пробурчал он напротив меня, и я знала, чего он хотел. Чувствуя, как румянец распространялся по груди и вниз по позвоночнику, я повернула голову и наблюдала. Наблюдала, как я реагировала на него. Когда медленный огонь начал превращаться в пожар, я поборола желание закрыть глаза. Это была последняя ночь, которую мы могли провести вместе, и я не хотела упустить ни одной чертовой секунды.

Жар отчаянья охватил мои бедра, и внезапно я выкрикнула его имя. Джакс прижимал свою руку к моему рту даже когда работал надо мной. Я попыталась отодвинуться, свести бедра, но он схватил меня крепче.

— Нет, — буркнул он, такой же дикий как зверь.

Мои пронзительные крики стали слабыми и тихими. Мой разум исчез в бреду, пока я не была чуть более чем просто лужицей в его руках. Джакс поднялся, ухмыляясь мне.

— Самая сладкая киска во всем чертовом мире.

— Это ужасно, Джакс.

— Едва ли, — он облизнул губы. — Думаю, я останусь там на всю ночь.

— Ты пытаешься убить меня?

— Ты говоришь, что это будет худший способ умереть?

Я просунула свою руку вниз и сомкнула ее вокруг его члена.

— Нет, я говорю, что я еще не закончила.

Его лукавая ухмылка угасла и глаза потемнели.

— Вот это моя девочка.

Желание в его глазах вытаскило меня из тумана. Я мгновенно захотела большего. Он скользнул подо мной и схватил меня сзади. Я услышала звяканье ремня и моя киска сжалась в ответ.

— Смотри, — приказал он, развернув нас так, чтобы мы оба смотрели в зеркало.

Я смотрела.

Смотрела, как он раздвинул мои ноги.

Смотрела, как он обернул свою руку вокруг моей груди.

Смотрела, как его лицо исказилось, и мы оба ахнули, когда он скользнул внутрь меня.

Глава 36.

Джакс.

Я хотел, чтобы она взяла все. Все, что у меня было — её. Всегда было. И всегда будет.

Я откинулся назад, располагая её так, чтобы она двигалась на мне, пока я лежал на спине.

— Возьми, — сказал я ей. — Все. Просто возьми.

Если кто-нибудь прошел бы сейчас мимо двери, нас точно поймали бы. Стоны Лили, шлепки её кожи, пока она скачет на моем члене, выдали бы нас с головой.

Но мне было похер, что нас могли застать. Пусть заходят. Пусть видят меня таким, с Лили, дико двигающейся на мне, ее голова закинута назад от экстаза. В этот раз, когда разразится скандал — и когда я все выскажу прессе — я бы сказал, что я должен был сказать все это время. Что Лилиана Несбит принадлежит мне.

Нет.

Нахер все.

Я принадлежал ей.

Она была повернута спиной ко мне, но я мог видеть все — абсолютно все — в зеркале, и было удивительно, что я не кончил от того, насколько все это было красиво. Её округлые бедра двигались в извивающемся ритме, пока она объезжала меня, ее волосы ниспадали по спине шелковистыми ленточками. Глаза Лилианы блестели, и румянец распространился по ее груди. Я желал сдавить их, сжать между большим и указательным пальцем, чтобы заставить ее застонать, пометить ее розовую кожу, но я застыл от удовольствия. Я боялся разрушить момент, вторгаясь в ее ритм своими толчками.

Дыхание Лили ускорилося. Она наклонилась вперед, обхватив руками мои бедра, и застонала. Я смотрел в зеркало, когда ее маленькие пальцы проскользнули между ее ног, и она начала трогать себя в такт с моими толчками.

— Черт подери, детка, — прошептал я. Я не мог больше продержаться, потому что это было слишком завораживающе. — Именно так. Помоги себе. Мы кончим вместе.

— Так близко, — вздохнула она, и затем ее глаза широко распахнулись. Я почувствовал, как она напряглась вокруг меня, принимая меня в себя еще глубже. Я толкался в нее все быстрее и быстрее и был вознагражден ее приглушенным криком, все ее тело дрожало надо мной. Я подскочил, хватая ее за талию и прижимая плотнее к себе, как ослепляющее наслаждение разлилось внутри меня. Ее имя было единственным, что я произносил, когда я кончил.

Я слепо потянулся к ее лицу, и удивился, когда мои пальцы намокли.

Я посмотрел в наше отражение и заметил ее красные глаза в зеркале.

— Детка, что такое? Что не так?

Похоже, она осознала, что внезапно заплакала, потому что она покачала головой и

спрятала лицо в своих ладонях. Я все еще был внутри нее, но слегка отпрянул, желая дать ей столько времени, сколько потребуется.

Наконец она вытерла свои глаза.

— Джексон..., — начала было она. Затем замолчала. — Черт возьми.

Я наверняка знал, что она хотела сказать вместо этого. У меня было предчувствие, что именно эти три слова вертелись у нее на языке. Но я их сдержал.

— Эй, — прошептал, пробегая рукой вверх по ее предплечью. — Все было хорошо. Между нами все хорошо.

— Да? — в ее голосе было отнюдь не хорошо. По правде говоря, это прозвучало печально.

Я поцеловал ее плечо, желая узнать, чего она хочет, но боялся, что это буду не я.

— Да, — произнес я. Я мог сказать намного больше, но это все что удалось выдать.

Она слезла с меня, слегка пошатываясь, что я заметил не без гордости. Но проблеск собственного эго почти мгновенно исчез, когда я рассмотрел ее лицо. Она подняла подбородок, и проблески того огонька снова были в ее взгляде.

— Все будет в порядке? — она спросила.

Я смутно понимал, о чем она спрашивала, так что я ответил на вопрос в собственных мыслях. Я притянул ее к себе:

— Все будет охрененно.

Она тяжело вздохнула.

— Я не хочу выходить из этой комнаты. У нас все только началось, и если я выйду за дверь, все это закончится.

Я убрал ее волосы и поцеловал в лоб, затем потянул ее за собой обратно на кровать.

— Тогда останься, — сказал я, натягивая одеяло.

Глава 37.

Лилиана.

Я осталась.

Мы впервые спали в кровати вместе. От близости его тела к моему у меня перехватывало дыхание. Он держал мне так крепко, что я с трудом могла вздохнуть и не паниковать. Его кожа обжигала, в каждом месте, где мы соприкасались, разжигалось пламя желаний. Я могла ощущать, как его сердце медленно и равномерно билось напротив моей спины настолько реально, что в один момент я просто не смогла больше этого выносить. Это было слишком.

Что-то внутри меня изменилось. Я потеряла любую надежду на то, что это все исчезнет в бессмысленности. Я думала, что могу выкинуть его из своей жизни, но я не могу насладиться им: мне уже хотелось пододвинуться ближе, прижать свое тело к его, почувствовать как его руки оставляют на мне метки своим жаром.

И, наконец, я осознала, что оставлять его будет чертовски больно.

Так что я не спала так долго, как могла, чтобы продлить этот момент. И когда мы проснулись вместе, не было ни единого слова о том, что произошло между нами вчера. Были только отчаянные поцелуи, сначала один, потом другой, прежде чем я поддалась неизбежному и вышла за порог его двери.

Я взяла себя в руки настолько это было возможно, плеснув холодную воду себе на лицо и стоя под горячим душем, настолько горячим, насколько я могла вынести. Пока я намыливала свою кожу, которая все еще пахла им, я видела маленькие синяки и метки,

которые он оставил на мне.

Мне немедленно захотелось пойти в тату салон и выгравировать их на своем теле навсегда.

Вместо этого я собиралась на свадьбу в платье, которое выбрал для меня Джакс.

Затем я расправила плечи и спустилась вниз.

Мой отец стоял на кухне вместе с другими, выглядя неловко и взволнованно в своих смокингах, что мне хотелось рассмеяться, когда я их заметила.

— Ребята, вы выглядите как живая документалка про пингвинов, — я хихикнула. — Все собрались в группку.

— Мы держим наше яйцо в тепле, — пошутил Грэг Фингерс, пошлепывая огромный живот моего отца.

— Эй, кого это ты назвал яйцом?

— Ты произнес мою шутку.

— Давайте оставаться позитивными, ребята...

Я зарылась лицом в ладони и громко застонала, когда поток шуток превратился в похлопывания по спине.

— Твой последний день свободы, Наилс, — объявил Бэш.

— Ты шутишь? Я даже свободен-то не был. С того момента как я увидел эту мадам, мое сердце больше мне не принадлежало.

Мне пришлось быстро отвернуться. Джакс говорил нечто подобное прошлой ночью.

Когда я снова посмотрела назад, мой отец освободился от повторных похлопываний и подошел ко мне.

— Эй, а вот и она, — произнес папа с огоньком в глазах. — Моя лучшая женщина, он поцеловать меня в щеку, и затем посмотрел прямо в глаза. — Мы скучали по тебе на вечеринке вчера.

Я старалась унять румянец.

— Я была там, пап.

— Но не долго.

Я напрягла свой мозг, чтобы найти оправдание:

— Я думала, тебе будет веселее, если тебе не придется следить за своим языком, — сказала я беззаботно, поглаживая его руку для большей уверенности.

Он кивнул, и на секунду, я думала, что уже все.

— Вы с Джексом повеселились хоть?

— Я и... Джакс? — пискнула я. Я уверена, что вина была написана на каждом дюйме моего лица.

— Видел, как ты взяла бутылку с собой наверх. Надеюсь что ты не пила ее в одиночку. Хотя, если все же ты ее выпила и все еще стоишь здесь, тогда все же я думаю, что твой старик оказал на тебя хорошее влияние.

Я сжала губы и выдавила, как я думала, добродушную ухмылку.

— Ты оказал отличное влияние, папочка, — я нагло врала, целуя его бородатую щеку. Вина и сожаление преобладали над моими эмоциями, но, в конце концов, я заставила себя радоваться за отца в его большой день.

— А теперь пошли. Давай уже, наконец, поженим тебя.

Глава 38.

Джакс.

Даже я мог заметить, что планировщик свадьбы сделал охрененную работу.

С нашего места обзора мы могли разглядеть, что задняя лужайка была переделана в цветущее белоснежное волшебное место. По типу того, на что ведутся гламурные телки.

Когда я услышал ее восхищенный вздох, я понял, что моя мама была такой телкой.

Но такой ход мыслей было отвратительно озвучивать. Я выдвинул свой локоть:

— Ты готова, ма?

Она повернулась, чтобы посмотреть на меня. Ее взгляд был мягким, сияющим от слез счастья. Нет той резкости. Нет ничего, кроме подлинного трепета перед спуском к алтарю к человеку, которого она любит.

Я почти все понял.

— Поздравляю, ма, — сказал я. Мое сердце было очень тяжелым в груди. Я быстро наклонился и чмокнул ее в щеку.

— Джакс, — сказала она, вздыхая радостно. — Я хотела сказать тебе, как я горжусь...

Шум из динамиков прервал ее. Я отпрянул со смехом, когда я вспомнил вступительные строчки.

— "Дикое сердце"? Реально? Ты будешь идти к алтарю под свою же песню?

— Замолкни! — шикнула она, вся мягкость улетучилась. — Мы пропустим наш выход! — пробормотала она наравне со своим голосом, и я закатил глаза. — Окей... Сейчас!

— Давайте покончим с этим, — сказал я себе, достаточно громко, чтобы и ей было слышно.

Мы завернули за угол и начали медленно идти к беседке в конце лужайки.

Все повернулись и встали, наблюдая, как мы спускаемся. Я знал это. Я смутно замечал улыбки и махи приветствия, вспышки телефонных камер прямо перед лицом. Но все выпрямилось в расплывчатый туннель и, единственное, что было важно, стояло в конце.

Бит стояла рядом с отцом, наблюдая за мной своими карими глазами, и сейчас я не мог добраться до нее достаточно быстро.

— Притормози, — зашипела мама, но ее слова вылетели из моих ушей, также как и влетели. Они не имели значения. Ничего не имело значения, кроме того, как выглядела Бит, стоя там, в синем платье. Черт, это платье будет моей погибелью. Платье было моим раем и адом, завернутыми вместе в один маленький идеальный пакет. Я хотел сорвать его с нее по многим причинам, не только из-за очевидного стояка в штанах. Это платье было началом чего-то, что скоро закончится.

Прямо сейчас.

Когда Наилс взял руку моей матери, у меня было желание забрать ее назад.

— Нет, я возражаю, — хотелось выкрикнуть мне.

Но я мог только смотреть на Бит.

Ее глаза были красивыми и грустными. Она выглядела сильной и уязвимой одновременно, и каждая клетка моего тела чесалась от желания все сделать для нее правильно.

Для нас.

Но я ни хрена не мог сделать.

— Эй, — прошептала она, махая мне пальцами.

— Эй, — ответил я, стоя рядом с мамой и чертовски надеясь, что голос прозвучал нормально.

Будто я не сломался напополам.

Глава 39.

Лилиана.

Джакс выглядел неправильно.

Это все, о чем я могла думать во время трудного обмена клятвами. Каждое слово, которое произносил мой отец, все строчки, что я записала и затем переписала, пока они не были совершенными, я написала для Джакса.

Сейчас это стало понятно.

Он смотрел на меня так пристально, что я могла ощущать тепло его взгляда, обжигающее мою кожу, то отводил взгляд, отказываясь смотреть мне в глаза.

Его волосы были нормального русого цвета, из уважения к желанию Энни иметь "нормальные" свадебные фотографии, но эта была не единственная причина, почему он казался таким бесцветным.

— Ты в порядке? — пробормотала я одними губами, когда наши родители обменивались кольцами.

Он слегка покачал головой. Потом снова отвернулся.

Наконец-то, к большой радости, церемония закончилась. Я захлопала, когда папа наклонил Энни, целуя ее с гораздо большим удовольствием, чем положено правилами приличия, но это было в порядке вещей.

Джакс взял меня под локоть, пока мы шли вниз по проходу. Он крепко меня прижимал к себе, тепло его тела под его костюмом окутывало всю меня. Странное эхо предыдущей ночи.

Рецепция было под красивым белоснежным навесом, словно воспаряющие крылья чайки над зеленым океаном газона. Мерцающие гирлянды, обвивающие столбы, заставили меня чувствовать себя, будто я вхожу в сказку. Лица людей, которых я любила больше всего в этом мире плавали вокруг меня — Диггс, Бэш, все остальные ребята, счастливые жених и невеста, и в центре всего этого был Джакс, выглядя, словно татуированный Прекрасный Принц в смокинге. Держась за его руку, я чувствовала себя как королева выпускного бала, которой у меня не было шанса стать. Я вздохнула и прильнула к его плечу.

— Мне и вправду хочется порадоваться сейчас.

— Ты можешь, — ответил он.

— А ты?

— Думаю, я рад за них, да, — он махнул в сторону наших родителей, которые клали торт друг другу в рот. Мой отец аккуратно положил кусочек в открытый рот Энни. Она сделала то же, размазывая глазурь по его бороде.

— Я тоже, — ответила я. И вот это значит повзрослеть? Отказаться от своих самых страстных желаний на благо своих любимых?

Папа и Энни разделили свой первый танец под попури хитов Энни — из-за чего я смеялась в свою руку, когда наблюдала, как лицо Джакса сменилось с радости на отвращение из-за нарциссизма его матери. Но когда песня закончилась, и все остальные пары были приглашены на танцпол, Джакс протянул мне свою руку.

— Пойдем.

Я покачала головой.

— Мы не можем.

— Конечно, можем, это свадьба. Люди танцуют на свадьбах.

— Мы не можем танцевать вместе, Джакс. Это слишком опасно.

— Ты может быть права, но мне реально насрать на все сейчас. Пожалуйста, Бит.

Невысказанная мольба повисла в воздухе. Возможно, это последний раз, когда он может обнять меня. Когда я это поняла, то бросилась в его объятия.

Началась песня, старая классическая рок-баллада, плач гитар и надрывность текста. Это прекрасно подходило моему настроению. Я зарылась лицом в пиджак Джакса, мое сердце практически переполнялось, чтобы что-то говорить.

— Вот и все, получается, — выдавила я.

Он знал, что я имела в виду.

— Вот и все, да.

— Я твоя сестра теперь.

Как-то он умудрился притянуть меня еще ближе.

— У меня самая прекрасная сестра на свете, — сказал он яростно.

Я засмеялась в его грудь и вдохнула его аромат.

— Это просто пиздец.

— На самом деле, да.

— На нас сейчас все пялятся?

— По большей части да.

— Блять. Я собираюсь прятаться здесь вечно.

— Меня это устраивает, — проговорил он так тихо, что я больше почувствовала это, чем услышала. Мы медленно покачивались под музыку. Словно он укачивал меня ко сну, будто он все еще держал меня прошлой ночью. Мне хотелось, чтобы я спала, чтобы все это было плохим сном, и я могла проснуться и быть с ним, как и должна.

Когда музыка закончилась, его хватка несколько не ослабла, так же как и моя.

— Мне страшно отпускать тебя.

— Тогда не отпускай, — он звучал так грустно.

— Джакс...

— Я знаю, — он отпрянул слегка. — Я люблю тебя.

— Я люблю тебя.

И это был второй раз, когда Джексон Блу разбил мое сердце.

Глава 40.

Лилиана.

Энджел никогда прежде не была в моей спальне. Даже сидя в самом дальнем углу моей кровати, свернувшись так сильно, насколько возможно держаться подальше, здесь все равно негде было развернуться. Мне пришлось встать в странную изогнутую позицию и нагнуться, чтобы достать свои последние книги, запакованные в коробки.

— ... могла бы достать нам пропуски за кулисы или еще чего-нибудь, — она была раздражена, хотя и притворялась.

— Энджел, ты не понимаешь. Я не могу у него такое выпрашивать, — я и вправду жалела, что я рассказала ей даже то малое, что ей сейчас известно, но когда я приземлилась в Нью-Йорке, я была настолько расстроенной, что не смогла все держать в себе. Все, что она знает, это то, что Джакс был очень старым другом, в которого я когда-то была влюблена, и не-странно-ли-это, что сейчас он мой сводный брат?

Она продолжила говорить за меня:

— ... полностью, словно, это было вершиной моей жизни, если бы я встретила его. Seriously, какой он? — я открыла рот, чтобы ответить, и она просто проигнорировала меня в

порыве ущемленного чувства. — Я не могу поверить, что ты знала его. Словно ты рассказала все, только когда тебе стало интересно, Лилиана. Мы могли бы проводить больше времени вместе, знаешь. Это всегда было, как вариант.

Я сжала губы вместе и заклеила верх коробки, над которой работала.

— О, да, я знала об этом, — ответила я запыхавшись. — Но наши разные графики и все остальное так усложняют, ты знаешь?

— Да... — она выдохнула облачко пара из уголка ее рта в неплохой такой убийственно пародии на диснеевскую принцессу. Затем она вернулась обратно к самой важной теме. — Так ты и вправду не идешь на его шоу сегодня?

Отвратительный визжащий звук упаковочной ленты заглушил мои слова.

— Нет, — сказала я твердо. Я не доверяла себе, чтобы сказать что-то больше. Все слова скопились на кончике языка, готовые политься в потоке уязвимости.

Я устала на коричневую коробку, как будто это какой-то древний фолиант, который предстояло разобрать, и пересчитала до десяти. Но даже это не могло удержать волну боли от распространения. Черт, у меня было это. Такая любовь, что длится всю жизнь, и я отложила ее в сторону из-за того, как все это будет выглядеть в глазах посторонних.

И он любил меня настолько, чтобы позволить мне.

— Почему ты смеешься? — потребовала ответа Энджел.

— Я не знала, что смеюсь, — сказала, вытирая слезы истерики. — Просто кое-что, что мы с Джексом сделали на свадьбе. Мы идиоты, когда мы вместе.

— Так будьте вместе сегодня! — Энджел была настойчивой. — Мы сможем достать тебе билет. Это будет типа нашего последнего ура, как соседей, ты возьмешь меня встретиться с рок-богом, с которым ты выросла, — она дрожала от волнения. — Его глаза, они, правда, такие голубые в реальной жизни?

— Правда.

— А что насчет его тела, ты видела его вблизи без футболки? О Боже, не обращай внимания, я могу сказать по твоему лицу, что да. А что насчет... — ее голос снизился до заговорщического шепота, — ... его члена? Ты его видела?

— Однажды я застала, как он выходил из душа... — это же правда.

— Боже мой! — она достала свой телефон и начал писать смс. — Seriously, Лили, мы пойдем сегодня. И мне плевать, если мне придется тащить тебя за волосы...

— Нет, — сказала я. Мне хотелось, чтобы голос звучал твердо, но вышло больше, как крик. Она посмотрела на меня, пораженная, пока я пыталась взять себя в руки. — Нет, — повторила я мягче. — Мне и вправду хочется закончить собираться сегодня.

— Но почему ты съезжаешь? Ты никогда не объясняла. Просто вернулась, вся такая странная и молчаливая, и сказала, что мне надо найти новую соседку. И как ты могла так со мной поступить? А что если они окажутся ненормальными?

Я проигнорировала вторую часть ее вопроса, пока я пыталась ответить на первый:

— Я съезжаю, потому что... Очень трудно подобрать слова. У тебя когда-нибудь были перемены в жизни настолько резкие, что ты не можешь поверить, что это незаметно всем, кто видит тебя?

Энджел молчала несколько секунд.

— Когда моя кошка умерла в старшей школе, я была полной развалиной несколько месяцев. Начал носить все черное и так далее.

Я кивнула ободряюще.

— Да, ты начала носить черное. Я переезжаю в совершенно новое место, — или я так считала. Я направлялась на север штата, в писательское убежище в Катскиллс.

Это то, что я сказала Энджел.

Но я не говорила ей, что на самом деле я не была настолько уверена. Я, может быть, проведу некоторое время, путешествуя по стране. Найду какое-нибудь тихое место, чтобы зализать свои раны. Дорога зовет меня. Мой отец, один из всех людей, понял бы, но он все еще был в медовом месяце с Энни. Так что единственный человек, с которым я могла бы поговорить, была моя скоро-уже-бывшая соседка. Сейчас мы разговаривали намного дольше, чем за целый год.

Энджел старалась меня понять. Я должна отдать ей должное за это.

— Это полный бред, — она, наконец, выдохнула.

Я засмеялась и заклеила другую коробку.

— Это так, — согласилась я. — Но мне надо это сделать. Я сойду с ума здесь.

Она откинулась назад и вытянула ноги на кровати.

— Ну, я собираюсь ненавидеть тебя за то, что ты сказала мне это сегодня. Ты определенно точно уверена, что ты не проведешь меня и моих друзей за кулисы?

Я притормозила и посмотрела на свои руки.

— Поверь мне, я — последний человек, которого сегодня захочет увидеть Джексон Блу.

Когда Энджел, наконец, уехала на концерт, в квартире стало тихо. Я только что заклеила последнюю коробку в спальне, когда мой телефон завибрировал так громко, что у меня практически случился сердечный приступ.

Когда я увидела номер звонящего, я посмотрела на время: десять часов вечера. Я не смогла сдержать улыбки.

— Эй, пап, тебе бы лучше не названивать мне в свой медовый месяц.

Знакомый рокот моего отца звучал более спокойно, чем я когда-либо слышала. Месяц на Бора — Бора со своей второй половинкой поспособствовали этому, я думаю.

— Мы только что приземлились в аэропорту Кеннеди, на самом деле, — сказал он. — Думал, мы могли бы заскочить и увидеться с моей малышкой.

Я лишь покачала головой из-за его превосходного тайминга.

— Пап, на самом деле я сейчас нигде не живу. Я переезжаю, пока мы тут разговариваем.

— Ты что?

— Переезжаю.

Папа молчал некоторое время. Затем он пробурчал согласие.

— Эм. Окей. Куда едешь?

Я улыбнулась еще шире.

— Я скажу, как только определюсь, — сказала я ему, и внезапно захотела спросить его о жизни на дороге. — Может, я могла бы встретиться с тобой в Квинсе за обедом, или еще где?

Я слышала, как он что-то бормотал, а потом донеслись звуки небольшой потасовки. И внезапно голос Энни донесся из динамиков.

— Лили! Ты ведь идешь на выступление Джекса сегодня, да? Мы можем встретиться после.

— Я... не иду на шоу. Нет, — я колебалась.

Она выдержала паузу дольше, чем нужно. Достаточно долго, чтобы мое сердце провалилось в желудок.

— У него три шоу в Нью-Йорке, — сказала она сдержанно.

— Я знаю.

— Что случилось с вами обоими?

Мое сердце забилося в горле.

— Что?!

Она фыркнула и, должно быть, переместилась в более тихую часть аэропорта, потому что внезапно ее голос был чище, будто я стояла перед ней в одной комнате.

— Это понятно, что ты любишь его. Почему ты ушла?

Пока мой мозг все еще обдумывал, что там сказала Энни, мой отец забрал свой телефон у жены.

— У вас двоих есть нечто хорошее. Выслушай это от мужчины, который всю свою жизнь убегал от хорошего, Лилиана.

— Сейчас ты никуда не убежишь, старик, — услышала я, как протянула Энни на заднем фоне.

— Нет, пока ты не вернешь мне мои яйца, — отец прорычал в ответ, из-за чего Энни рассмеялась своим богатым, дымчатым смехом. Он обратно вернулся к нашему разговору.

— Каждый отец мечтает о таком для своей дочери.

Мой разум просто отказывался воспринимать услышанное.

— О... таком?

— Я видел, как он смотрел на тебя, пока вы танцевали около рецепции. И, Лили, может, я и не заслуживаю желать что-то для тебя после того, как отсутствовал в твоей жизни так долго. Но лучшее, на что может надеяться отец для своей дочери, так это то, чтобы она была с парнем, который так смотрит на нее. Словно она единственная в мире.

— Ты знал? — проблеяла я.

Мой отец проворчал:

— Может я и старый блудный пес. Я пичкал свои мозги выпивкой и слышу уже не так хорошо из-за рок-н-ролла. Но мои глаза все еще нормально работают. И я могу видеть, что ты любишь его, — он помедлил. — Правда, я до сих пор не знаю почему... ай, — я могла расслышать как Энни ударила его, и я рассмеялась сквозь слезы. — Окей, он, конечно, самодовольный засранец, но ты вытаскиваешь из него все самое лучшее. И он делает тебя счастливой. Я никогда не стану препятствовать этому снова.

Я услышала, как Энни хватается трубку телефона.

— Я уже поговорила об этом со своим публицистом. Мы сможем раскрутить это. Он уже работает над темными и мрачными деталями. Мои предположения, что это пойдет на пользу его карьере, — она замолчала. — Если это то, из-за чего ты волновалась.

— Это была... половина от всего.

— Милая, у нас у всех рок-н-ролл в крови. Это наша работа — поднимать всех на уши, быть плохими ребятами. Черт, да скандал это мое второе имя.

Я промямлила нечто, что смутно походило на слова, когда она продолжила.

— Я горжусь тем, что могу назвать тебя своей дочерью, Лили. Думаю, скоро это приобретет двойное значение.

— Черт подери, — прошептала я.

— Да? — Энни звучала прямо-таки энергично.

Я не знала, что еще сказать, поэтому я сказала единственную вещь, которая была в моих мыслях.

— Мне надо идти.

Глава 41.

Джакс.

Был определенный момент в ночи, когда казалось, что музыка протекает *через* меня. Это происходило на каждом шоу, которое мы отыгрывали на этом месячном мини-туре, и это происходит снова сегодня.

Теперь мы единое целое. Я не прикасался к выпивке с той ночи с Лили. Я был сосредоточен и решителен, даже взял на себя инициативу, не смотря на то, что это рушит всю мою репутацию наглеца. Но это помогало. Даже Бэнкс, кажется, наслаждался в окружении своих клавиш.

Я повернул голову и Каспер выступил вперед, вступая в соло на гитаре, когда прожекторы оказались под таким углом, освещая море сосредоточившихся лиц, наблюдающих за нами. Я поднял свои пальцы и зазвучали бас-барабаны Тэлсона, и внезапно все звуки соединились в бридже (прим. пер. — второстепенная музыкальная вставка между основными частями, своеобразный "мостик" связывающий основу).

Это было поразительно. Это было дико. Это было тем, чего я всегда хотел.

— Said she was my sister/Caught up in a twister (Она говорила, что моя сестра/Поймана на обмане) — последние ноты Каспера плавно смешались с моими. Я выдерживали ноту так долго, как мог, выкрикивая всю тоску в тексте, который я написал в эти лихорадочные три дня. Они едва ли вообще похожи на мои слова. Они были выжжены у меня в памяти, моменты с Лили, что я потерял навсегда.

— Один — два — три — четыре, — прокричал я в микрофон, приведя нас к последней песне перед выходом на бис. — Hey there, stubborn little girl/Wanna show you all the world/But first, you gotta open up your door (Эй, упрямая малышка/Хочу показать тебе весь мир/Но вначале тебе придется открыть дверь...), — этой песни еще даже не было двадцать четыре часа назад, но как-то эти люди уже знали слова "Хлопка". Мне говорили, что эта песня будет даже большим хитом, чем "Наглец".

— Slam the door/Go on and give me more/Slam the door/On me (Захлопни дверь/Давай же сделай так еще/Захлопни дверь/Передо мной).

— Спасибо вам и хорошего вечера! — мы поднялись и соскочили со сцены под оглушительные аплодисменты. Я побежал за сцену и взял полотенце, которое для меня уже подготовили. Рев толпы сотрясал весь стадион, доходя до стропил. — Джакс! Джакс! Джакс!

Я кивнул парням.

— На бис будет Наглец, конечно. Дадим им то, ради чего они пришли. Но давайте сделаем это по-новому, как мы репетировали. Все согласны?

Четыре головы кивнули в унисон.

— Прости, Бэнкс, — поддразнил я. — Я знаю, как сильно ты ненавидишь эту песню.

— Я уже прикипел к ней, — вздохнул клавишник.

Если бы я был еще не так высоко, словно воздушный змей с таким выходом адреналина на этом шоу, я бы проржался с этого признания. Вместо этого я просто кивнул.

— Спасибо, чувак.

— Без проблем, — пробурчал он.

Ну, блин. Это заняло, конечно, много времени, но Бэнкс, наконец-то, поддался моим чарам.

Да, как и все они.

Кроме одной. Той, что важна больше всего на свете.

— Хорошо, — произнес, потирая вместе руки. — Давайте выходить, пока они не разнесли это место к чертям.

— Эй, Джакс? — позвал Диггс со входа за кулисами. — Можем переговорить?

— Дерьмовенькое у тебя чувство времени, чувак, — я никогда не признаюсь, насколько мне нравится, что мамина команда теперь работает со мной. Они были старыми пердунами, но прекрасно знали, как выполнять свою работу. Редкие проблемы возникали, когда они становились слишком фамильярными. Как сейчас. — Это может подождать?

Я заметил коричневую, шелковую макушку,двигающуюся позади него. Мое тело реагирует даже раньше, чем я успеваю вымолвить слова.

— Нет, на самом деле, — Диггс печально улыбался. — Она никогда не была хороша в этом.

— Джакс! — позвала Лилиана из-за его спины. — Джакс, пожалуйста!

Я не колебался. Я кивнул, и Бэш поднял руки, отправляя Лилиану прямо мне в руки. Она уже что-то бормотала, ее дыхание сбивалось, едва ли что-то было понятно сквозь рев нетерпеливой толпы.

— Я, наконец, осознала... Моему отцу пофиг, Энни тоже, но ничего из этого не важно, потому что и мне тоже плевать, — она притянула мое лицо к своему, прикасаясь своим лбом к моему. Я закрыл глаза от настоящего блаженства при соприкосновении ее кожи с моей. — Ты слышишь меня, Джакс? Мне похрен на общество или приличие. Я люблю тебя и это все, что важно.

Глава 42.

Лилиана.

Хорошо иметь друзей. Правильных людей в нужном месте...

Сначала секьюрити был готов вышвырнуть меня. Еще одна девчонка в толпе таких же кричащих девчонок, я все понимаю. Все мои требования позвонить Джаксу, Энни, Касперу или парням из группы пролетали мимо ушей.

Пока не пришел Грэг Фингерс.

— Бит? — похоже, он опять был обкурен, моргая медленно, словно черепаха.

— Грэг! Скажи им пропустить меня за кулисы! Мне нужно поговорить с Джаксом!

— Что ты там делаешь, Бит? — Грэг все еще моргал, и я прикусила губу от разочарования. — Разве ты не должна быть здесь с нами?

— Да! — взорвалась я. — Скажи им пропустить меня!

Грэг кивнул как в замедленной съемке, затем похлопал секьюрити по плечу и указал на меня. Охранник покачал головой и скрестил руки на груди, и я едва ли не взорвалась изнутри. Я была готова звонить в полицию, в Национальную Гвардию. Это явно был вопрос жизни и смерти.

Я на самом деле доставала свой телефон, готовая звонить уже-не-знаю-кому за помощью, когда охранник, наконец, коротко взмахнул рукой и я почувствовала, как меня подняли над барьером.

— Спасибо! — прокричала я, целуя Грэга в щеку и помещая такой же поцелуй на щеку охранника.

Но когда я была за кулисами, я застыла. Я была потеряна в море незнакомцев, которые полностью меня игнорировали. Джакс все еще был на сцене. Мне ни за что не добраться до него без помощи.

— Диггс! — закричала я, когда увидела его знакомое, прекрасное лицо.

— Лили? — он повернулся и уставился на меня, словно я появилась из воздуха. Хотя, может, так и есть.

— Пожалуйста, Диггс. Мне надо поговорить с Джаксом.

Его губы дернулись.

— Наконец, разобралась, да?

— Черт подери, неужели все знают?

Диггс выглядел задумчивым.

— Вполне уверен, что Грэг Фингерс еще собирает все вместе, но у него все получится.

Я покачнулась на пятках.

— Мне будет стыдно потом. Сейчас, мне нужно поговорить с ним. Можешь помочь?

Глаза Диггса загорелись.

— Да, Лил. Думаю, что могу.

Он провел меня прямо к концу коридора.

— Не могу тебя пропустить пока.

Я скривилась и сжала кулаки. От всей этой эйфории добраться сюда, я не думала, что зайду так далеко. Когда я увижу Джакса, что же мне ему сказать?

Мне не пришлось долго думать. Он поспешил сойти со сцены, полотенце висело вокруг его голого, блестящего торса. Тени с его век осыпались под глаза, создавая иной голубой мир.

Он кивнул в направлении своего ассистента, рассмеялся над чем-то, что сказал его гитарист, потом дал какие-то указания по поводу выхода на бис. Наблюдать за ним здесь было также завораживающе, также как и смотреть на него на сцене. Он был полностью в своей стихии, полностью уверенный.

Не дерзкий. Уверенный в себе.

Мое сердце чуть не лопнуло от гордости.

— Джакс! — позвала я. — Джакс, пожалуйста!

Когда он подошел ко мне, я лепетала что-то, первое что пришло мне в голову. Оно едва ли имело смысл, когда я заикалась, но когда я увидела, как замешательство в его глазах стало нечто большим, я знала, что сказала все правильно. То, что я должна была говорить все это время.

— Мне плевать. Я люблю тебя.

Джаксон прижал свою руку к моей щеке и закрыл глаза. Он резко вдохнул, и затем медленно выдохнул.

— Я тоже тебя люблю. И мне пофиг, кто об этом знает. Идем со мной.

Затем он взял мою руку и повел меня на сцену.

Я закрыла глаза от мигающего света. Рев толпы заполнил мои уши. Мне пришлось полностью положиться на Джакса, чтобы он довел меня, куда хотел.

Он ни разу не отпустил моей руки.

— У меня есть кое-что специально для вас, — его голос прогремел в микрофоне. Дикие аплодисменты, казалось, длились бесконечно. Я открыла глаза и посмотрела на толпу, и почувствовала слабость. Море людей, кажется, тянулись на многие мили и мили...

Джакс наклонился ко мне и осторожно повернул мою голову. В момент, когда я увидела его голубые глаза, я ощутила, как сердцебиение вернулось в норму. Он кивнул и снова выпрямился.

— Леди и джентльмены, сегодня я собираюсь развеять тайну. Сегодня со мной на сцене стоит единственная девушка, которую я когда-либо любил. Давайте все поаплодируем женщине, которая подарила вам "Наглеца", — он замолчал, позволяя волне аплодисментов прозвучать. — Она здесь со мной. Моя Лил Бит.

Глава 43.

Джакс.

На следующий день мы вылетели из Нью-Йорка до начала европейской части тура. Конечно, я взял Бит с собой. Но я совершил одну важную остановку перед отъездом.

Парижские огни мигали за окном отеля, когда Бит потянулась на огромной двуспальной кровати, пролистывая сайты со сплетнями с улыбкой на лице.

— Видимо, ты опасный сексуальный плохой мальчик, но и я что-то вроде извращенной золотоискательницы.

— Погоди, а разве нет? — я усмехнулся.

— Болван. О, погоди, а эти называют меня твоей сводной сестрой-смутьянкой. Мне нравится эта аллитерация, — она высунула свой язычок в уголке рта, пролистывая следующую статью. — Похоже, вся эта история поддается аллитерации. Грязный Сводный Скандал. Класс.

Я улыбнулся и вытащил небольшую вельветовую коробочку из укрытия и плюхнулся на кровать рядом с ней. Она была так поглощена нашей прессой, что не сразу заметила, что я держал. Но когда до нее, наконец, дошло, ее реакция определенно стоила того. Ее глаза расширились, губы разомкнулись, затем самый милый румянец покрыл ее щеки. Я планировал сказать нечто красочное, поэтическую декларацию о своей вечной любви и все такое прочее, но затем я заметил, как ее грудь начала вздыматься и опадать, когда ее дыхание участилось, мой мозг полностью опустел от того, что я там запланировал. Вместо этого я сказал то, что думаю.

— Ну, если они думают что это скандал, погоди, пока они заметят, что ты носишь это.

Я надел узкую полоску на ее крошечный палец. Оно подходило идеально.

Лили уставилась на него, блики алмаза отражались в ее широких глазах.

Затем она посмотрела на меня.

— Погоди... ты не собираешься даже попросить меня выйти за тебя, прежде чем надеть его?

— А мне надо?

Она закатила глаза.

— О, Боже мой, ты такой чертовски дерзкий...

Я схватил ее руку, и мне понравилось, как кольцо ощущалось под моими пальцами.

— Ты делаешь меня дерзким, Бит. Это ты. То, как ты смотришь на меня, то, как ты заставляешь меня чувствовать. Когда я с тобой, я чувствую, что у меня есть все, — я приподнял ее голову и провел своими губами по ее. — Я думал, что ты знаешь об этом.

Она моргнула. Выдохнула.

— Мы так молоды.

— Мне не нужно искать то, что у меня уже есть.

— Такой наглый... — она замолчала, когда заметила мои приподнятые брови. — Даже не произноси этого, — предупредила она прежде, чем обернуть свои руки вокруг моей шеи и притянуть меня к себе.

— Так точно, детка, — сказал я, ухмыляясь, прежде чем поцеловать мою Лил Бит.

— Конец! —

Больше книг на сайте - Knigolub.net